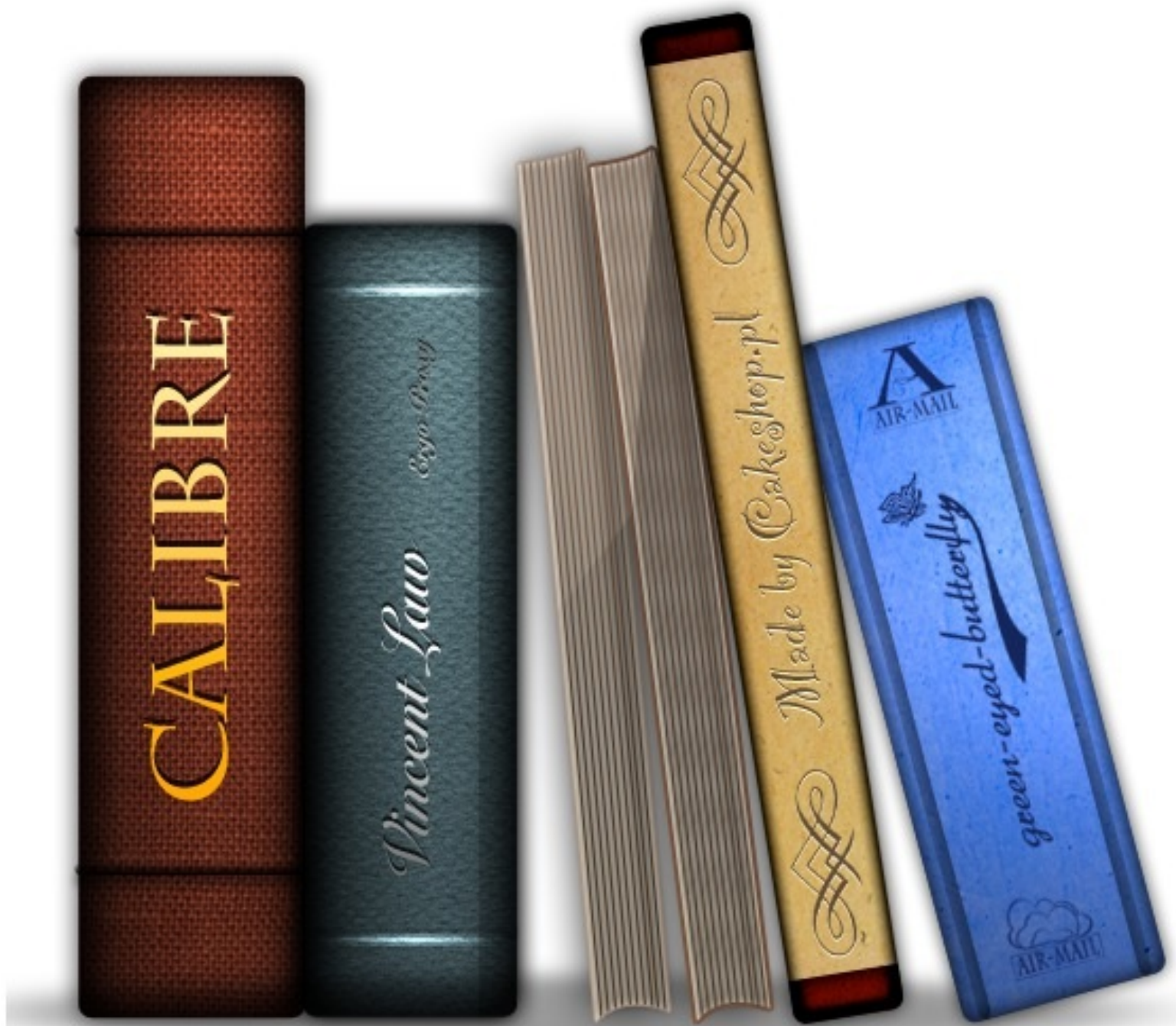

Беседы о духовной жизни

lib.pravmir.ru

calibre 0.8.51

Часть 1. Основы духовной жизни

Сегодня мы начинаем серию бесед, объединенных одной общей темой - об основах духовной жизни. Конечно, тема эта очень широкая, глубокая, и я не претендую на то, чтобы лучше святых отцов изложить это жизненно важное учение, но желаю лишь, подчеркивая основные моменты, во всем следуя святым отцам, так сказать, ввести вас в курс дела. И ни в коем случае не следует думать, что мои беседы могут заменить чтение Добротолюбия и творений таких святых отцов, как святитель Игнатий, авва Дорофей или Иоанн Лествичник. Цель моих бесед - сориентировать вас в этом святоотеческом чтении, в этом теоретическом руководстве. Опираюсь я прежде всего на сочинения русских духовных писателей, живших в более близкое к нам время (хотя, безусловно, не только на них), как-то: на беседу преподобного Серафима Саровского "О цели христианской жизни", на творения святителя Игнатия Брянчанинова, - поскольку эти люди подводили своего рода итог. Надо сказать, что учение таких подвижников, как преподобный Серафим Саровский или святитель Игнатий, нисколько не выходит из русла древнего православного аскетического и нравственного предания, идущего от апостолов, но представляет собой его интерпретацию, осуществленную с одной лишь целью - применить его к современному человеку, напомнить те истины, которые содержатся в апостольском Предании с самого основания Церкви Христовой. Святитель Иринеи Лионский говорит, что святые апостолы вложили в Церковное Предание совершенно все христианское учение, всю полноту своих знаний, наподобие того, как богатый человек кладет в свою сокровищницу все, что имеет. Поэтому ничего принципиально нового в Православной Церкви не появляется. Если пользоваться языком современным, общепринятым, Православная Церковь сугубо традиционалистская. Может возникнуть что-либо новое лишь по форме, допустим какое-то новое молитвословие. Будет написан, например, канон Божией Матери (я имею в виду канон, читаемый во время богослужений или келейно), но по сути в этом каноне, если он является истинно православным молитвословием, должно содержаться то же самое учение о Божией Матери, какое было известно христианам первого столетия - ученикам святых апостолов. Таким образом, по содержанию, по сути своей учение Церкви с апостольских времен пребывает неизменным. Это, так сказать, основной принцип существования именно Православия, отличающий его от других христианских вероисповеданий. Причем не только догматическое учение, например о бытии Божиим, или о строении человека, или о будущей жизни и т.д., преподано нам с апостольских времен и в первую очередь самими апостолами, но и учение нравственное. Преподано оно через Священное Писание и устное Предание, которое постепенно в течение веков было записано святыми отцами. Повторю, ничего нового в Православной Церкви не появлялось и не появляется. Святитель Игнатий по сравнению, скажем, с древними отцами, например с Григорием Синаитом, жившим в XIV столетии, или Симеоном Новым Богословом, жившим в X столетии, или Иоанном Лествичником, жившим в VI столетии, и др., по сути ничего нового не сказал, он просто постарался приспособить неизменные принципы нравственной жизни к жизни своих современников, как, впрочем, делали и Григорий Синаит, и Симеон Новый Богослов. В сущности же учение святых отцов представляет собой то же самое апостольское учение. Вот как нужно относиться к Священному Преданию.

Когда святые отцы рассуждают о таких вещах, о которых не говорится в Священном Писании, например: о борьбе с помыслами, о молитве Иисусовой (на эту тему написано много книг), о значении поста, - то лишь с поверхностного взгляда все это кажется нам неизвестным и чем-то новым. Только Евангелие и апостольские послания представляются нам точным учением, а все остальное - каким-то эфемерным, как будто бы не имеющим четких границ. На самом деле это не так. Святые отцы излагают четкое и ясное учение, и потому люди, находящиеся в лоне Православной Церкви, имеющие духовный опыт, где бы и когда бы они ни жили - в России или в Америке, в XX-ом, XIX-ом или X-ом столетии, - все они имеют замечательное единство мысли, связанное именно с тем, что живут они одним и тем же нравственным преданием. Святитель Игнатий на этот счет замечает, что сам он в юности, читая святых отцов, обнаружил среди них удивительное единство мысли, которого не встречал раньше, при чтении неправославных духовных писателей. В его время была очень большая мода на разных западных мистиков: их переводили, читали, в особенности образованный класс, и считали их учителями духовности. Назову некоторых: Фома Кемпийский, Арндт, Якоб Беме и другие - протестантские и католические мистики. И среди них святитель Игнатий увидел разницу во взглядах, а среди святых отцов - удивительное единство. Я думаю, что те из вас, кто интересуется аскетической литературой и читает ее, также замечали, что и у святителя Игнатия можно встретить то, что ты прочитал ранее, скажем, в беседе Серафима Саровского или в сочинениях Симеона Нового Богослова и др. Стиль, конечно, отличается, но по мысли, по содержанию - как будто написал один и тот же человек. Справедливо на этот счет сказал Екклесиаст: "Слова мудрых - как иглы и как вбитые гвозди, и составители их - от единого пастыря" (Еккл.12:11), то есть единый Пастырь Господь через разных людей составляет богодухновенные книги Священного Писания, а также вдохновляет святых отцов на составление как догматических, так и нравоучительных книг, объясняющих Священное Писание и излагающих Священное Предание. Более того, хотя Священное Писание является центральным, ключевым, наиважнейшим источником, содержащим христианское учение, но в то же самое время вне контекста Священного Предания правильно понять его невозможно - обязательно запутаешься как в вопросах догматических, так и в аскетических или нравственных. Конечно, человек, имеющий здравый смысл, чистоту ума, даже о том предмете, о котором Священное Писание, казалось бы, говорит очень кратко и неясно, способен сделать правильный вывод. Но мы такой чистоты ума не имеем и потому нуждаемся в знакомстве со Священным Преданием. Как трудно человеку простому, недуховному заключить из Священного Писания о том, например, каково бытие Пресвятой Троицы и как воплотился Сын Божий! Такой человек не сможет, читая Евангелие, прийти к правильному выводу, он нуждается в объяснении святых отцов. Так же и в нравственном отношении: когда мы думаем о том, как исполнить ту или иную заповедь, становится ясно, что нам невозможно, не прибегая к разъяснению святых отцов, на деле ее исполнить; хотя, еще раз подчеркиваю, человек духовный, человек с чистым умом мог бы обойтись и без этих комментариев, как, собственно, и обходились без них святые отцы, руководившиеся одним только Евангелием (например, в монастырях Пахомия Великого за первые три года пребывания в обители выучивали наизусть Евангелие и Псалтирь, так что каждый инок, знавший их на память, в нужный момент вспоминал из них какие-то изречения и ими руководствовался).

Потому, когда мы читаем писания святых отцов, например, о борьбе с помыслами или о значении поста и о том, как его проходить, и, не встречая того же в Священном Писании, воспринимаем написанное как нечто новое, то нам лишь с поверхностного взгляда представляется оно таковым. На самом деле аскетические, нравоучительные творения святых отцов содержат в себе, во-первых, как я уже сказал, Предание, вне которого трудно, на практике почти невозможно правильно понять Священное Писание, а, во-вторых, еще и непосредственный опыт исполнения на деле тех или иных заповедей. Проведу следующую аналогию между догматическими и нравственными творениями святых отцов. Догматические творения содержат опыт высшего богообщения. То есть святые отцы, рассуждая о Боге, не только излагают и объясняют апостольское Предание, но и привлекают свои собственные переживания общения с Богом. Они говорят об этом как люди, обладающие точным знанием, на опыте "знакомые с Богом" (простите за такое невозвышенное выражение). Потому они и рассуждают о Нем с совершенной уверенностью. Так и в нравственном отношении: отцы не только защищают Предание святых апостолов, но и присоединяют к нему собственный опыт, - естественно, если он правильный и если он совпадает с апостольским Преданием (точно так же опыт святых отцов, раскрывающий, скажем, учение о Боге, как опыт правильный, совпадает с опытом богообщения святых апостолов).

Такое довольно пространное предисловие я делаю потому, что сейчас коснусь предметов, которые как будто не содержатся в Евангелии; и получится, что, для того чтобы исполнять Евангелие, надо будто бы приниматься за изучение каких-то совершенно посторонних предметов. Однако предметы эти совсем не посторонние. Сейчас нам трудно различить, где излагается непосредственно апостольское Предание, а где - присоединенный к нему опыт самих святых отцов. Все это естественно соединилось, срослось и стало настолько близко друг к другу, что сейчас уже невозможно отделить одно от другого. Дело в том, что в первые века Христианства - в I, II, III и, может быть, в IV столетиях - христиане, дорожа тем, что передали святые апостолы, многие вещи передавали устно - из поколения в поколение, и истинные христиане не вносили в них никаких искажений. Однако начиная с IV столетия, по преимуществу, это устное предание святыми отцами постепенно было записано, и теперь мы собственно устного предания не имеем, но оно стало для нас письменным, по форме святоотеческим. И нам уже практически невозможно отличить, что в нем непосредственно апостольское, а что святоотеческое. Мы лишь знаем, что по сути своей, по духу все это - апостольское и что у святых отцов не было и не могло быть иного опыта, кроме такого, какой был у апостолов, - разве что опыт святых отцов не обладает той же духовной глубиной, что естественно, так как с апостолами сравниться трудно. Но все же некоторые из угодников Божиих сподоблялись такой обильной благодати, таких глубоких духовных переживаний, какие были и у святых апостолов, например преподобный Симеон Новый Богослов или, у нас в России, преподобный Серафим Саровский и, может быть, некоторые другие.

Теперь я хочу перейти к главной теме нашей сегодняшней беседы - о средствах, которыми располагает христианин для борьбы с грехом, ибо духовная жизнь - это прежде всего борьба с грехом. Некоторые, приступая к духовной жизни, по наивности своей предполагают, что все у них будет "в розовом" или "голубом свете" и что они с каждым днем

будут становиться все более и более духовными. Они, мол, начнут молиться, Господь пошлет им благодать, даст смирение, исцелит от всех страстей, и, таким образом, они постепенно все больше и больше будут сподобляться Божественной благодати. На самом деле это не так. Когда человек именно серьезно, а не мечтательно начинает духовную жизнь, завязывается жестокая борьба, в первую очередь с самим своим естеством, потому что не будь наше естество падшим - и сами демоны не могли бы нас искушать. Святые отцы считают, что у человека есть три врага: первый - это собственная плоть, или собственное падшее естество (говоря широко, не только плоть, но и душа наша, конечно, также заражена грехом), второй враг - дьявол и третий - мир. Но, повторю, не будь наше естество падшим - ни дьявол, ни соблазны мира не могли бы никак на нас подействовать. Итак, приступая к духовной жизни, мы начинаем борьбу с этими тремя жестокими, беспощадными врагами. Дьявол иногда искушает нас непосредственно, иногда возбуждает к сопротивлению нашему доброму, доброму намерению наше естество, а иногда действует через мир, то есть либо причиняет какие-нибудь скорби, либо, наоборот, притягивает к себе соблазнами и отвлекает от спасительного подвига. Духовная жизнь - борьба. Святым отцам это казалось настолько очевидным, что они говорили так: "Кто не в борении, тот в прелести". Иными словами, кто не ведет духовной борьбы, тот на самом деле прельщен дьяволом. Именно в борьбе, тогда, когда мы ведем себя достойно, мы и сподобляемся Божественной благодати. Подчас эта борьба бывает мучительной, порой такой страшной, что человек, как ему кажется, находится на грани гибели, хотя невидимо благодать Божия его хранит. Есть такое повествование. Один послушник пришел к своему старцу и говорит с ужасом: "Отец, ты слышал, война началась?" Подвижник же отвечает: "Что мне война, у меня каждый день война". То есть у подобных людей иногда бывает такая жестокая борьба, что они даже смерти не боятся, потому что каждый день переживают тысячи смертей. Нужно помнить это и не ожидать легкой жизни. Действительно, если речь идет о спасении или гибели, о вечном блаженстве или бесконечных муках, то неужели все должно легко даваться? Разве в жизни что-то доброе, что-то ценное дается без усилий? Чем дороже вещь, тем больше необходимо потрудиться, чтобы ее приобрести, - это все знают, но касательно духовной жизни почему-то бытует мнение, будто бы здесь все должно получаться без особого труда, будто духовная жизнь - это нечто эфемерное. Часто такое впечатление создается у людей по той причине, что они принимают за духовную жизнь чтение книг. Как вы знаете, я даже настаиваю на том, чтобы читали святоотеческую литературу, однако чтение - это не духовная жизнь, это только подготовка к ней, читаем мы ради того, чтобы исполнять. Некоторые же люди, располагающие свободным временем и пребывающие порой в праздности, читая книги святых отцов, мечтают о подвигах, о какой-то молитве, о райском блаженстве и прочем и эти свои мечтания принимают за духовную жизнь. Иногда бывают и такие случаи. Когда человек приходит в монастырь и действительно погружается в духовную жизнь - в такую, какая она и есть, т.е. в борьбу, то эти мечтания он бывает вынужден оставить. Однако он настолько к ним привязан, у него настолько нелепое о них мнение, как о настоящей духовной жизни, что ему кажется, будто он ее потерял и будто он деградирует, потому что не имеет возможности празднично мечтать. Такие мечтания обычно сопровождаются большей или меньшей гордостью. Эта мысленная гордость улаживает, утешает человека, и ему представляется, что он живет духовной жизнью. Некоторые наши подвижники так боялись

подобного отношения к святоотеческой литературе, что даже опасались издавать книги святых отцов. Например, преподобный Паисий Величковский очень боялся издавать Добротолюбие, так как думал, что люди, живущие в городе, по-настоящему не знающие подвижнической жизни, прочитав его, начнут мечтать и сделают себя наклонными к прелести или, может быть, подвергнутся ей. Надо помнить, повторяю: "кто не в борении, тот в прелести". Книги мы читаем, чтобы исполнять.

Мирянам и монахам свойственна борьба разной степени и разного вида. У монаха это борьба больше внутренняя, нравственная, собственно духовная (хотя бывают, разумеется, и внешние скорби). Подчас она достигает такой интенсивности, что, подобно тому подвижнику, человек уже ничего внешнего не боится, телесные скорби ему даже кажутся избавлением от внутренней борьбы. Миряне же в основном испытывают скорби внешние. Но не нужно думать, что они приходят нечаянно, сами собой. Часто это также действие дьявола, возбуждающего против нас людей или подстраивающего обстоятельства так, чтобы мы были вынуждены терпеть какие-то лишения, например материальные, болезни и прочее.

Какими же средствами располагает христианин в этой настоящей духовной жизни? Прежде всего, святые отцы настаивают на том, что необходимо соблюдать пост. Хотя эта добродетель как будто бы не самая главная, поскольку таковой является молитва но в то же самое время пост представляет собой то охранение, которое в разной степени необходимо каждому. Не следует думать, будто мы можем обойтись без поста и будто это такая маловажная вещь, что позволительно ею совсем пренебречь. Рассуждая о посте, святые отцы говорят, что Адам согрешил через нарушение поста и поэтому был изгнан из Рая. Действительно, чем иным являлось запрещение Адаму вкушать от древа познания добра и зла, как не неким легким постом? Ограничение в пище - это и есть пост. Адам был изгнан из Рая, потому что согрешил нарушением поста, значит, только через его соблюдение мы можем войти в Рай. Под Раем в данном случае святые отцы имеют в виду не только будущую жизнь, но и вообще духовную жизнь. И ее необходимо начинать с соблюдения поста. Во-первых, это, конечно, общепринятые посты Святой Православной Церкви. Вы знаете, что по времени они занимают большую часть года: где-то более двухсот дней. Церковь, пусть иногда и легкими постами, такими, как Петров или Рождественский, но все же ограничивает нас в пище. Кроме того, постоянно являются постными днями среда и пятница. Также в Русской Православной Церкви существует обычай, которого нет в Восточных Церквях (однако я не буду обсуждать, где правильно, где неправильно; раз у нас существует такой обычай - будем его придерживаться без обсуждения), - поститься несколько дней перед Причастием. Получается, что человек, в особенности часто причащающийся, большую часть года проводит пусть в скромном, но воздержании. Что касается монашествующих, то у нас, опять же, в Русской Православной Церкви, они всегда воздерживаются от мясной пищи, хотя молочную в определенные дни употребляют. И это небольшое воздержание, некий скромный пост постоянно оберегает человека. В иных монастырях, скитах большую часть года воздерживаются и от молочной пищи, а в некоторых обителях вообще очень строго постятся. Правда, сейчас люди немощны не только душой, но и телом, поэтому на деле устав несколько ослаблен, но есть обители, в которых его придерживаются неукоснительно. Например, необычайно строгий пост соблюдают в лавре Саввы Освященного, который с непривычки едва ли можно выдержать. Устав ни в чем не

нарушается, все делается именно так, как написано в Типиконе. Скажем, в Великий пост человеку даются в день пол-лимона, четверть кочана вареной капусты, без масла, и вода. Один русский монах, живший там в наше время, рассказывал, что поначалу он едва-едва мог есть эту пищу, и с гордостью прибавлял, что он прожил в лавре несколько месяцев. Там действительно чрезвычайно трудно. Также очень строго воздерживаются и в некоторых афонских монастырях.

Каково же значение поста, пусть даже такого скромного, какой мы способны понести? Пост несколько ослабляет плоть, ослабляет ее в такой степени, чтобы мы могли ею владеть. Бывают особые случаи, когда человек, если он более или менее крепок телесно, нуждается даже в более строгом воздержании в пище, чем предписывает устав. Это касается в особенности тех людей, которые подвержены блудной страсти. Надо сказать откровенно, что едва ли можно найти такого человека, который не подвергался бы в какой-либо степени искушению со стороны этой отвратительной страсти, и потому все мы нуждаемся в разумном воздержании. Мы все, бесспорно, дорожим своим здоровьем и боимся его потерять, но иногда оно бывает и излишним. Это излишнее здоровье само по себе добро, но, поскольку мы не умеем справиться с собой, оно становится для нас врагом, и тут мы должны себя несколько смирить. Благодати у нас мало, в особенности когда мы только приступаем к духовной жизни, а страсти чрезвычайно сильны, в частности страсти плотские, к каковым относят не только блудную страсть, но и гнев, а иногда в какой-то степени и уныние, лень, потому что эта страсть также часто возникает от пресыщения пищей. И если мы очень искренне, как нам кажется, хотим и на самом деле пытаемся только одной молитвой или покаянием избавиться от тех или иных страстей, то эта греховная сила, содержащаяся в самом нашем естестве, да еще из-за возбуждения этих страстей с какой-то особенной силой, оказывается намного могущественней, чем та малая благодать, которую мы имеем. И человек, самонадеянно думающий, что он сейчас помолится Богу и блудные искушения его оставят, но не прибегающий к воздержанию в пище, естественно, бывает побеждаем - иначе и быть не может. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что тот, кто желает победить блудную страсть и угождает своему чреву, подобен пытающемуся угасить огонь маслом, что, конечно, как вы понимаете, нереально. Но тут же сделаю оговорку: все это необходимо делать очень разумно, с осторожностью и желательнее с совета духовно опытного человека, потому что одним постом также не угасишь никакую страсть. Часто причиной появления блудной страсти бывает гордость. Если человек подвержен гордости, то, хотя бы он и изнурил себя постом, это ему ничего не даст, а, может быть, даже вред принесет, так как от строгого поста гордость усилится: человек станет думать, будто бы он, так строго постясь, совершает нечто необыкновенное, и тогда страсть эта будет приводить его душу в еще большее возмущение. И все-таки тому, кто желает собой владеть, более или менее строгое воздержание в пище необходимо, за исключением людей чрезвычайно больных. Да и то редко встретишь человека, который вовсе не нуждается в посте, - таких почти нет. Бывает, что в отношении обычной трудовой жизни ты болен, немощен, а в отношении блудной страсти оказываешься совершенно здоровым. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что он видел людей, находившихся в тяжелой болезни или на смертном одре, однако мучившихся блудной страстью. Вот какова сила греха в человеке, вот как трудно бороться с этой возмутительной и омерзительной страстью! И происходит она не только от

нашей плоти, но здесь имеет место, еще раз говорю, и действие дьявольское. Значит, для того чтобы даже сама молитва свободно в нас действовала, чтобы мы могли понуждать себя к тем или иным добродетелям, чтобы и само покаяние возникло в нашем сердце, требуется прежде всего некоторое воздержание, по крайней мере такое, какое предписано Церковью в святые посты. Без него обойтись невозможно. Кроме того, человеку живущему одиноко или боримому какой-нибудь страстью, в особенности блудной, а иногда и гневом или ленью (она часто бывает, повторю, от пресыщения), быть может, нужно воздерживаться несколько строже, допустим не вкушать мяса, и, конечно же, не пить спиртного. Последнее, как я как-то иронически замечал, хуже любого мяса, потому что оно хотя и производится из растительного сырья, из зерна например, но на самом деле может дать нашему организму столько энергии, сколько не даст никакое мясо. Вообще говоря, употребление спиртного в небольших количествах допустимо. В древности монахам во время бдения, после вечерни (вспомните, как мы на литии освящаем хлеб и вино), давался "укрух" хлеба и чаша вина. Этим они подкреплялись, ведь других бодрящих напитков в то время не было. Даже Великий пост, в Великую Субботу, после Литургии совершается освящение хлеба и вина, без елей, ради того чтобы монахи могли поддерживать свои силы. То есть елей не разрешается, а вино разрешается. Почему? Потому что это напиток, который, если правильно к нему относиться и употреблять его, конечно же, в умеренных количествах, очень подкрепляет и подбадривает человека, в особенности немощного. В небольших количествах вино является напитком, можно сказать, постным, а если ты злоупотребишь им, то оно будет "скоромней" любого мяса. Поэтому желающему воздерживаться нужно относиться к спиртному очень осторожно. И поскольку в наше время есть такие напитки, как чай, кофе, шоколад, какао, то я думаю, что в большинстве случаев спиртные напитки можно было бы заменить этими безвредными, - разумеется, если здоровье позволяет, потому что иному по каким-то причинам, по состоянию его организма они противопоказаны. Но в принципе это было бы лучше. Кроме того, у нас в России люди не умеют разумно относиться к алкоголю, не понимают, что можно выпить немного но пьют сколько есть денег или пока не выпьют все, что было в запасе. Это народный порок. Я не хочу осуждать всех русских людей, ведь у каждого народа есть какие-то свои недостатки, но пьянство, склонность к спиртному, есть один из общеизвестных пороков нашего народа. Учитывая это, к употреблению спиртного нужно относиться с особенной осторожностью. Потому что если человек немного выпьет, тем более если он борим плотскими страстями, то это может произвести в нем такую бурю, что никакой молитвой не удержишь. Не знаю, сколько надо съесть мяса, чтобы получить такое же количество энергии, какое можно получить за полчаса, хорошо выпив. Помимо получения излишней энергии бывает еще и то, что человек, собственно, теряет контроль над своим сознанием и перестает собой владеть. То, чего он в трезвом состоянии не допустил бы даже в мыслях, под действием винных паров он способен свободно совершить на деле. Поэтому, говоря о посте, нужно прежде всего упомянуть о воздержании от употребления алкоголя. Если мы возьмем даже Священное Писание, то увидим, какие страшные грехи совершались под действием алкоголя. Например, Лот, упившись вином, совершил грех кровосмешения, и он сам не знал, как это произошло. Ной был осмеян своим сыном Хамом; хотя сам Ной и не был виноват, однако же подвергся осмеянию, позору именно тогда, когда по неведению, по незнанию, что такое вино (он в первый раз его делал), упился им. Во

время празднования дня рождения Ирода был убит Иоанн Креститель; также естественно предположить, что на пиршестве Ирод потерял контроль над собою и поэтому сделал то, что он боялся сделать, будучи трезвым, т.е. казнил Иоанна Крестителя. Да и апостол Павел говорит: "Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд" (Еф.5:18). Итак, пост предполагает в первую очередь воздержание от алкоголя, далее (теперь речь идет об особенном посте), - от мяса, также по совету духовника или старца некоторые могут воздерживаться и от молочной пищи, в особенности если человек испытывает какую-то внутреннюю борьбу. Конечно, в любом случае лучше было бы советоваться. Почему? Потому что иные люди берут на себя такой пост, в котором совсем не нуждаются. Например, я не понимаю, для чего тому, кто живет семейной жизнью и никаких необычных подвигов не несет, а начинать вдруг отказываться от мясной пищи. Чтобы взять на себя особенный, личный пост, сверх общепринятых, должно иметь на то какую-то причину, определенное тому основание. Строгость поста тоже должна быть соразмерна с испытываемой нуждой, то есть с тем, насколько сильна страсть, и с тем, конечно же, насколько крепко здоровье (последнее нужно учитывать обязательно). Кроме того, пост необходимо соблюдать и в отношении количества: можно объесться и кашей. Но в то же время нужно заметить, что очень большое значение имеет качество пищи - не только количество, но и качество. Мясная, молочная пища, а иногда и рыба даже в небольшом количестве приносят больше энергии, чем пища растительная. Естественно, что человек постящийся, чтобы подкрепить себя, порой ест по количеству больше, чем тот, кто употребляет скоромное. Поэтому на первом месте - ограничение себя в качестве пищи, я имею в виду ее, так сказать, скоромность, на втором - ограничение в количестве, на третьем - определенное время приема пищи. Причем, опять же, все должно быть разумно и в соответствии с состоянием здоровья, я говорю совершенно общие вещи и не хочу, чтобы кто-то сейчас без совета с духовником или, по крайней мере, самостоятельно не взвесив, сделал для себя какие-то конкретные выводы. Боюсь, как бы вы не приняли мои слова за руководство к действию и не начали усиленно поститься, а это, может, и не нужно. Я просто объясняю, почему важно воздержание в пище. Конечно же, нельзя есть слишком рано, или ночью, или поздно вечером, в особенности перед сном. Также надо учитывать свою загруженность, т.е. занятость и то, сколько сил ты предполагаешь потратить в течение дня на те иные свои дела, трудишься ли ты дома, или в монастыре, или на заводе. Ясно, что если даже крепкий, но занятый тяжелым трудом человек, например заводской рабочий, будет строго воздерживаться, то уже через неделю он просто не сможет работать.

Пост, в отличие от молитвы, не приносит мгновенного результата, но приносимый им результат выявляется постепенно. Посредством воздержания в пище человек приводит себя в некое особое состояние, и вот это собственное состояние ему и необходимо сохранять. Если я, скажем, сегодня ничего не ел, то сразу я не почувствую пользы от этого воздержания, ведь я должен плоть свою ослабить, вывести из нее некоторые вещества. Я говорю, конечно, не с точки зрения медицины, не приравниваю пост к каким-то диетам и т.п. Речь идет только об энергии, если хотите, даже о калориях, а не о каких-нибудь вредных, токсичных веществах - мы этого не касаемся. Пост не приносит мгновенного результата, следует иметь это в виду. Потому наивен человек, который, испытывая, допустим, сильную блудную брань, вдруг накладывает на себя пост и тут же заключает: "Вот, я целый день пощусь, и мне не помогло".

Пользу от поста, от воздержания в пище он почувствует через какое-то время, в лучшем случае через неделю.

Далее, большой, значительной добродетелью, необходимой в духовной жизни, для того чтобы удерживать себя от тяжких, явных греховных поступков, является страх Божий. Эта добродетель тоже возникает не сразу, и над ней нужно трудиться. Иногда о страхе Божиим говорят отдельно, иногда соединяют его с памятью смертной, с памятью о будущем Суде. Мне кажется, что правильнее было бы считать все это за одну добродетель, потому что как можно помышлять о вечности, не памятуя о смерти, и как можно, не думая о вечности, бояться суда Божия? Но размышление о смерти, память смерти, и у мирян, и у монахов также проявляется по-разному. Без сомнения, всякий христианин должен помнить о вечности, а если мы о ней не думаем, то почему считаем себя христианами? Мы обязаны о ней помнить: мы и ограничиваем себя во всем, и понуждаем себя к добрым делам ради вечной жизни, ради спасения души. Правда, некоторые могут возразить, что это унижительно, что нужно служить Богу бескорыстно и совершенно не думать ни о какой награде. Я с ними согласился бы, если бы это были люди, достигшие высочайшего духовного преуспеяния, такие, как Антоний Великий. Он действительно имел право сказать о себе так: "Я уже не боюсь Бога, я люблю Его". Такие люди и смерти не боялись. Апостол Павел говорил о себе: "Для меня и жить хорошо, потому что я приношу вам пользу и тружусь для вас он обращался к своим духовным чадам>, и смерть - приобретение, потому что тогда я соединюсь со Христом и ничто не сможет меня с Ним разлучить" (см. Флп.1:21-25). Даже апостольские труды некоторым образом разлучали человека от общения со Христом, и он желал через смерть с Ним полностью соединиться. Такие люди не страшились смерти и, конечно же, не боялись Бога, но любили Его; мы же не имеем права так о себе думать, для нас это гордость. Я не подразумеваю всех, чисто теоретически можно предположить, что кто-то из здесь сидящих находится в таком состоянии, что уже не боится Бога, а любит Его, однако это чисто теоретическое допущение. Не хочу никого осуждать, но на самом деле я абсолютно уверен, что здесь таких людей нет: это величайшая редкость даже среди угодников Божиих. Если человек и достигает такого возвышеннейшего состояния - состояния чистой, бескорыстной любви, то именно через страх Божий. Добродетель эта представляет собой первую необходимую ступень, и мне кажется, что и сама она уже является величайшим духовным преуспеянием, величайшим приобретением и залогом вечной жизни. Преподобный Исаак Сирий говорит так: "Первая мысль, которая по человеколюбию Божию входит в человека и руководит его ко спасению, есть мысль об исходе из сего естества, т.е. о смерти". Иными словами, первая мысль, настоящая, глубокая, которая начинает приводить человека в серьезную озабоченность о своем спасении, есть мысль о смерти, и тогда, разумеется, у него возникает страх Божий.

Едва ли можно назвать страхом Божиим саддукейский страх наказания Божия в этой, земной, жизни. Саддукеи думали, что нет ни духа, ни ангела, ни вечного блаженства, ни вечных мучений и потому молились Богу только о земном преуспеянии и боялись лишь земных скорбей. Если мы имеем такой страх Божий, то мы ничем не отличаемся от саддукеев и язычников. Язычники тоже просили своих богов единственно о земном благополучии: о здоровье, богатстве, а иногда даже об удовлетворении своих греховных страстей. Если мы так же думаем о Боге и боимся только земных несчастий, то, значит, по

своему умонастроению мы ничуть с ними не разнимся, хотя вера у нас как будто бы другая.

Под памятью смертной нужно понимать не просто воспоминание о том, что мы умрем, так как все живущие на земле люди, если они не лишены здравого рассудка, если они, попросту говоря, не сошли с ума, знают, что умрут. Но иные боятся смерти потому, что таким образом они утрачивают земное счастье, возможность наслаждаться земными благами, земной жизнью. Христиане же думают о смерти не как собственно о смерти, а как о переходе в вечность. Неверующие люди страшатся самой смерти, исчезновения и, имея привязанность к жизни, стараются, с одной стороны, всячески оберегать себя, а с другой - вообще о кончине не помышлять, потому что это страшно. А христиане, наоборот, понуждают себя о ней думать (по крайней мере должны понуждать), чтобы помнить о вечности и о неизбежном будущем Суде. Этим воспоминанием христианин сознательно устрашает себя, тем самым облегчая себе понуждение к добродетельной жизни и исполнение добродетелей, таким страхом он ограждает себя.

Как размышлять о смерти? Казалось бы, в Священном Писании о памяти смертной, как и о посте, подробно не говорится; но нередко речь заходит о геенне, о будущих муках, о Суде - все это есть та же память смертная. Как же размышлять об этом? Начать необходимо с простого воспоминания смерти. Мы все, люди, живущие на земле, даже христиане, стараемся о ней не думать, потому что страшно иметь такую трезвость. Фактически мы находимся в состоянии прелести. Несмотря на совершенную очевидность того, что все мы умрем, мы, однако же, живем как бессмертные, как будто кончина никогда не последует, как будто мы никогда не изменимся, но всегда будем молодыми. Даже в глубокой старости люди откладывают мгновение смерти все дальше и дальше. Иногда это доходит до абсурда: человек уже в таком возрасте, что не может не умереть, и тем не менее он призывает врачей и лечится, полагая, что при помощи докторов и медикаментов станет, так сказать, практически бессмертным. Он снова и снова продлевает свою жизнь еще на какое-то, хотя и малое, время. Смерть же бывает неожиданной, так как никто из нас не знает, когда Господь прервет нашу жизнь, в каком возрасте. Кроме того, если мы будем жить невнимательно, то и в глубокой старости смерть окажется для нас внезапной, так же, собственно, как и сама старость: мы вдруг обнаруживаем, что прошли десятки лет, а мы почти ничего не сделали для своего спасения. Но вернемся к воспоминанию о смерти. Воспоминание самого факта смерти, если при этом человек читает Священное Писание, святых отцов и, что обязательно, молится, поневоле приводит его в предчувствие вечности. Он действительно начинает бояться суда Божия, он понимает и уже искренне, сердечно (а не только умственно) верит, что наступит такой момент, когда он предстанет пред Господом и когда ему, в самом буквальном смысле, придется дать отчет о своей земной жизни и от Самого Господа услышать слова, осуждающие его или милующие.

Добродетель памяти смертной так же, как и воздержание в пище, ограждает христианина по крайней мере от страшных грехов, но повторю, что она, как и пост, сама по себе не может привести в духовное преуспеяние. Забегая вперед, скажу, что самой главной добродетелью является непрестанная молитва, а все эти - вспомогательными, хотя и необходимыми. Я как-то говорил в проповеди, что молитва Иисусова без памяти смертной превращается в какую-то игру и представляет собой не действительное старание умолить Бога о прощении грехов, а некий спорт, имеющий своей целью достижение результатов.

Человек начнет серьезно молиться только тогда, когда он именно сердцем, внутренне, всей своей душой почувствует, что по необходимости ему предстоит умереть и предстать пред Судом Божиим. Даже премудрый Екклесиаст говорит о том, что безумный входит в дом радости, а мудрый - в дом плача (см. Еккл.7:4), т.е. туда, где случилась какая-то скорбь - имеется в виду, как мне кажется, где кто-то умер. Потому что взгляд на смерть всегда отрезвляет человека. Преподобный Нил Сорский среди прочих предлагаемых им орудий для стяжания памяти смерти называет и следующее средство: вспоминать о тех людях, которые умерли внезапно, о своих умерших близких, друзьях, также советует нам приводить себе на память какие-то необыкновенные трагические случаи, когда неожиданно обрывается жизнь человека. Это, вероятно, страшно, мы не хотим об этом думать, но необходимо; здесь нужно мужество - чтобы всегда носить в себе эту добродетель. Без поста, без памяти смертной невозможно приобрести сокрушение сердечное и некоторую спасительную печаль о своих грехах. Печаль спасительную! Не уныние, а ту печаль, которая заставляет человека духовно трудиться.

Еще одной важной добродетелью является уединение. Разумеется, не всем оно доступно в одинаковой степени: некоторые отшельники уходят на многие года в пустыни и вообще не видят людей, а иной насельник монастыря уединяется, может быть, на несколько часов в день. Причем и это некоторым не дозволяется, но разрешается молиться только на общем правиле и за богослужением. Мирянин, конечно же, обычно располагает еще менее продолжительным временем для уединения. Это, надо полагать, полчаса, час, полтора часа в день, притом уединение у человека относительное, я имею в виду, что он лишь спокойно и, по возможности, без посторонних лиц совершает свое молитвенное правило. Без этого уединения обойтись нельзя, оно необходимо, - правда, не у всех есть возможность уединяться, но всякий удобный к тому случай нужно использовать.

Есть еще такая добродетель, как удаление от людей. Не всегда это в буквальном смысле уединение, потому что бывает, что и удалиться некуда, так чтобы совсем никого не видеть, - в доме, например, всегда находятся родственники. Но избегать общения с теми, кто ведет рассеянный или явно греховный образ жизни, конечно же, надо. Рассеянность, разговоры даже с людьми как будто бы верующими, благочестивыми, но не умеющими владеть собой приносят очень много вреда и опустошают человека. То, что исходит из уст, оскверняет его, по слову Господа Иисуса Христа; мы почти всегда об этом забываем. "Не то оскверняет человека, что входит в него, - сказал Спаситель, - но что выходит из его уст" (см. Мф.15:11). Действительно, так и бывает: когда мы много говорим, то мы сами себя оскверняем и опустошаем. Та благодать, которую мы накопили в молитве или приобрели через исповедь и причащение Святых Христовых Тайн, очень быстро нас покидает, когда наше общение становится излишним. Потому его нужно по возможности свести к минимуму, то есть поддерживать тесный контакт с теми людьми, с которыми необходимо: с сотрудниками (да и это общение следует сделать именно деловым, не избыточным), также с теми, кто нас духовно поддерживает, - не обязательно, чтобы это был священник или духовник, иногда это может быть и благочестивый мирянин, но только действительно ревностный. Святитель Тихон Задонский говорит, что одним из признаков истинного христианина является то, что он общается с людьми добродетельными и уклоняется от людей нечестивых. Если человеку нравится находиться в общении с людьми неверующими или, по крайней мере,

рассеянными, значит, он сам такой же. А если ему с ними скучно, следовательно, он ищет чего-то другого. Конечно, совершенно без всякого общения обойтись невозможно, такая попытка также была бы проявлением гордости и самонадеянности. Иногда мы нуждаемся даже не в совете, а просто в поддержке. Не поддержит же меня, скажем, в отношении целомудренной жизни или в стремлении к кротости человек неверующий или маловерующий. Допустим, я ему признаюсь: "Знаешь, я не выдержал и поссорился с таким-то, потому что он мне сказал то-то и то-то". Что он мне ответит? - "И правильно сделал, надо было ему не только это сказать, но еще и то добавить. Надо было еще пойти и пожаловаться туда-то и туда-то". Это же не поддержка. Он принимает в тебе участие, но в каком смысле? Защищает тебя перед человеком, а не перед грехом. Настоящая поддержка - это поддержка в решимости нравственно жить. Когда же я расскажу о случившемся верующему человеку, он скажет: "Да, напрасно ты это сделал, но ничего, пойдешь исповедуйся, мы все немощны". А если он к тому же имеет какой-то духовный опыт, то он добавит: "Надо было тебе так и так поступить, так и так помолиться. Когда у меня бывают вот такие случаи, я так и так делаю". И это будет настоящая поддержка - не оправдание твоих грехов, а именно поддержка, иногда, может быть, соединенная и с укором, если человек тебе близок и ты готов вытерпеть укоризны с его стороны. Очень хорошо иметь таких духовных друзей.

В общении бывают две крайности: одни вообще сторонятся людей, в том числе и тех, которые могли бы их поддержать или вразумить, другие общаются чересчур много и теряют благодать, приобретенную духовными подвигами (это касается и мирян, и монашествующих). Мы должны стремиться к разумному общению с людьми, сообразуя его со своим духовным преуспеянием и своим положением. Не может человек, работающий, скажем, на заводе или в колхозе - где угодно, совершенно избегать людей: это неосуществимо. Если же он стремится к этому, значит, он одержим гордостью и предполагает, что уже способен к такому уединению. Другие под предлогом любви или смирения общаются слишком много и, не имея мужества, решимости отказать людям в бессодержательных, вредных беседах, напрасно тратят время, силы и сами себя опустошают и лишают благодати. И уединение, и общение должны быть разумными, их рамки определяются духовной мерой того или иного христианина и образом его жизни. Потому что иной (мы можем сделать такое теоретическое предположение) вовсе не нуждается в общении, - скажем, Антоний Великий годами не видел людей, а Павел Фивейский - почти всю свою жизнь, пока перед смертью по указанию Божественному к нему не пришел Антоний Великий. Подобным людям общение было не нужно, они общались только с Богом, Который их и вразумлял, и укреплял. То есть мы знаем, что теоретически возможно и такое состояние, но, конечно же, если какая-нибудь Марья Ивановна или Марья Петровна вообразит о себе, что она как Антоний Великий или, тем более, как Павел Фивейский, то это будет просто смешно и может кончиться сумасшествием.

Я замечал, что те, кто избегал общения с верующими людьми, пусть иногда оно и бывает с некоторыми издержками, коснулись в своем состоянии. Что было в них хорошего, то, вероятно, оставалось, но нового они ничего не приобретали. Ведь все равно при общении верующие люди обсуждают какие-то вопросы, передают другу другу книги, во всяком случае во время моей молодости было так. Тогда в книжном магазине книг духовного содержания

купить было нельзя, мы их полулегально копировали на ксероксе или просто обменивались между собой и таким образом что-то друг другу сообщали. Возможно, был притом и какой-то вред, не исключено, что были и болтовня, и лишние шутки, но в то же самое время мы действительно друг друга поддерживали и как-то, по крайней мере теоретически, образовывали: что-то прочитывали, делились, спорили, приходили к каким-то выводам. А те, кто уклонялся от этого, иногда излишнего и неразумного, общения - люди, на вид как будто бы более благоразумные, - оставались в совершенно неизменном состоянии. Они ничего, наверно, не теряли, но ничего и не приобретали. Надо быть трезвым. Невозможно, находясь возле воды, не замочиться, невозможно человеку, живущему в миру, всегда абсолютно безвредно общаться с людьми: все равно где-нибудь что-нибудь лишнее скажешь, и чрезмерно горевать от этого не нужно. Впрочем, слова эти относятся и к монахам в общежительном монастыре. Конечно, свои согрешения необходимо исповедывать. Но если бы мы в полной мере от всех отгородились, то было бы гораздо хуже. Единственное только: следует избегать людей пустых, легкомысленных и, тем более, ведущих явно греховный образ жизни.

Итак, первая добродетель, которую мы рассмотрели, - это пост и воздержание в пище, вторая - память смертная и возникающий от нее страх Божий, третья - уединение и ограничение себя в общении с людьми. Необходимо рассмотреть и такую добродетель, на первый взгляд будто бы даже не являющуюся добродетелью, как чтение. В самом деле, читают, иногда немало, и многие неверующие люди, но суть состоит в том, что является предметом этого чтения. Если его предметы - книги Священного Писания и святых отцов, то оно также будет представлять собой весьма важную добродетель, в особенности в наше время. В глубокой христианской древности, в золотые времена Христианства, было много опытных духовных наставников, но теперь их, можно сказать, почти нет. Есть немногие известные миру старцы, однако они не в силах подробно наставлять каждого приходящего к ним. В древности всякий монах находился под руководством старца, имевшего иногда двух - трех учеников, и он мог посвящать им много времени и учить их; такие люди не столь остро нуждались в чтении святых отцов, как теперь нуждаемся мы. Сейчас опытных наставников почти нет, я имею в виду не просто более или менее здравомыслящих, к каковым и себя причисляю, а именно имеющих глубочайший духовный опыт, говорящих не от книг, но только от своего собственного опыта. Потому святые отцы, предвидевшие, может быть, это оскудение, и написали свои труды, адресуя их в особенности людям последних времен. Если мы сейчас не обратимся к чтению святоотеческих творений, то сами себя лишим духовного руководства. Вместо того чтобы искать каких-то прозорливцев и, как чаще всего бывает, находить прельщенных или в поисках чудотворцев наталкиваться на шарлатанов, лучше нам читать книги святых отцов и у них назидаться. И это было бы истинным, разумным, в наше время действительно возможным послушанием. Никакой настоящий, более или менее опытный наставник никогда не станет запрещать чтение святоотеческих писаний, разве что даст некоторые советы по этому поводу: что и когда читать, что тебе полезно, на что нужно обратить особенное внимание, что тебе не подходит, что тебя не касается. Русские подвижники последних времен придавали чтению особенное значение. Преподобный Паисий Величковский прямо говорит, что если у тебя нет опытного наставника в умном делании, то руководствуйся вместе с каким-нибудь единомышленным братом чтением святых

отцов, и друг с другом делитесь и советуйтесь. Вот как приходится делать, и это будет то же самое послушание, которое у древних подвижников выражалось в беспрекословном повиновении своим живым старцам. То же самое не по форме, а по сути. Когда же человек находит какого-нибудь весьма скромно преуспевшего священника и предает себя ему в беспрекословное послушание, то по форме все это правильно, а по сути - уже неправильно и может принести вред, потому что священник тот не духоносный старец, а такой же немощный человек. Возможно, нескромно приводить себя в пример, но в отношении себя скажу, что я, мне кажется, не претендую на то, чтобы мои советы обязательно и беспрекословно принимали за истину. Одно дело - говорить общие вещи, например, что надо молиться, - и без того все знают, что нужно молиться, нужно читать. А другое дело - дать конкретный совет, он может быть и неправильным: может, я чего-то не учел, либо мой духовный сын или духовная дочь рассказали мне не все или неточно, либо есть какие-то посторонние обстоятельства, либо я с таким именно случаем еще не сталкивался. Поэтому если данный мною совет, пусть даже на вид и разумный в чем-то оказывается неудачным, то я задумываюсь, что же иное посоветовать. Мне кажется, что это совершенно нормально и не нужно удивляться, что иногда духовник сначала говорит одно, а потом - другое. Вероятно, твои обстоятельства переменялись, или ранее он чего-то не учел. Мы не пророки и не имеем права изображать их из себя, а вы не вправе видеть в нас пророков, потому что это тоже прелесть. Надо быть благоразумными. Прежде всего, признаком истинного учительства, как говорил в X столетии (уже тогда было оскудение) Симеон Новый Богослов и как повторял вслед за ним в XIX столетии святитель Игнатий, является совпадение учения того или иного духовника с учением святых отцов. Если совпадение есть, значит, учение его правильно, если нет - неправильно. Опять же, для того чтобы иметь истинное послушание конкретному человеку: священнику, или старцу, или старице (в женском монастыре), или даже какому-нибудь святому, подвижающемуся в миру (все возможно, - например, какому-нибудь Христа ради юродивому; хотя на самом деле бывает это очень редко, но мы можем сделать такое теоретическое допущение), - чтобы истинно совершать такое послушание, необходимо знать святоотеческое учение, а иначе мы не будем понимать, в чем слушаться, а в чем нет. Будем беспрекословно слушаться во всем - можем совершить грубую ошибку, ни в чем не станем слушаться - и это, конечно же, будет нехорошо.

Итак, чтение также представляет собой очень важную и нужную добродетель. Святитель Игнатий говорит, что самыми главными, существенными деланиями монаха являются чтение и молитва. Чтение он даже ставит наряду с молитвой. Повторю, что чтение само по себе не есть спасительная добродетель. Когда мы просто, как я говорил вначале, читаем и мечтаем, то никакой пользы нам это не приносит. Мы лишь предаемся иллюзиям, галлюцинируем; нам кажется, будто бы мы живем духовной жизнью, совершаем нечто духовное, а на самом деле все это только мечта. Однако еще раз напомню, что пост и воздержание в пище, память смертная, уединение и разумное общение, то есть ограничение себя в общении, чтение - все эти добродетели являются вспомогательными; но все же они очень необходимы при главной, основной добродетели - молитве. Еще сюда можно было бы отнести собственно послушание, но сейчас я не буду говорить о нем подробно. Послушание приобретает очень большое значение, если есть опытный духовный наставник. Если же такового нет, тогда лучше руководствоваться в основном писаниями святых отцов и притом

подробно, до мелочей, исповедоваться, а также (хотя иному батюшке это будет неприятно) сравнивать наставления священника с тем, чему учат святые отцы. Это трудно, конечно, и можно запутаться, но если так не делать, то будет еще хуже.

Думаю, основные добродетели, основные подвиги я рассмотрел. Самой же главной, ключевой добродетелью, вокруг которой все вращается, является молитва. Потому что если бы мы стали говорить о покаянии, то позволительно было бы его назвать самой главной добродетелью, но, полагаю, оно само происходит прежде всего от молитвы, первое не может быть без второго, и я даже считаю, что молитва и покаяние - одна и та же добродетель. Молитва - это ее внешняя сторона, а покаяние - дух, внутренняя ее сторона. Молитва не покаянная - это молитва фарисейская, а покаяние без молитвы - это видимость покаяния. Кому мы каемся, о чем мы скорбим, если не молимся? Как сказал пророк Давид, Тебе единому согрешил слова эти обращены к Богу и лукавое пред Тобою сотворих (Пс.50:6). То есть тот, кто почитает себя грешником, конечно же, понимает, что он сотворил грех прежде всего или даже исключительно перед Богом и виноват в конечном счете только перед Ним.

Без молитвы и чтение святоотеческих писаний, и пост, и память смертная, если она вообще возможна без молитвы, окажутся чем-то совершенно мертвым и пустым, наподобие книг, стоящих на полке у человека неграмотного, который не умеет их читать. И тот, кто не молится, от чтения творений святых отцов не получит никакой пользы, написанное ими будет для него "китайской грамотой". Он просто не будет понимать, что именно они имеют в виду, потому что сам он не живет духовной жизнью, не сталкивается со всеми этими проблемами. Он решит, что речь идет об одном, а святые отцы подразумевали совсем другое. Такой человек не только святых отцов, но и Священное Писание не сможет правильно понять: то, что нужно осмыслять буквально, ему будет казаться каким-нибудь символом, аллегорией. Например, кто способен уразуметь слова апостола Павла, что наша брань не против плоти и крови, но против духов злобы поднебесных (см. Еф.6:12), если не живет духовной жизнью и не молится? Как можно понять слова апостола Павла: "Разве вы не знаете, что Иисус Христос живет в вас, разве только вы в чем-то неискусны" (См. 2Кор.13:5)? Конечно, мы неискусны и поэтому не знаем, что на самом деле, а не образно в нас может жить Христос. Как уяснить себе слова Самого Спасителя, когда Он говорит, что тот, кто любит Меня, заповеди Мои соблюдет, и Я прииду и явлюся ему Сам (см. Ин.14:21)? Как человек, не живущий духовной жизнью, сможет понять, что Господь Иисус Христос действительно является в душе, в сердце того, кто соблюдает заповеди, и иногда даже того, кто только пытается их соблюдать? Людям недуховным все это кажется аллегорией, им представляется, что сказано это в переносном, а не в буквальном смысле, хотя перед нами самые точные выражения, происходящие единственно из опыта, а не из каких-то отвлеченных умозаключений. При обучении какому-нибудь ремеслу человеку сначала все объясняют, а потом говорят: "Ну, берись за дело, дело покажет" - и бывает именно так. Подобным образом происходит и здесь: если ты не возьмешься за молитву, не будешь понуждать себя к ней, то ничего по-настоящему не поймешь, хотя бы ты прочел все книги святых отцов, хотя бы о памяти смертной ты мог прочитать целую лекцию. Так оно и бывает, к сожалению. Все настоящие богословы и, вообще, все догматические учителя Церкви, то есть те, которые учили на догматические темы, были подвижниками. Как говорил Григорий Богослов, нельзя рассуждать о Боге, если ты не очищаешься ради Бога. Пример нашего

времени: очень ревностным православным христианином был отец Серафим Роуз, американец по происхождению, принявший Православие, живший в монастыре в горах Северной Калифорнии. Он подвизался как настоящий монах. Мы не знаем, конечно, какого преуспевания он достиг, но по его писаниям видим, что отец Серафим был истинным богословом, ревнителем Православия, точно отличавшим, как бы неким мечем отсекавшим ложь от истины. Между тем он, помимо имевшегося у него светского образования, окончил лишь трехгодичные богословские курсы, а потом просто читал святых отцов. У святителя Игнатия не было никакого богословского образования, но он самостоятельно изучал святоотеческие писания. Опыт духовной жизни, прежде всего опыт молитвенный, открывает человеку глаза и проясняет его ум, и человек тот становится истинным богословом и учителем, учение которого и по духу, и, можно сказать, даже по букве совпадает с тем, чему учили отцы-подвижники, жившие ранее его. А студент академии или института, который много чего читает и много знает, но не живет молитвенной жизнью, просто не понимает изучаемого, и он даже представления не имеет, какие книги нужно читать, не может отличить истину от лжи. Он подобен слепому. В Евангелии есть повествование о том, как Господь вывел одного слепого за пределы селения и плюнул на его глаза, и тот начал видеть людей, как деревья, то есть смутно, а потом уже Спаситель возложил руки на глаза его и он прозрел окончательно (см. Мк.8:22-25). Так же и эти люди: видят окружающих, как деревья, вроде бы у них есть какая-то вера, но они прозрели не окончательно и зрение у них такое смутное, что они не то чтобы не в состоянии отличить одно лицо от другого, а видят людей, как стволы деревьев. То есть тонкого рассуждения у тех, кто не живет опытной жизнью, быть не может. Тем более у нас нигде и ни в чем не будет настоящего понимания, если мы не будем молиться Иисусовой молитвой. Можно даже сказать, что и другие молитвословия, предлагаемые Православной Церковью для молитвенного употребления, также будут для нас мертвыми, будь то те или иные молитвенные правила, либо утренние и вечерние молитвы, либо чтение канонов, либо даже участие в богослужении. Я не умаляю значение богослужения и в особенности, Таинств, но если мы не молимся непрестанно, то богослужение остается для нас мертвым. Не потому, что оно мертво само по себе, а потому, что мы для него мертвы, не способны его воспринять и постичь. Только тогда, когда человек заставляет себя молиться, руководствуясь, конечно, святоотеческими писаниями, он начинает понимать необходимость для себя поста, в большей или меньшей степени, важность памяти смертной и силу ее действия, вред или пользу от того или иного общения, а также смысл читаемого у святых отцов и в Священном Писании. От молитвы, собственно, рождается настоящее покаяние. А когда человек вспоминает свои грехи и рыдает так, что и службы не слышит, и вообще забывает о молитве (в особенности это характерно для женщин), то это не покаяние. Некоторые же такому состоянию радуются как чему-то необыкновенному, но это просто такая склонность, присущая в основном женской натуре. Поскольку женщины - существа более нервные, они больше мужчин предрасположены к плачу. Это не есть покаяние. Оно должно быть молитвенным, мы всегда каемся пред Богом, поэтому естественно, что от покаяния всегда рождается молитва.

В сегодняшней беседе я не говорил о таких добродетелях, как смирение, любовь к ближнему, кротость и прочих подобных. Я вел речь лишь о добродетелях-средствах к стяжанию благодати Божией, о тех добродетелях, которые нам помогают бороться с грехом.

Теперь желающие могут задавать вопросы.

Вопрос. Я был когда-то знаком с одним мусульманином. Когда я узнал о том, что он кощунствует, то стал от него уклоняться, а он начал еще больше кощунствовать из-за того, что я с ним не общаюсь. Виноват ли я в усилении его греха?

А если уходит из жизни человек, который хотя и не был мусульманином, но кощунствовал, - может Господь простить ему это или нет?

Ответ. Конечно, греха никакого на тебе нет, потому что от кощунников, безусловно, нужно уклоняться. То, что он еще больше кощунствует, - это его дело, его грех. С такими людьми общаться нельзя. Иначе ты будешь слушать кощунство - получается, как бы одобрять его.

В ответ на второй вопрос можно сказать, что хула, проявляющаяся в такой откровенной форме, не простится ни в настоящее время, ни в будущем, если человек не покается. Так что здесь не о чем и говорить: мы имеем слова Самого Спасителя о том, что кто хулит Духа Святого, тому не простится ни в сем веке, ни в будущем (см. Мф.12:32).

Вопрос. В некоторых наших молитвословах говорится, что при крестном знамении надо касаться пальцами лба, груди и плечей. Верно ли это?

Ответ. Это неправильно, пишется так как бы из деликатности. На самом деле мы касаемся соединенными пальцами лба, потом - чрева (где-то в области пупка, но не ниже), плечей. И когда таким образом изображаем на себе крестное знамение, то действительно получается правильный крест. Если же мы касаемся груди, а не чрева, то получается крест перевернутый, на что указывается и в "Законе Божиим" под редакцией Серафима Слободского. Может быть, это и не принципиально, я не хочу, чтобы возникало в отношении этого какое-то фарисейство, но все-таки лучше делать все как полагается. Не нужно придавать этому особого значения и осуждать всех, кто как-то не так осеняет себя крестным знамением. Возможно, иной и немного неправильно перекрестится, зато с большей верой, чем мы, - когда все делаем точно, а веры у нас нет. Но самим все же следует стараться делать все правильно. Надо креститься с верой, истово с благоговением, понимая значение крестного знамения, веря в его силу, - вот что важно. Естественно, что от такого благоговения происходит и внешняя аккуратность. Человек, благоговейно относящийся к кресту, не будет небрежно креститься. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорит, что когда крестишься, в особенности если у тебя какая-нибудь брань, греховные помыслы, нужно нажимать пальцами на лоб, на чрево и на плечи подчеркнуто истово. И кто будет так благоговейно, внимательно креститься, особенно когда одолевают какие-нибудь греховные помыслы, тот, безусловно, на себе познает силу крестного знамения.

Вопрос. Часто, когда готовишься к исповеди, испытываешь чувство раскаяния и сокрушения о своих грехах, а приходишь к священнику - сухо перечисляешь грехи, и того сокрушения, которое было при подготовке, нет. Отчего это? Прощает ли Господь грехи при таком их исповедании или Он уже простил их раньше?

Ответ. Думаю, не всегда у нас бывает одно и то же духовное состояние и не всегда именно оно проявляется на исповеди. Конечно же, Господь грехи прощает. Если мы будем относиться к себе слишком придирчиво, то, пожалуй, редко у нас будет появляться желание приходить к исповеди. Потому что скажем, что "благодати мы не чувствуем". Часто мы, и причастившись, тоже, кажется, ничего особенного не ощущаем, а уже после душевное наше

состояние подсказывает нам, что мы испытали какое-то внутреннее изменение.

Почему может не быть сокрушения? Во-первых, это сокрушение, возможно, было раньше, когда человек каялся при подготовке к исповеди, и оно просто по времени, так сказать, отдалено от исповеди, но все же это покаяние. Во-вторых, можно прийти на службу усталым. Если у тебя, оттого что ты читал каноны, готовился к службе, мало спал, а потом еще до храма долго ехал, появилась усталость, то твоя телесная немощь, как бывает, к сожалению, у всех людей, начинает влиять на душевное состояние - и ты уже не можешь так внимательно помолиться или явственно ощутить приток благодати; а вечером, после дневного отдыха, или на следующий день, после того как ночь отдохнешь, чувствуешь какой-то душевный подъем. Не всегда благодатное действие чувствуется сразу, по многим и различным причинам. Может, отчасти ты рассеиваешься в дороге: дома ты сосредоточен и собран, а в дороге, пока часа два едешь, рассеиваешься - и уже нет того благодатного ощущения. Хотя Таинство действительно. Думаю, что нужно ждать не столько каких-то собственных ощущений от исповеди, сколько чувства облегчения - признака исповеди. Это уже зависит не от человека, но является действием Божественной благодати в Таинстве. Часто бывает, что у тебя как будто некая тяжесть спадает с сердца, с души - я и сам это чувствовал и испытывал: какой-то вздох облегчения. И многие люди, которые у меня исповедуются, после прочтения разрешительной молитвы часто вздыхают или как бы выдыхают: "Уф-ф!" - словно что-то с себя сложили. Это такое непровольное внешнее проявление облегчения, испытываемого на исповеди. Вот что самое главное. Хотя не нужно стремиться нарочно вздыхать и плакать. А то вы начнете перед исповедью изо всей силы и любым способом понуждать себя плакать, а после нее станете облегченно вздыхать. Надо искать внутреннего, духовного, а о различных мелких неудачах не очень скорбеть. Не получилось немножко - и ладно... Не надо придавать этому особенного значения. Главное, чтоб в основном мы держались правильного направления, чтобы шли по правильному руслу, не уклоняясь в сторону.

Вопрос. Какое значение для человека имеет его имя? Имена давали в зависимости от заключенного в каждом из них смысла: так Иисус Христос менял имена Своим ученикам, имя меняют при постриге. Миряне всю жизнь живут с одним и тем же именем, которое имеет свой перевод с греческого, еврейского и т.д. Должен ли человек внутренне соответствовать значению своего имени?

Ответ. Наши земные имена случайны. В будущей жизни, как сказано в Апокалипсисе, каждый получит такое имя, которое будет знать только он один (см. Откр.2:17). В настоящей жизни имена случайны, пусть даже они намеренно, сознательно даны при постриге с каким-то значением - все равно никто не знает, что из этого человека получится. Если я ношу имя Авраам то это не значит, что я такой, как праотец Авраам, и все должен делать в точности, как он. Или если отец Петр носит имя в честь Петра, царевича Ордынского, то не значит, что он царевич. Что касается перемены имени при постриге - это символ того, что человек начинает новую жизнь. От жизни в миру, от тех грехов, какие имел, - от всего этого он теперь отказывается и коренным образом меняет свою жизнь, постриг - как бы второе крещение. Ведь при крещении тоже дается имя, и это означает, что человек полагает начало новой жизни. Имя дается, как сейчас принято, в честь какого-нибудь святого. В глубокой древности, может быть, и не было этого, а сейчас у нас все имеют имя в честь того или

иного святого, и это также имеет то значение, что мы уже живем не для себя, не по законам мира, но должны жить по законам духовным, имеем покровителя и образец для подражания - не конкретный, в чем именно мы должны ему подражать, а в принципе, образец для подражания в святости. Вот какое значение имеет имя, а излишне толковать его опасно, не нужно такими вещами заниматься, это мнительность, мечтательность и может принести вред.

Вопрос. Как отличить свои собственные мысли от бесовских?

Ответ. Это очень интересный и полезный вопрос. Святые отцы говорят, что в человеке действуют три воли. Не одна воля, как мы думаем, а три воли: человеческая (естественная), Божественная и сатанинская (бесовская). Как их отличить?

Человеческая ищет того, что безгрешно, но в то же самое время и не духовно. Допустим, мы хотим поесть, мы нуждаемся в сне, нуждаемся в одежде - и в определенных пределах Это позволительно и естественно, даже необходимо. Но часто, очень часто, к этой человеческой, естественной воле, желающей себе покоя, добра, беспечалия, примешивается воля бесовская. Например, к естественному желанию, к потребности человека в одежде примешивается желание очень хорошо одеться, выделяться среди других, кроме необходимого иметь нечто излишнее; то же самое бывает и в пище. Естественное желание человека, если он хочет иметь детей, - вступить в брак. Но противоестественно, когда он употребляет эту свою способность к деторождению не по назначению, а для удовлетворения своего сладострастия. Это уже противоестественно, но примешивается к тому, что в нас содержится естественно. Если мы не хотим иметь детей, то и в брак вступать не нужно, но и предаваться сладострастию в таком случае тоже нельзя.

Далее, бывают явно бесовские мысли. Например, хула, неверие, беспричинный гнев, не имеющий никакого основания, никакого повода в защите естественного желания человека, - потому что обычно мы гневаемся, когда кто-то мешает нам исполнить свое желание, доброе или злое, и, чтобы отстоять свое желание, мы реагируем на это гневом. Но когда такого повода нет, а мы гневаемся, значит, это явно бесовское действие. И вообще, если возникает некое беспричинное, ненужное, неосновательное, даже явно вредное стремление, то это признак бесовских помыслов. Кроме того, признак таких помыслов - их особенная навязчивость, когда какая-нибудь, на вид простая, безразличная мысль вдруг начинает бесконечно вращаться в голове, не отступая, - например, мысль, что мне нужно купить туфли. Они у меня, может быть, есть, но вот мне хочется купить, лезет в голову без конца эта мысль, не дает ни молиться, ни о чем ином думать. Очевидно, что по такой навязчивости можно подозревать здесь воздействие бесовское. Иначе, если бы это было от Бога, мысль эту легко можно было бы отвергнуть, то есть молиться, а ее отвергнуть, - потому что Господь кроток и долготерпелив и не будет понуждать нас к тому, чтобы мы такой мыслью расстраивали свою молитву, - подобная мысль не нарушила бы нашей молитвы. Кроме, конечно, каких-нибудь особенных случаев, когда Господь или Ангел-хранитель что-либо внушают нам ради нашего спасения. Скажем, появляется вдруг у человека мысль не лететь этим самолетом, как было с одним человеком: он не полетел, и с тем самолетом случилась катастрофа. Или еще что-то подобное... Вот такой пример рассказывали мне. Это происходило в сталинские времена. В одной семье жена была верующая, муж - маловерующий. И муж, хотя по происхождению был евреем, ради жены принял крещение.

Наверное, они состояли и в церковном браке, у них было, по-моему, трое дочерей. Во время войны муж ушел на фронт, и жена молилась за него, и девочек заставляла молиться. И случалось с ним, что он по временам без всякой причины начинал чувствовать желание переходить с одного места на другое. Сидит, например, под прикрытием в окопе, находясь в безопасности, и вдруг у него возникает какое-то непреодолимое желание из окопа выйти на открытое место. Он встает и уходит в другое незащищенное место, к какой-нибудь стене, а в тот окоп падает снаряд, и те, которые в нем находились, погибают. А он на открытом своем месте остается невредимым. По молитвам жены и детей Господь внушал ему, как нужно себя вести, и он оставался невредим. Более того, люди, которые служили, воевали вместе с ним, стали это замечать и потому старались его держаться. Они знали: там, где он, они останутся живыми; куда он шел - туда и они. Ясно, конечно, что такое внушение, такая навязчивость мысли была от Бога.

Но это особенный случай, мы сейчас про это не говорим. А в принципе, навязчивость, в особенности, когда разные пустые мысли в голову приходят, есть признак бесовского внушения. Мысли, которые от Бога, всегда ведут нас ко спасению; это желание уединиться, помолиться, почитать духовную литературу, желание побеседовать с благочестивым, разумным человеком или с духовником. Можно сказать, что это от Бога, но надо быть чрезвычайно осторожным. Некоторые думают (да и действительно существует подобное мнение у святых отцов), что собственные мысли человека дьявол угадать не может. Но к нам это не относится, потому что у нас свои мысли очень часто перемешаны с бесовскими, так сказать, окрашены ими и усилены бесовским внушением. Кроме того, если проницательный человек по лицу может угадать, что думает другой человек (и даже есть целая наука об этом), то тем более бесы могут угадать, о чем мы думаем, способны узнать наше намерение, нашу фантазию и т.д. Поэтому если демоны угадывают какие-то наши мысли и искушают нас тем, что, казалось бы, для них неизвестно, то не следует думать, что эти наши мысли уже бесовские. Конечно, если человек молится, то неужели бес по его лицу не догадается, что он молится? Часто он даже может угадать и то, о чем мы молимся, может угадать степень нашей внимательности при молитве, и поэтому не следует думать, что мы молимся неправильно, раз бес это угадывает. Или, бывает, делаем некое доброе дело и, встречая препятствие, начинаем думать, что здесь какое-то участие бесовское, поэтому дело это делать не нужно и т.п. Таким мнительным быть нельзя, нужно быть простым, ибо против бесовского лукавства самый лучший способ борьбы - простота. Делай, как говорит тебе совесть и как велит здравый смысл. Свою совесть проверяй здравым смыслом, потому что иногда мы ошибочно за веления совести принимаем различные горделивые мысли. Допустим, желание проповедовать - не имея на то ни благословения священника, ни, в особенности, благословения Божия, не имея и способностей для того - часто происходит от гордости, от бесов, и, проповедуя, мы никому не приносим пользы, а лишь себе причиняем вред. Поэтому не всегда то, что кажется велением совести, на самом деле именно от нее и происходит. Необходимо свою совесть проверять рассуждением, здравым смыслом (хотя не до такой степени здравым смыслом, чтоб нарушать заповеди). Нужно иметь два как бы противовеса: здравый смысл и совесть, чтобы ни один из них не перетягивал. Но, конечно, здесь речь идет о тех наших собственных мыслях, которые трудно бывает отличить от бесовских. Если нам приходит мысль сотворить блуд, или украсть, или ударить кого-нибудь,

то, несомненно, надо полагать, это мысль бесовская, здесь не о чем и рассуждать. А когда появляется мысль сомнительная, непонятная - тогда нужно рассудить. Допустим, мне пришла в голову мысль пойти в гости к своему другу Василию, а друг мой страдает пьянством; но я про это не думаю, просто хочу прийти в гости и поговорить с ним. Начинаю размышлять: "А зачем же мне хочется идти к Василию? О чем мы будем говорить?" И понимаю, что говорить мне с ним особенно не о чем, и, наверное, когда я к нему приду, первое, что он сделает, - поставит на стол бутылку. И скорее всего, мы с ним напьемся, поэтому лучше мне к другу не ходить. В особенности же, если эта мысль навязчивая: "Иди к Василию, походи к нему в гости, ты давно не был у него. Чего ты сидишь дома, ничего не делаешь? Ну походи ты к нему в гости..." - в таких случаях, когда с первого взгляда греха не видно, когда дьявол пытается нас обмануть, необходимо рассуждение, чтобы отделить собственные мысли от бесовских. Здесь требуется рассуждение, здесь не нужно ни гадать, ни открывать Евангелие или Псалтирь, ни молиться, чтоб Господь тебя видением вразумил, ибо мы недостойны того, чтобы Господь вразумлял нас таким сверхъестественным образом - а именно нужно здраво рассудить либо посоветоваться, если возможно, с другим здравомыслящим человеком.

Вопрос. Можно ли самому вслух молиться и подпевать хору в храме во время богослужения?

Ответ. Громко самому петь в храме не нужно, потому что по той или иной причине ты можешь сбивать хор, да и просто можешь плохо петь. У некоторых людей духовная ревность примитивным образом выражается в том, что они начинают петь. Им кажется, будто у них такая благодать, такое утешение!.. И если у подобного человека еще и голос громкий, то стоящие рядом, да и весь храм, полный народа, - все негодуют, священники не знают, что с этим "певцом" делать; а он говорит: "Что я такого делаю? Я же молюсь!" Одно время служил я в Абалаке, в монастыре. Там у нас была маленькая домовая церковь (в то время в обители еще ничего восстановлено не было). В храм ходила одна подслеповатая бабушка - и вот она любила молиться подобным образом. Например, служу я литургию, и вдруг она ни с того, ни с сего начинает прямо во время службы вслух молиться Божией Матери. А там церковь размером с комнату, собственно, это и были две комнаты, соединенные вместе: в одной комнате - алтарь, в другой находились молящиеся. Я говорю: "Матрона, что ты делаешь?" Она: "А что я такого плохого делаю, батюшка? Я Божией Матери молюсь". Вот и все - а я, значит, плохой человек, мешаю ей Божией Матери молиться.

Вопрос. Как избавиться дома от "стукача"? Квартиру освящали, водой кропили - стучит все равно...

Ответ. Если под "стукачом" подразумевается не доносчик, а, как сейчас называют, "полтергейст" - демон, который производит стук, то существует специальная молитва об изгнании из дома нечистой силы. При освящении я, например, всегда ее читаю, потому что подобное бывает везде. Можно пригласить священника, чтоб он эту молитву прочитал. Кроме того, можно окуривать помещение ладаном. И самое главное - самому нужно молиться, потому что часто наша греховная, невнимательная жизнь привлекает подобных духов, которые нас пугают. Бывает же и наоборот: живет человек внимательной жизнью, молится, а бесы пытаются его всякими такими выходками устрашать, смущать - они стучат, могут и свистеть, и крикнуть, и чихнуть, как это у меня один раз было. Посреди комнаты

чихнул кто-то вдруг. Или зашуршат чем-нибудь; это такое мелкое, так сказать, хулиганство, чтоб испугать человека. Однако же, это мелкое хулиганство многих приводит в жуткий страх, и у человека кровь в жилах холодеет. Думаю, что если разумно себя вести, то страхования бесовские пройдут; а разумно себя вести - значит не обращать на них никакого внимания, молиться как ни в чем не бывало. Случается, ляжешь спать - и вдруг в ухо тебе кто-то как крикнет. Рядом этого никто, конечно, не слышит. Или начинает по сетке кровати стучать, или кровать твою толкать. Я не говорю, что у меня это происходит, но слышу, что у многих людей довольно часто бывает подобное. Если обращать на это внимание, бес будет еще больше пугать; должно этим пренебрегать - оно пройдет, необходимо внимательно молиться. Мой духовник рассказывал про себя такую историю: "Проснулся я утром, а на плече у меня змея - я перевернулся на другой бок и дальше стал спать". Вот и все, а если будешь пугаться, то на тебе будет и змея, и много змей, и все что угодно. Я бы советовал, у кого, конечно, мужества хватит, при таком искушении даже не креститься - просто не обращать внимания. Ну, стучит и пусть себе стучит, подумаешь, какая разница: сосед дядя Вася постучал или бес какой-нибудь - ведь результат один и тот же.

Вопрос. Часто во время молитвы испытываю сильную головную боль по причине болезни, сосредоточиться на словах молитвы бывает очень трудно, чувствую рассеянность, а когда пытаюсь углубиться в молитву, боль усиливается. Скажите, что делать в таких случаях: принять ли лекарство или продолжать молиться и терпеть боль? С другой стороны, когда отвлекаешься от правила для принятия лекарства, то тоже рассеиваешься, появляются новые помыслы.

Ответ. Если боль определенно происходит от какой-то болезни, допустим у тебя давление повышенное или пониженное, и ты точно знаешь, что нужно делать, тогда, безусловно, нужно принять лекарство, если оно помогает. А нарочно, так сказать, истязать себя - это не принесет пользы. Пусть на какое-то время ты от молитвы отвлечешься, но зато, если головная боль пройдет, ты сможешь потом внимательно помолиться. Мне кажется, терпеть такую головную боль - здесь нет никакого подвига, нет от этого и пользы.

Святые отцы говорят, что если человек подвизается в пустыне, то он должен терпеть болезни, ради того, конечно, чтобы не оставлять своего уединения. А если живет в общежительном монастыре, значит, должен пользоваться помощью братии, то есть лечиться. И постольку, поскольку мы не в пустыне находимся, кроме того, очень немощны, то, мне кажется, можно принять лекарство, эта ли болезнь будет или какая другая, - ничего в том греховного нет.

Другое дело, чтоб лекарство было хорошее, а то примешь такое, что потом скорую помощь вызывать придется. Или некоторые в таком большом количестве их употребляют, что затем надо принимать лекарство от лекарства, чтобы первые таблетки перестали действовать... Но это уже вопрос, относящийся более к медицине, чем к духовной жизни.

Вопрос. Девушку зовут Виктория. При крещении, по ее словам, христианского имени ей не дали. Как в таком случае ее поминать?

Ответ. Дело в том, что Виктория - имя латинского происхождения, в Святцах его нет; в переводе Виктория означает "победа". И есть греческое имя, которое также переводится на русский язык как "победа" - это Ника. Наш бывший архиерей, владыка М., одной девушке, которая носила имя Виктория, благословил и при Причащении, и всегда называть в качестве

своего христианского имени имя Ника. Так что и Ваша Виктория пусть называется Никой, так ее можно и поминать. А перекрещиваться ни в коем случае нельзя. Мы веруем во едино крещение. Если человек точно знает, что он крещен, и крестится во второй раз - это тяжкий смертный грех. Иное дело - когда ему о своем крещении неизвестно.

Вопрос. Какую милостыню может приносить начинающий послушник?

Ответ. Новоначальный послушник никакой милостыни не должен приносить. Вообще, в монастыре никто не имеет права совершать без благословения даже доброго дела, в монастыре одной из главных добродетелей является послушание. Если человек самовольно подает милостыню, значит, думает о себе, что он лучше, милосерднее других и больше понимает, что такое любовь к ближнему, чем настоятель, духовник и прочее монастырское священноначалие. Милостыней для новоначального послушника является, во-первых, послушание и, во-вторых, терпение всяких оскорблений, унижений и проч.

Вопрос. Если смущаешься перед Причастием, что недостаточно подготовился к нему из-за нехватки времени, то как в таком случае поступать?

Ответ. Если ты недостаточно подготовился из-за того, что был не по своей воле занят на послушании, тогда можно причащаться, благословившись у духовника, в исключительных случаях - у настоятеля (но в монастыре это делается, как правило, через духовника). Если же нехватка времени была связана с твоим собственным неразумным поведением, допустим ты потратил время на празднословие или нерадиво, медленно исполнял свое послушание и потому затянул время, тогда, опять же с благословения духовника, ты не должен, может быть, приступать к Причастию. Впрочем, здесь общего для всех ответа быть не может. Главное - все делать с благословения духовника или старца.

Вопрос. Какое правильное ощущение страха перед Причастием? Почему иногда его совсем не чувствуешь?

Ответ. Не всегда все бывает одинаково. Конечно, надо иметь благоговейный страх, происходящий от осознания того, что причащаешься истинного Тела и истинной Крови Христовых. Если ты чувствуешь, что приближаешься к Самому Христу и, причащаясь, словно пьешь живительную Кровь из Его прободенного ребра, то, конечно, ты не можешь не испытывать страха. Но не всегда бывает, к сожалению, такое благоговейное чувство. Поэтому нужно подходить к Чаше с благоговением, но не смущаться оттого, что не всегда испытываешь всю полноту, так сказать, глубину, силу чувства.

Вопрос. Может ли как-то помочь ближним наша молитва о них, если кажется, что молишься без всякой пользы?

Ответ. Я думаю, что не всегда бывает быстрый результат, но все-таки молитва помогает. Иногда годами молишься и уже надежду теряешь, но все же Господь в конце концов тебя слышит. Не нужно так думать, что сразу все получится, надо иметь терпение. Мы же: день-два помолимся и говорим: "Все, Бог не слышит".

Вопрос. Вера у меня, конечно же, есть, но смущает то, что часто она кажется сухой, неживой - что тогда делать?

Ответ. Во-первых, прежде всего, как говорит Евангелие, бес неверия изгоняется молитвой и постом (Мф.17:21). Во-вторых, нужно читать Священное Писание, в особенности Евангелие, что очень усиливает и укрепляет веру. В-третьих, - читать святых отцов, особенно тех, которые рассуждают на догматические темы и опровергают различные

виды неверия, восстающие на православное учение. И самое главное - это наша жизнь. Постепенно, постепенно, с усилением благодати, будет усиливаться и вера, потому что вера - это не просто человеческое убеждение, как некоторые думают, а есть действие благодати в душе. Оставит совсем благодать человека - и вовсе вера у него пропадет; немного оставит, значит, умалится вера; усилится благодать - усилится и вера. Вера - это Божественное действие, а не просто наши человеческие убеждения. Много есть очень умных людей, но из-за гордости и, может быть, из-за иных каких-то страстей, чаще же всего именно из-за гордости, они не приходят к вере, не обретают ее, по той причине, что гордость препятствует действию благодати в их душе. И самое умное рассуждение о Боге и о бытии Божиим не помогает им приобрести настоящую, живую веру, потому что она не от ума и вообще не от человека - вера дается от Бога.

Вопрос. Вскоре после того, как я крестилась, в храме стал служить другой священник; он сказал, что предшествующий батюшка при крещении не все молитвы читал и надо креститься второй раз. Я была в сильном смущении, но все-таки крестилась еще раз. Это верно?

Ответ. Не знаю, что имеется в виду под "всеми молитвами". Случается, что крестят, но не миропомазывают по какой-либо причине, допустим не было мира, а надо срочно крестить человека из-за существующей для его жизни опасности. Тогда, конечно, таинство Крещения довершается после. Каким образом? Во-первых, полностью совершается чин таинства, кроме самого момента крещения, в который человека погружают в воду с произнесением слов "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа", потому что это уже было совершено (если точно известно, что все исполнено правильно); и во-вторых, совершается собственно таинство Миропомазания. Если все было так, то никакой ошибки не произошло. Если же крещение, хотя и с некоторыми незначительными упущениями, было полностью произведено (и само крещение, и миропомазание), а батюшка после сказал, что нужно перекрещиваться, то, конечно же, он поступил неверно. Тот, кто послал записку с этим вопросом, может быть, и не виноват в случившемся, но священник согрешил.

Вопрос. Можно ли мыться, стирать и т.п. после Причастия, особенно в воскресный день? И вообще, можно ли заниматься разными обычными делами в дни церковных праздников, особенно на Рождество, Пасху и т.д.? Или это все же грех, и всеми силами этого нужно избегать?

Ответ. В случае крайней необходимости можно что-то подобное сделать, но в то же самое время во все церковные праздники, в первую очередь в Великие праздники и в воскресные дни, даже если ты не причащался, нужно избегать этой излишней суеты, чтоб не нарушать праздник, не осквернять его своей человеческой суетой, а посвятить этот день Богу. Во-первых, посещением праздничного богослужения, во-вторых, молитвой, чтением Священного Писания, святоотеческих книг, вообще духовным времяпрепровождением. И конечно же, должно так провести день на Рождество и Пасху. Но если случилась надобность сделать какую-то домашнюю работу: сварить еду, или маленькую уборку произвести (всякое может в доме случиться), или какую-нибудь срочную и необходимую стирку, если, например, в семье есть маленькие дети, - то, конечно, по необходимости позволительно такие вещи делать. Мы не иудеи, которые доходят до безумия в отношении соблюдения покоя субботы. У религиозных иудеев считается, что в субботу ничего вообще нельзя делать.

Но в то же самое время жизнь заставляет совершать какие-то мелкие дела. И вот для этого у них есть некий человек, по-еврейски называется "шабаш-гой", иначе субботний гой. То есть они нанимают любого человека, не еврея, платят ему деньги - и он выполняет такие дела. Допустим, что-то у иудея упало, а поднять ему того в субботу нельзя. Иудей вызывает субботнего гою, и тот для него эту вещь поднимает. Или что-то оторвалось, зашить нельзя - вызывают гою, и он зашивает порванную одежду. И получается у иудеев так, что сами они как будто бы не грешат, а этот гой, по их мнению, человек все равно пропащий, пусть грешит. Подобно и мы можем дойти до такого безумия.

Вопрос. Как готовиться ребенку к иночеству?

Ответ. Как ребенку к иночеству готовиться... Послушанием. Ребенку нужно готовиться к иночеству послушанием.

Вопрос. Перед Причащением стараешься думать, что приобщаешься Самого Тела и Крови Господней. Но страха Божия все равно нет, сухость в душе. Что делать, если такое чувство бывает очень часто?

Ответ. Что делать? Заставлять себя молиться. Постепенно все придет - надо неустанно трудиться, не нужно ожидать легких результатов. К стяжанию страха Божия стремиться необходимо, но в то же самое время если в настоящий момент его нет, а ты делаешь все, что тебе велит совесть, - то можно причащаться не смущаясь. Иное дело, когда наступает полное безразличие и совершенно ничего не чувствуешь ни умом, ни душой - тогда это, наверное, состояние плохое. А если хотя бы умом что-то понимаешь, то можно смело причащаться. И опять же необходимо, чтобы все это было с благословения и по рассуждению духовника.

Вопрос. Что я могу дать Господу, чем пожертвовать, если у меня ничего нет: и молитва слаба, и вера не сильна, и любви к ближнему мало?

Ответ. Вот смотри. Молитва у тебя слаба. Но она есть? Есть. Вера не сильна - но все же есть. Любви к ближнему мало - но она тоже у тебя есть. Вот это и надо пожертвовать. Что есть, то и дай. От такового дара взамен мы получаем дар большой. Когда мы жертвуем Богу молитву, то не теряем ее, а приобретаем еще больше. Когда жертвуем Богу веру, то не лишаемся ее вовсе, как если бы я кому-то деньги отдал, а получаем еще больше. И от этого нового приобретения еще больше сможем приносить в дар Богу.

Вообще-то, это вопрос теоретический, лучше задавать вопросы практические.

Вопрос. Как сохранить в душе благодать, которую ощущаешь после Причастия, после хорошей молитвы или даже без всякой внешней причины? Или это от произволения человека не зависит и не в нашей власти сохранить данную нам благодать?

Ответ. Все-таки это в нашей власти. Бывает, конечно, и попустительное оставление благодати: или ради смирения, или ради того, чтобы человек был более строг, более внимателен к себе и тщательно следил за всеми своими душевными движениями. Но в основном оставление благодати - это наша вина, мы грехами оскверняем душу, отгоняем от себя благодать; и, наоборот, часто привлекаем греховные помыслы, возбуждаем в себе страсти. Поэтому сохранить благодать можно благодаря вниманию, вниманию к себе, или, как иначе называют это святые отцы, через трезвение, то есть через трезвый, внимательный внутренний взгляд не только на свои дела, но даже и на мысли, через тщательное их рассуждение. Так мы сохраняем Божию благодать. Если же будем нерадивы и не станем обращать внимания на свои мысли (я уже не говорю про поступки и слова), то благодать

Божия будет нас постепенно оставлять. Иногда лишь за какой-нибудь один грех может и сразу оставить - в особенности за гнев. Гнев очень опустошает душу человека. Иоанн Лествичник уподобляет его пожару, уничтожающему вмиг многие труды. Крайне оскверняет и опустошает человека блудная страсть, когда поддаемся ей и не боремся. Подобное действие производят и прочие страсти: осуждение, тщеславие, гордость. В некоторых людях, особенно в тех, кто крепок телосложением, - чревоугодие; но обычно не само по себе чревоугодие, а его последствия, то есть лень, вялость. Объялся - и уже хочется не молиться, а поспать, или поболтать, или, в лучшем случае, в окно поглядеть. Все это, в большей или меньшей степени, опустошает человека, лишает его благодати.

Крайне важно по возможности стараться сохранить молчание, без нужды ничего не говорить. Очень много мы теряем благодати через разговор. Почему? По простой причине. Спаситель сказал: "Не то оскверняет человека, что входит в уста, но то, что исходит из уст" (Мф.15:11), ибо "из сердца человека исходят помышления злая" (Мф.15:19). То есть из сердца человеческого исходят помышления, которые потом выходят через уста, в виде слов. Поскольку в нашем сердце присутствуют все страсти, то, даже когда на деле мы не совершаем явных греховных поступков, страсти наши находят себе место в словах, через уста мы можем согрешать любым грехом. Устами можно и убийство совершить, по крайней мере пожелать кому-нибудь зла. Устами можно и блуд сотворить: высказать вслух желание исполнить на деле блудный грех - сейчас это очень распространено, так что не знаешь, куда бежать от этих скабрёзностей. Смотришь: стоят приличные на вид люди, разговаривают, а на устах у них всякая мерзость. И столь свободно о том говорят, словно обсуждают, как пирог испечь. Конечно же, от этого оскверняется весь человек - и душа, и тело - и благодать Божия оставляет его. Поэтому по возможности нужно стараться вообще молчать, а особенно после Причащения. Я часто напоминаю в беседах и проповедях о том, чтобы проводить день после Причастия благоговейно, лучше в уединении. Когда я еще был мирянином, по неопытности любил ходить в гости к своим друзьям - людям, конечно же, верующим (неверующих друзей у меня не было). Они жили недалеко от церкви, в нескольких кварталах. Мы часто посещали одну и ту же церковь и после службы шли кому-то из нас в гости. Я сам был неженат, а друзья - женатые; естественно, что жены их приготавливали обед, в это время приходили еще другие наши знакомые верующие. Так и получалось: пока обед приготовят - два часа, пока все соберутся и сядут за стол - еще час-полтора... А что в это время делать? Говорить. И вот женщины готовят, а мужчины разговаривают. Говоришь, говоришь, так наговоришься, что даже дурно становится от этих разговоров. Какая уж тут благодать? Такое от этого испытываешь опустошение, что кажется, ничего в душе нет. Все мы верующие люди, на службе причащались, разговоров у нас никаких особенно греховных, мерзких не было, разве только согрешали пустословием, или в осуждение, возможно, впадали, или на духовные темы иногда беседовали слишком даже много - а в конечном счете благодать меня оставляла. Но наконец-то я понял, что сам себе врежу. Даже стал немного раньше окончания службы уходить из церкви, чтобы сбежать от своих друзей. Правда, они меня ловили, обижались, заставляли идти в гости... В общем, я старался этого избегать. И в то время, когда я был мирянином и независимым человеком, взял себе за правило (сейчас, конечно, такой возможности не имею из-за того, что стал священником и обязан думать не только о себе, но и о своей пастве): день перед Причастием и в день Причастия ни с кем не общаться.

День перед Приобщением - чтобы кроме поста как-то еще иначе подготовиться. И так, помимо поста, я еще день по возможности проводил в уединении. И после того как приступал к Таинству, шел домой, стараясь ни с кем не видеться. Даже в такие большие праздники, как Пасха, Рождество, когда все, естественно, ходили друг к другу с поздравлениями, я старался в гости не ходить, так как причащался в эти дни. И в прочие праздники, поскольку обычно принимал Св. Причастие, тоже никуда не ходил. Друзей же навещал в другие дни, но не в эти.

Очень трудно удержать себя, мы люди такие немощные, что, общаясь между собой, обязательно будем грешить; хотя и верующие, но греху все равно поддадимся. Например, в монастырях принято на трапезе читать - почему? По той же причине: если не будут читать, значит, начнутся разговоры, начнутся поневоле, по немощи. Потому такое чтение принято с древних времен; на послушании установлено вслух читать молитву Иисусову, - опять же, чтобы не разговаривать.

Вопрос. Что можно сделать, если во время службы совсем не чувствуешь Иисусовой молитвы? Чем больше делаешь усилия, тем труднее ее удержать. Со службы уходишь почти больным человеком из-за чувства, что оскорбил Господа. От этого унываешь длительное время.

Ответ. Думаю, это происходит из-за того, что человек переоценивает свои способности, свое преуспеяние и, например, молится умом, а ему это совершать пока еще трудно. Он не может молитву удержать в уме, одновременно слушая службу, не преуспел еще до такой степени. Вообще-то это возможно, хотя некоторые считают таковое неисполнимым. Ведь благодать Божия не может противоречить сама себе. Как говорит апостол Павел, Дух Святой есть Дух устроения, а не нестроения (см. 1Кор.14:33). Поэтому можно и нужно читать Иисусову молитву во время богослужения, молитва помогает сохранить внимание, внимательно слушать службу. Но по неопытности и, более всего, по отсутствию благодати, которой мы еще не приобрели и не накопили, это кажется и бывает для нас трудным. Нужно знать степень своего преуспеяния и ее учитывать. Может быть, в келий ты способен молиться умом, а на службе много разных вещей тебя отвлекает: во-первых, собственно сама служба, во-вторых, шум оттого, что кто-то прошел по храму, кто-то пошевелился или кашлянул, - от этого труднее молиться умом, и было бы уместно молиться устами (конечно, беззвучно, чтобы никому не мешать), тогда будет полегче. Кроме того, есть еще и четки, которые существуют не только для счета, но также напоминают нам о молитве. Если же ты делаешь все это и чувствуешь, что это не помогает, следовательно, надо искать духовную причину. Возможно, приходя в храм, ты поддаешься осуждению, рассеянности, начинаешь не столько слушать службу, сколько смотреть, кто и где стоит, как кто шевелится или что-то не так делает. И, поддаваясь этому мелкому осуждению и рассеянности, ты от себя благодать Божию отгоняешь. Вот, мне кажется, какова вероятная причина бесчувственности при молитве. Иногда действует и такая, не зависящая от нас, причина, как неблагоговейное совершение богослужения, невнятное чтение и т.д., но от нас это, как я сказал, не зависит. Поэтому если мы станем все делать правильно, если правильно будем молиться, то и самый нерадивый священник (хотя о его достоинстве или недостатках мы думать не должны), самый невнятный чтец будут казаться нам ангелами. Духовная причина - чаще всего осуждение, рассеянность. Существует такое повествование: один подвижник, пустынный, в

воскресение шел из пустыни на службу. И когда направлялся к селению, то, идя через реку, проходил по воде, как по суше. А когда из церкви возвращался обратно, уже шел по колени в воде. Почему так? Ведь он был в церкви, скорее всего, причащался... Случалось же это оттого, что в храме он поддавался осуждению, и потому благодать Божия несколько от него отступала. Подобное оставление благодати бывает часто и с нами (не в том, конечно, смысле, что мы теряем способность ходить по воде...).

Вопрос. Как бороться со сном во время совершения Иисусовой молитвы? Пока делаешь поклоны - молишься худо-бедно, а потом сон начинает одолевать так, что нет сил сопротивляться, не помогает даже холодная вода. Если молиться по времени раньше, то это уже не будет считаться молитвой перед сном. Как быть? У меня склонность к пониженному давлению, и мне кажется, что на второй сотне Иисусовых молитв мое давление резко падает. Может ли так быть или это искушение от врага? Что посоветуете?

Ответ. Я думаю, что это сравнительно частое явление: действительно, человек по немощи поддается и засыпает. Если бы он чем-то развлекался - разговором, например, или делом каким-нибудь, вредным или полезным, - то мог бы еще часами не спать. А когда вниманием собираешься в себе, здесь, так сказать, все выходит наружу: и скука может быть во время молитвы, и немощь телесная. Как помогать себе? Есть много разных способов. Среди них - холодная вода, поклоны. Если ты такой немощный в отношении молитвы и с самого начала правила начинаешь засыпать, то можно все правило совершать с поклонами. Конечно, тяжело так много поклонов сделать, допустим пятьсот, но можно делать поклоны поясные или класть их, стоя на коленях, что легче. Можно просто стоять на коленях - тебе будет неудобно, неуютно, и ты не заснешь. Холодная вода - средство хорошее, но оно действует недолго. В конце концов, можно выпить кофе или чай. Некоторые считают, что это чуть ли не грешнее, чем водку пить, я с этим не согласен. Мы вам показывали фильм о греческом монастыре в Метеорах, и вы видели, как монахи варят кофе, как старцы собираются для духовной беседы и тоже пьют его. По преданию, кофе - это напиток, который впервые стал употребляться именно в христианском монастыре; не знаю, православном или неправославном, но христианском. Чай также, по существующей легенде, изобретен буддийскими монахами, для того чтобы бороться со сном. Поэтому эти напитки, если здоровье позволяет, можно употреблять. Иное - не нужно делать себе чифирь или пить кофе так, чтобы появилось пристрастие к нему, как бывает у некоторых людей. Нужно и о здоровье думать: можно чай пить, пить, а потом от него так заболеть, что уже никогда нельзя будет его употреблять, оттого что испортишь себе печень или кишечник. Но это, скорее, вопрос медицинский.

Кроме того в записке сказано: "если молиться раньше, то это уже не будет считаться молитвой перед сном". Почему же не будет? Будет считаться, и, вообще, зачем тебе все делать так чересчур уж правильно? Чем откладывать молитву напоследок, когда ты совсем устанешь и не будет уже сил для совершения правила, когда устанет и твой ум, и придется, даже имея прекрасное давление, бороться со сном, то лучше помолиться раньше. Помолись часов в шесть-семь вечера, а потом читай книгу. Если ты будешь читать жития святых или Священное Писание (конечно же, не художественную литературу), то разве в этом будет что-то плохое? Почитаешь и ляжешь спать. Не думаю, что это большое нарушение. Надо искать пользы, а не смотреть на внешнее. Спаситель говорит: "Не человек для субботы, а суббота

для человека" (Мк.2:27). Не человек для правила, а правило для человека. Поэтому если тебе по какой-то причине лучше помолиться раньше и есть такая возможность, то помолись раньше, а потом читай духовную книгу. Ничего плохого тут нет.

В отношении того, не является ли это искушением от врага, можно сказать следующее. Чтобы определить, искушение ли это или что-то естественное, надо сначала пересмотреть все вероятные причины: состояние здоровья, усталость, много или мало ты спишь. Если ты хорошо высыпаться, здоровье у тебя прекрасное и никакой усталости нет - можно предположить, что это искушение. Если же есть что-то из того, значит, скорее всего, причина естественная. Хотя бывает и то, и другое: и немощь телесная, и дьявол присоединяется к ней, искушая человека. В любом случае, даже если действует естественная немощь, не нужно ей поддаваться. Когда у человека пониженное давление, то сколько бы он ни спал, никогда не выспится. Я сам страдаю этим много лет. У меня был один приятель, который спал по 12-14 часов, всегда хотел выспаться - и все равно не высыпался. Так можно всю жизнь проспаться. В зависимости от своей немощи, надо себя понуждать при помощи, может быть, и искусственных средств, таких, как кофе, чай, или как-то двигаться, чтобы не заснуть. В то же самое время необходимо давать себе разумный отдых. Человек более крепкий нуждается в меньшем количестве часов для сна, человек немощный - в большем. Но, мне кажется, спать более 8 часов в сутки - грешно, если ты не совсем тяжелобольной. Меньше 6 часов - очень трудно. Если же кто имеет особенную телесную крепость и получил благословение, то, возможно, сможет и меньше спать. Древние подвижники вообще чрезвычайно мало времени уделяли сну. Про Иоанна Лествичника пишут, что он спал очень мало: лишь столько, сколько необходимо, чтобы не лишиться рассудка. Арсений Великий говорил: "Монаху, если он подвижник, достаточно спать один час". Но я думаю, что для нас это не подходит, нам нужно уделять сну от 6 до 8 часов - это общая рекомендация. Однако в каждом отдельном случае в этом отношении могут быть разные поправки: может, человек исполняет очень тяжелую работу или болеет и т.д.

Вопрос. Если у новонаначального при молитве Иисусовой подступают слезы, то не является ли это признаком прелести?

Ответ. Сами по себе слезы не являются признаком прелести. Надо смотреть на внимание: если внимание от слез усиливается, значит, и слезы, скорее всего, от Бога. Если слезы отвлекают от молитвы, то это или что-то естественное, или искушение бесовское. Слезы сами по себе, без молитвы, ничего не стоят - это просто вода. Поэтому гоняться за плачем ради плача ни к чему, так можно начать лук нюхать и тоже радоваться, что много плачешь, - такая же будет польза. Если при твоих слезах присутствует, кроме внимания в молитве, некоторое покаяние, умиление и, может быть, хотя малое чувство смирения, ощущение своей ничтожности - то, думаю, это хороший признак и слезы эти полезные. Не нужно думать, будто у новонаначального не может быть слез и что вообще у новонаначального не может быть благодати. Благодать посещает человека не тогда, когда он ее ожидает, и не по заслугам его. Благодать - это приближение Бога, а Бог не есть какая-то безличная субстанция, но есть Существо личное, обладающее свободной волей. К кому Он захочет - к тому приблизится, от кого захочет - от того удалится. Что Он пожелает - то и сделает. Поэтому в посещении нас благодатью есть некоторый момент, который от нас не зависит,

мы должны это понимать.

Вопрос. Молитва в уме произносится всегда очень сухо, как бы бесчувственно и с трудом, часто отвлекаюсь. Я не вижу, что во мне что-то меняется, не чувствую, что молюсь. Кажется, что это не молитва, а просто механическое произношение без конца ее слов.

Ответ. Думаю, что и это неплохо, а подобная сухость бывает либо от нерадения ко вниманию, когда произносим молитву по привычке, либо оттого, что нет у нас памяти смертной, соответственно, нет и умиления, поэтому молитва произносится сухо и "безвкусно". Если судить по признаку: "молитва произносится бесчувственно и с трудом, часто отвлекаюсь", - то можно сделать вывод, что человек, написавший записку, не имеет достаточной ревности о внимании.

Вопрос. Что делать, если понуждения себя к молитве и к борьбе с помыслами во время пятисотницы хватает четки на три, потом устаешь, рассеиваешься, появляется нежелание молиться и мысли о том, когда же, наконец, кончится правило?

Ответ. Продолжать понуждать себя. Когда-то ты, наверное, и тридцать молитв с трудом читал, потом сотню, потом три сотни было тебе тяжело прочесть; когда-нибудь начнешь пятьсот читать с удовольствием, а семьсот тебе покажется трудно, но, возможно, наступит такое время, что будешь часами, по 5-6 часов, сидеть, углубляясь в молитву, и будет тебе это казаться сладостным. Не все сразу. Надо набираться терпения, понуждать себя, не расслабляться, и все это постепенно придет. Кроме того, у некоторых новоначальных молитва читается медленно, на одну сотню может уходить до получаса, как пишет святитель Игнатий Брянчанинов. Поэтому, если он три сотни читает полтора часа (когда молится не на общем правиле, а келейно), то после них труднее уже становится сосредотачиваться. Ведь надо еще две сотни прочесть, значит, он в общей сложности два с половиной, чуть не три, часа молится. Конечно, трудно на протяжении такого долгого времени новоначальному сохранить внимание. В данном случае можно (если это связано только с медленным произношением молитвы) посоветоваться с духовником и, возможно, сократить правило, исполнять его по времени. Допустим, молиться полтора или два часа, не больше (сколько бы ты не успел сотен прочесть за это время), пока не установится какое-то более естественное, более быстрое произношение молитвы. А если твоя рассеянность связана с непривычкой вообще молиться - то в этом ничего удивительного нет. Одна женщина, мирянка, когда только начинала заниматься Иисусовой молитвой, то и тридцать молитв произносила с трудом, едва сосредотачиваясь. Потом постепенно привыкла к молитве и в течение дня подолгу, часами, молилась: час помолится, несколько часов поработает, опять час помолится - и все это делала с удовольствием. Хотя в первое время и десять минут с трудом могла посвятить молитве.

Вопрос. Позволяется ли иногда во время келейного правила при молитве ходить?

Ответ. Если тебя борет сон, то можно и это делать, хотя хождение, безусловно, отвлекает. Но все же лучше понудить себя двигаться и хоть как-то молиться, чем совсем поддаться дремоте, "внимательно" стоять и "внимательно" спать.

Вопрос. Слышал, что спать с 18 до 20 часов вредно и сон в это время плохо влияет на деятельность ума, организма. Действительно ли есть такая зависимость?

Ответ. Не знаю. Я как раз в это время сплю. Когда у меня есть время для отдыха, тогда и сплю; иногда бывает, что освобождаюсь только в 18 часов, возможности же отдохнуть днем

не имею. Не знаю, как ответить на этот вопрос, я не врач и в этом не разбираюсь. Думаю, что мы уже все настолько отравленные-перетравленные, потому что едим отравленную пищу, пьем отравленную воду, дышим отравленным воздухом и т.д., что и такой сон будет нам полезен. Поэтому не придаю этому какого-то особенного значения, хотя, может быть, я не прав - не знаю.

Вопрос. Может ли человек самолично грешить мыслями без вмешательства бесов? Как зарождаются в человеке мысли?

Ответ. Как зарождаются мысли, я не знаю, не могу сказать. Преподобный Макарий Великий говорит, что в человеке есть три воли: Божественная, человеческая и демоническая. Человеческая воля желает естественного: пищи, сна и т.д. Божественная воля всегда желает спасения человека, а демоническая чаще всего примешивается к человеческой и эти естественные, дозволительные помыслы и желания преувеличивает. Допустим, человек желает поесть - она побуждает его к чревоугодию, можно много примеров привести на этот счет. Поэтому чаще всего человеческая воля все-таки безгрешна, нейтральна, но бывает по нашей развращенности и то, что в нас сразу возникает греховное желание, без вмешательства бесовского. По какой причине это происходит? Человек - существо падшее, и многое зависит от того, что мы будем понимать под человеческой волей, от чего отталкиваться в своих рассуждениях. Если мы будем понимать под человеческой волей то, что вложено в человека Богом, то она безгрешна. Если же под ней будем понимать волю человека падшего, которую он имеет после падения, а не то, что вложено Богом, - естественно, что в этой воле могут быть и греховные пожелания, поскольку от рождения в человеке уже присутствует первородный грех, значит, есть и склонность ко греху. Если бы в нем не было склонности и стремления ко греху, тогда и бес никак не мог бы искушать человека, не мог бы к нему, к уму и к воле человеческой, приражаться.

Вопрос. В Евангелии сказано, что апостол Петр вытащил сеть с большими рыбами, которых было 153. Зачем это указано, что означает данное число?

Ответ. Это число обозначает, что было 153 рыбы. Вот и все. А что оно должно еще означать? Это число показывает, что в сети было 153 рыбы, и сеть не порвалась. Оно знаменует собой, что событие было действительно, - указана точнейшая подробность, как признак действительности, реальности его. Чудо состояло не только в том, что был большой улов, но и в том, что сеть не порвалась. Чудо состояло в том, что всю ночь ловили и ничего не могли поймать, а по благословению Господа, по Его указанию, сразу поймали много рыб, да притом еще каких - 153 больших. Это подробность, которая говорит о действительности события, а символическое значение ей можно приписать какое угодно, - но, думаю, это будет уже некий литературный образ, исключительно литературная аллегория, а не тот смысл, какой заключен в этом числе. Буквальный же, именно настоящий смысл в том, что был чудесный улов, а данное число есть точная подробность этого необыкновенного чуда.

Вопрос. Бывает, когда я молюсь, как бы отправляя слова молитвы внутрь сердца или словно ум помещая в сердце, то чувствую - что-то начинает там разгораться, я обращаю внимание на появившееся ощущение, отвлекаю внимание на него, и молитва теряется. Как поступать?

Ответ. В таком случае, если по всем признакам это действительно благодатное тепло, которое бывает при соединении ума с сердцем и иногда даже весьма и весьма обильно

действует, нужно все-таки стараться не столько обращать внимание на тепло, сколько продолжать углубляться в молитву. Мы, собственно, молимся не ради тепла, а ради покаяния, в конечном счете - ради спасения, и поэтому внимание является самым главным и основным признаком нашей молитвы. Если и тепло появляется, все равно нужно углубляться вниманием в молитву. Я думаю, что если это тепло благодатное, оно будет усиливаться или по крайней мере устойчиво сохраняться, а если это какое-то естественное явление или, может, даже бесовское искушение, то оно будет ослабевать или пройдет. Нужно понимать, что мы не ради тепла молимся, а, выражаясь аскетическим языком, ради внимания.

Вопрос. В присутствии людей, из боязни показаться молитвенником, у меня появляется смущение и нет возможности молиться внимательно. Не получается сосредоточиться и не обращать внимания на людей.

Ответ. Это человекоугодие, с ним нужно бороться. Оно бывает тогда, когда пытаемся угодить людям и выглядеть хорошо в их глазах, нравиться им. В данном случае мы боимся показаться молитвенниками, - а почему боимся? Мы хотим, чтобы нас одобрили, чтобы посчитали нас смиренными... А как же, например, быть священнику, когда он совершает богослужение? Если он будет скрывать свою молитвенность, то у него и молитва пропадет. Так часто и бывает. Под предлогом смирения человек теряет благодать. Один пытается слезы удерживать, другой пытается интонацию, в которой проявляется его молитвенное чувство, как-то сгладить. И вместе с тем, что пропадает интонация, пропадают и сами чувства. Нужно угождать Богу, а не людям. Я думаю, надо, как говорил один подвижник, стараться молиться так, будто бы в мире есть только ты и Бог. Если б удалось нам это исполнить, тогда бы нам никто не помешал. Мы везде находимся среди людей: в церкви, на работе, в транспорте, в монастыре на послушании и т.д. - так что же нам делать? Получается, никогда нет возможности сосредоточиться, потому что вдруг кто-то из отцов нашего монастыря, например, подумает, что я духовнее, чем он, что я из себя что-то изображаю. Это же глупо...

Вопрос. Можно ли, молясь Иисусовой молитвой, после многократного ее произнесения, несколько раз вместо "помилуй мя, грешного" называть имя своего близкого?

Ответ. Думаю, что можно, но нужно делать так, чтобы это не отвлекало, не мешало. Если ты читаешь правило, значит, отложи на конец или как-то особо выдели такие молитвы. А если перемежать молитвы так, что сначала говорить в конце молитвы "помилуй мя, грешного", потом же начать произносить имя какого-то близкого человека, а затем опять возвращаться к молитве за себя, - то это постоянно будет тебя рассеивать. Кроме того, подобное нужно делать по благословию, то есть духовник или твой наставник, настоятель или настоятельница должны разрешить молиться за того или другого человека, потому что молитва - дело серьезное, и она может иметь серьезные последствия. Если мы молимся за человека заблудшего, падшего, то существует такой духовный закон, по которому брань этого человека или другие какие-то искушения могут начаться у нас. Поэтому всегда нужно все делать по благословию, с осторожностью.

Вопрос. Говорят, что память смертная очень помогает против тщеславия, блудной страсти и т.д. Но у новоначальных ее нет. Можно ли кроме молитвы Иисусовой еще понуждать себя думать о смерти, представлять в уме, например, покойника, гроб, кости, размышлять о смерти ближних и проч.? Во время смеха, когда хочется рассмеяться, это помогает. Или же не стоит увлекаться этим?

Ответ. Иногда, может быть, так поступать полезно. Кто-то из отцов, кажется Марк Подвижник, говорит о том, что когда мы отвлеклись от молитвы, тогда можно поразмышлять о смерти, поскольку молитва наша все равно уже несколько рассеялась. Но если мы молимся внимательно, то не нужно отвлекаться даже на самые полезные размышления. Кроме того, иное дело - правило, где нужно изо всех сил стараться как можно более сосредоточиться, и другое дело - необходимая суета, допустим послушание в монастыре. Здесь, конечно, можно предоставить себе большую свободу, но само это размышление, различные образы, перебирание их в уме - все-таки от молитвы будут отвлекать. Я думаю, нужно стараться все эти размышления и рассуждения иметь как бы ориентирами и вехами по направлению к памяти смертной, но в то же самое время чересчур не отвлекаться на таковые мечтания. Думаю, что от внимательной молитвы Иисусовой должна прийти и память смертная, как говорит об этом святитель Игнатий Брянчанинов. Это был бы самый лучший способ, хотя некоторое умеренное, осторожное понуждение себя к стяжанию памяти смертной необходимо. Желательно все-таки, чтобы оно было безобразным, потому что сама по себе память смертная без молитвы Иисусовой, мне кажется, мало принесет пользы. Приведу такой пример. Подумайте о людях, работающих в морге, или о могильщиках. Они видят перед собой покойников каждый день десятками, но, хотя вид смерти у них всегда перед глазами, разве это приносит им какую-то пользу? Или - другой пример - война, когда на твоих глазах убивают близких людей и сам ты находишься под страхом смерти. Приносит ли это пользу человеку, если у него нет молитвы? Конечно же, не приносит, наоборот, может вызвать даже цинизм, как в случае с могильщиками или работниками морга. Поэтому не всегда вид смерти, даже действительный вид смерти, а не ее воображение, рождает в человеке добродетель памяти смертной. А вот от молитвы, именно от того, что человек через молитву приближается к вечности, созерцает вечность перед своим душевным взором, - от этого появляется истинная память смертная, правильнее было бы сказать, память вечности. Не собственно памятование смерти, а память вечности - вот что для нас важно. И это бывает от глубокой веры, а глубокая вера - от чтения Священного Писания и, в особенности, от молитвы.

Часть 2. О молитве Иисусовой

Продолжаем прежнюю, весьма обширную, тему наших бесед. Тема эта - духовная жизнь. В прошлый раз речь шла о различных средствах, которыми обладает христианин и которыми он должен пользоваться для стяжания благодати, для своего спасения. Причем мы сказали о второстепенных средствах, а рассказ о молитве отложили для отдельной беседы. Сегодня я, собственно, хотел поговорить больше о молитве, но поскольку в прошлый раз мною было сделано некоторое упущение, то сначала коснемся его. Рассуждая о посте, я говорил о том, что пост - это такая добродетель, которая необходима всем, даже больным людям, всем нужно воздерживаться в пище. Однако в то же самое время здесь существует большая градация: от очень строгого поста до очень ослабленного, в зависимости от физической, телесной, крепости и здоровья. Сейчас я подробно говорить об этом не буду, лишь скажу о прочих телесных подвигах. К ним применим приблизительно такой же подход, как и к посту (речь идет о поклонах, бдении и об иных удручениях тела). То, что говорилось о воздержании в пище, относится ко всем вообще телесным подвигам. Необходимо учитывать свои физические возможности, чтобы тело было нам слугой, а не обузой, не восставало против души. От неразумного подвига оно может ослабеть до такой степени, что не способно будет служить душе в духовных занятиях. Наоборот, от чрезмерной к себе жалости, нерадения можно прийти в состояние, когда плоть восстает против духа, и не обязательно, чтобы при этом возникала только блудная страсть, это может быть, как я уже говорил, и лень, и уныние.

Самым распространенным телесным подвигом, который все совершают в большей или меньшей степени, являются поклоны. Суть их - как, впрочем, и других подвигов телесных - состоит в удручении плоти ради того, чтобы вызвать сокрушение духа. Но если пост просто ослабляет тело, то поклоны имеют еще некоторую, так сказать, психологическую сторону. Поклон изображает унижение: когда человек становится на колени, он тем самым показывает свое униженное состояние. Делая поклоны, надо всегда помнить, что они являются выражением смирения, покаяния. Каждый поклон должен быть одухотворен этим настроением. Конечно, существуют разные степени преуспевания в этом отношении, у человека может быть иногда большее покаяние, иногда меньшее. Но, в принципе, нужно всегда стремиться и понуждать себя к тому, чтобы делать поклон именно в таком духе. Здесь следует сделать оговорку. Кроме вообще телесной крепости, необходимо еще обращать внимание на некоторые особенные болезни. Это касается, например, нарушения артериального давления и, возможно, каких-то заболеваний головы. Иной человек, в целом физически очень крепкий, в данном отношении может показать совершенную немощь. От поклонов у него будет возникать головная боль или головокружение, с ним будут случаться обмороки и так далее. Но не нужно думать, что если кто-то не в состоянии делать поклоны по причине, например, кровотечения из носа, которое при этом начинается, то, значит, он не способен и к другим телесным подвигам. Надо избрать что-нибудь другое, как-то иначе удручать свою плоть, допустим во время молитвы подолгу стоять на коленях или просто на ногах - неподвижно. Стоять не шелохнувшись, не сдвигаясь, не переступая с ноги на ногу на протяжении, например, часа очень тяжело. Но в то же самое время это не будет усугублять болезнь того человека, никак не коснется его немощи.

Так же необходимо сказать и о бдении. Под бдением подразумевается не богослужение, а ограничение себя во сне. Мы должны ограничивать свой сон ради духовных занятий: молитвы прежде всего, а иногда и чтения. Чтением этим могут быть Псалтирь, Евангелие, или Священное Писание - Библия, или творения святых отцов. (Обо всем этом я также не буду говорить подробно). Конечно, выше всего, как рассуждает Иоанн Лествичник, бдение ради молитвы. Но каждый, учитывая свою немощь, избирает то, что ему больше подходит. Бывает, что иной человек во время внимательной молитвы начинает дремать и засыпать. Тогда пусть он займется, например, чтением, если оно его взбадривает. Можно поделаться поклоны и таким образом, постоянно двигаясь, не давать себе заснуть. Некоторые даже выходили на свежий воздух, и знаменитые подвижники, такие, как Исаак Сирий, не стыдились об этом писать. Иные занимались физической работой. Я предлагаю возможные варианты и не говорю, что все должны делать одно и то же.

При бдении также нужно наблюдать за своим состоянием. Человек может быть физически очень крепким, но нуждающимся в сравнительно значительном отдыхе. Если у кого-то хорошо развит мышечный аппарат, то это не значит, что во всех других отношениях он здоров и крепок. По причине нарушения артериального давления, или из-за каких-то других болезней, или просто в силу врожденных физиологических свойств, человек может нуждаться в сравнительно продолжительном отдыхе. Необходимо иметь в виду: бдение совершается не ради бдения, а ради молитвы, оно должно отрезвлять ум. Если мы чересчур ограничим себя во сне, то потеряем бодрость ума и во время молитвы почувствуем либо сонливость, либо чрезвычайную невнимательность и вялость. Наоборот, когда мы будем много спать, то также появится вялость, рассеянность, лень к молитве. Поэтому должно избрать такое количество сна, какое позволило бы приобрести, именно благодаря бдению, трезвость ума. Нужно помнить, что все вообще подвиги, какие бы мы не совершали, служат тому, дабы привести наш дух в должное состояние, для того чтобы легче было молиться. Уединение, бдение, пост, коленопреклонения - все это делается ради очищения ума и, в конечном счете, ради молитвы. Необходимо смотреть на свое внутреннее состояние. Бывает, что мы иногда, предавшись чрезмерным, неразумным подвигам, на некоторое время чувствуем как бы большую интенсивность в духовной жизни - будто бы всплеск происходит, в том числе и в молитве. Но поскольку мы не смотрим вперед, не ведем себя расчетливо, то через некоторое время ослабеваем, теряем всякую ревность и желание духовной жизни - просто от физической немощи. При этом, конечно же, прежде всего пропадает трезвость и бодрость ума. Поэтому надо иметь в виду, что мы должны беречь свое здоровье и телесную крепость, но не ради любви к плоти, а именно ради того, чтобы правильно вести духовную жизнь. Для определения меры какого-либо подвига нужно обращать внимание на состояние здоровья, возраст, повседневные занятия человека. Если кто-то, пусть даже и крепкий, но занятый тяжелым физическим трудом, начнет после работы предаваться усиленным подвигам, то он либо вынужден будет вскоре их оставить, либо станет исполнять их нехотя и вяло, или же должен будет прекратить свои труды. Последнее часто бывает невозможным, поскольку и послушники в монастыре, и миряне должны, больше или меньше, трудиться. Поэтому необходимо всегда оглядываться на свои повседневные занятия, на свое здоровье и в то же самое время смотреть вперед, то есть рассчитывать на долгое время, осознавать, что в будущем нас могут ожидать многие годы жизни, которые должны пройти в молитве и

подвигах. Это не значит, что надо чрезмерно беречь здоровье, жалеть себя, любить свою плоть, но телесный, так сказать, "капитал" нужно расходовать экономно и разумно и все измерять одним мериллом, иметь единственный критерий - молитву. Все должно сказываться на молитве. Здесь снова сделаю оговорку: не нужно слишком радоваться моменту, потому что можно какой-то небольшой промежуток времени, усиленно постясь например, чувствовать некоторый духовный подъем, а дня через два наступит слабость, вялость и все это пройдет. Следовательно, по одному или по нескольким дням нельзя судить о том, правильно ли избран пост либо иной подвиг, здесь необходимо более длительное время.

В особенности легко и просто судить о разумности своего поведения в отношении всех вообще подвигов: уединения, послушания, поста, коленопреклонений, бдения - по молитве Иисусовой. Святой апостол Иоанн Богослов сказал: "Братия, не всякому духу верьте, испытывайте духов, от Бога ли они. Всякий дух, исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, от Бога. И всякий дух, не исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не от Бога, но есть дух антихриста" (см. 1Ин.4:2,3). Правда, слова эти относились к пророческому дару, но я думаю, что в известной степени их можно приложить и к молитве. Если от всех наших подвигов у нас появляется и усиливается внимание при молитве Иисусовой (главный признак - это внимание) и мы начинаем с большими ревностью, верой и чувством молиться, то, значит, они идут на пользу. Если же внимание совсем исчезает, пропадает даже и желание молиться или мы повторяем молитву механически, ничего не понимая, то, следовательно, мы что-то делаем неправильно. Опять же, с той оговоркой, что нельзя судить по одному дню. Допустим, человек смиренно исполняет свое послушание в монастыре или покорно несет свой крест в мирской жизни, зарабатывая себе пропитание каким-то трудом, при этом смиряется перед своей участью, не ропщет, но чувствует, что он как будто больше стал рассеиваться. По такому временному, промежуточному результату нельзя сделать заключение о пользе или вреде подвига для молитвы. Потому что в конечном счете послушание приводит к смирению, а последнее привлекает благодать в душу человека, и это, конечно же, обязательно скажется на молитве Иисусовой и вообще на молитве. Не нужно торопиться с выводами, будем делать все осторожно, испытывать более или менее продолжительным временем. Должны пройти по крайней мере месяцы. Узнать пользу или вред от поста, насколько он для кого-то подходит, нельзя за несколько дней. Может быть, иной человек вынесет сколько-то дней очень строгого поста, а воздерживаться пусть даже менее строго, но на протяжении долгих и долгих месяцев не сможет. Всегда нужна осмотрительность, не сразу удастся во всем разобраться.

Вспомогательными добродетелями, о которых было сказано, мы подготавливаем себя к главной добродетели - молитве. Хотя и она также является лишь средством к стяжанию благодати, ко спасению, но средством самым духовным и самым, если хотите, нематериальным. Если прочие добродетели как-то связаны с внешней жизнью человека, то молитва - это уже делание сугубо внутреннее. Конечно, все православные христиане знают и понимают, что молитва необходима, но многие не придают ей такого значения, какого она заслуживает. Некоторые считают, что достаточно помолиться утром и вечером, вычитать перед Причащением положенные каноны - и этим человек свой молитвенный долг исполняет. Они часто не понимают, что ценность молитвы, как говорит святитель Игнатий, состоит во внимании, и читают свои маленькие правила очень рассеянно, иногда до такой

степени невнимательно, что даже сами не слышат читаемого. Один подвижник сказал на этот счет следующие слова: "Как Бог может слышать твою молитву, когда ты сам ее не слышишь?" Иные, имея большую, но, как мне кажется, неразумную ревность, берут на себя значительные по объему правила. Одни из них дополнительно читают акафисты, другие добавляют каноны, некоторые прочитывают одну или несколько, иногда даже много кафизм каждый день, и они думают, что от одного только количества уже преуспевают и что оно приносит им пользу. Но если мы молимся без внимания, то это уже не молитва. Бог внимает уму. Святитель Игнатий говорит, что Иисусова молитва есть школа молитвы. Если человек не умеет, не может внимательно произнести восьми слов Иисусовой молитвы, то, конечно же, он не будет способен со вниманием прочитать пространные молитвословия утреннего или вечернего правила, псалмы или каноны. Иисусова молитва - это школа молитвы. Святитель Игнатий даже дерзновенно утверждает, что монахи, отрицающие необходимость Иисусовой молитвы, находятся в прелести (см. Творения Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Аскетические опыты. Том I. М., 1998 г., стр. 17-18.) Конечно, мы не говорим, что все, кто не молится этой молитвой, погибают. Это было бы уже своего рода ересью. Речь идет о большем или меньшем удобстве, о большей или меньшей легкости при занятиях вообще молитвой, при стремлении преуспеть в молитвенном подвиге.

Иногда к молитве Иисусовой применяют такой же подход, как и к обычным молитвословиям, то есть думают, что большое правило, например четочное, принесет пользу само по себе. То есть если кто-то будет прочитывать, допустим, пять четок, то, значит, как бы он их не прочитывал, за одно только количество и ежедневное старательное, аккуратное исполнение правила он уже получит благодать.

По этому поводу я хочу рассказать небольшую историю. Был один афонский старец, даже ставший уже знаменитым духовником; он славился своей рассудительностью, и многие приходили к нему исповедываться. В послушание к этому старцу попросился один подвижник, занимавшийся умным деланием. Старец тоже читал Иисусову молитву, потому что на Афоне это общепринято - выполнять четочное правило, то есть обязательно помимо Псалтири или канонов, которые являются дополнительными, прочитывать сколько-то четок. Духовник тот так и делал, но он не понимал значения Иисусовой молитвы, просто аккуратно произносил определенное количество молитв. И когда его ученик обнаружил, что старец его не знает, какое значение имеет умное делание и что оно, собственно, собой представляет, он стал, цитируя святых отцов, доказывать необходимость особенного отношения к молитве Иисусовой, то есть особой ревности о внимании при молитве и о чистоте помыслов. Старец сначала возражал, потом, убежденный свидетельствами святых отцов, согласился. Вот такая странная иногда бывает в жизни вещь: ученик учит учителя. Действительно, по словам Евангелия, один у нас Учитель - Христос, и один Наставник, и один Отец, а все мы - братья (см. Мф.23:8-10). Ученик тот научил своего старца углубленно молиться Иисусовой молитвой, и он незадолго перед смертью вкусил сладость внимательной молитвы Иисусовой. К чему я говорю это? Нужно не просто ревновать о молитве, или об аккуратном выполнении правила, или даже о непрестанной молитве Иисусовой, но заботиться прежде всего о внимании. Нельзя мириться с тем, что у нас почему-то не получается его сохранять, - мешают различные обстоятельства, как-то: работа, послушание, или определенные черты характера, например болтливость, раздражительность, с которыми мы уже примирились и

как бы крест на себе поставили, или какие-то неудобства, например невозможность уединяться, и так далее. Можно найти много самых уважительных причин, но мы не имеем права ни по какой из них соглашаться с тем, что у нас нет внимания. Не нужно себя оправдывать, поскольку если даже это и удастся и мы успокоимся, увидим, что действительно по разным причинам нам невозможно внимательно молиться, то в конце концов сами же и пострадаем, а не кто-то другой. Как бы голодный человек себя не уверял, что он не может поесть по какой-то причине, голод от этого не пройдет, но со временем будет чувствоваться все более и более. Пусть бы этот человек, убеждая себя, приводил самые "умные" доказательства, однако же, пока он свой голод не утолит, никакие доводы не помогут. То же самое следует сказать и в отношении душевного голода, касательно внутренней жизни. Как бы мы себя не уговаривали, но, пока не начнем насыщать свою душу Божественной благодатью, она не успокоится и будет искать пищу в греховных помыслах и вообще в греховных занятиях и развлечениях, подобно блудному сыну из евангельской притчи. Он, испытывая голод, мечтал насытить свое чрево рожцами, то есть отрубьями, пищей свиней, но не мог (Лк.15:16), потому что, по толкованию святых отцов, невозможно насытить душу грехом. Душа насыщается только благодатью.

Значит, мы должны ревновать о внимании при молитве. Если мы тщательно, изо всех сил будем понуждать себя к этому, в особенности при молитве Иисусовой, то с усилением внимания постепенно начнут появляться и покаяние, и страх Божий, и память смерти, о чем говорит святитель Игнатий. И это естественно, поскольку от внимательной молитвы усугубляется вера. Иногда человек даже чувствует присутствие Божие, некоторые подвижники всегда пребывали в таком состоянии. Тот, кто имеет это ощущение в сердце своем, в душе, не может не испытывать страха Божия, не помнить о вечности и о смерти как о пороге, двери, ведущей в жизнь вечную.

Когда мы говорим о внимании, то имеем в виду не только напряжение ума, для того чтобы внимательно, например, читать какую-то книгу, слушать разговор или молиться. При молитве необходимо не одно лишь умственное напряжение, и не всегда оно может принести пользу для неопытного, новоначального христианина. У каждого есть своя степень внимания, каждый может сосредоточиться в ту меру, в какую он преуспел в молитвенном подвиге. Это очень важный момент, который многие опускают. Я как-то уже рассказывал, что один человек, неразумно возревновавший, пожелал сразу внимательно молиться и не принимать ни одного помысла, но буквально через несколько минут после начала молитвы он почувствовал сильнейшую головную боль, потому что напрягся изо всех сил. А внимание в молитве зависит не только от собственно напряжения, но прежде всего от благодати Божией, уже, так сказать, усвоившейся человеку, и, во-вторых, от навыка. Если он не имеет ни того, ни другого, то напрасны его труды. На эту тему существует одно повествование - не притча, а действительная история. К старцу пришел некий неопытный монах и спросил: "Отец, при молитве ко мне приходит множество посторонних помыслов". Тогда старец сказал ему следующее поучение: "Пойди на гору, распрости полы своей рясы и попробуй удержать ветер". Монах возразил: "Невозможно это сделать". Старец ответил: "Так и новоначальному невозможно удержать свои помыслы".

Это нужно иметь в виду. Во всем требуется постепенность. Некоторое напряжение при молитве необходимо, однако надо знать, что естественно ожидает человека, только

приступившего к молитве. Прежде всего его ожидают суетные помыслы, иногда и явно греховные. И он должен быть к этому готовым, быть готовым к борьбе. Некоторые, испытав такое необыкновенное нашествие помыслов, вдруг начинают смущаться, удивляться и роптать. Думают, что когда они молились, например, читая Псалтирь, или акафисты, или каноны, таких помыслов не было, а теперь - целая буря. На самом деле они, скорее всего, просто не замечали их, - с другой стороны, может быть, что и бес больше стал нападать и злиться на этих людей именно тогда, когда они начали заниматься молитвою Иисусовою. Нужно быть к этому готовым и вести себя правильно: прежде всего, не смущаться, но и не впадать в беспечность, конечно же. Будем избегать этих двух крайностей: с одной стороны, беспечности, с другой - смущения и уныния. Надо держаться посередине, т.е. вести себя мужественно. Мужество - добродетель, которую святые отцы считают одной из самых главных. При его отсутствии человек, хоть бы он был необыкновенно рассудительным - "семи пядей во лбу", не избежит преткновений и падений. Пока это мужество не выработается, ему будет очень тяжело. Потому лучше сразу набираться терпения, твердости и вести себя как положено, а если начать искать какой-то иной путь, то все равно рано или поздно придется вернуться к тому же, только набив себе много шишек.

Внимание для новоначального состоит в том, чтобы при молитве, несколько напрягаясь, отбрасывать греховные помыслы. Когда они приходят, должно стараться их отвергать, не вступать с ними в собеседование. Многие недоумевают: как можно отвергать помыслы. Разумеется, мы делаем это не так, как будто отталкиваем от себя какого-нибудь человека, да у нас, собственно, нет такой способности. Что же значит отвергать помыслы? Это образное выражение, сходное по своей образности с фразой Иоанна Лествичника о том, что ум надо вмещать в слова молитвы (конечно, ум ни во что вместиться не может). Отвергать помыслы - значит не вступать с ними в собеседование, так сказать, не мыслить этими мыслями. Когда у нас в уме появляется какая-нибудь мысль, откуда бы она не пришла: пусть она возникла из нашего естества (человеческая мысль, как нам кажется), или принесена демонами, или навеяна какими-то мирскими впечатлениями - неважно, мы не должны ее обдумывать, рассматривать и развивать. Если в уме кроме молитвы изображается в виде фразы, собственно мысли, либо в виде какого-нибудь образа что-то постороннее, то необходимо ум отвращать от этого мысленного предмета и направлять к другому - к молитве. Есть замечательное выражение одного подвижника о том, что вместо любой мысли мы должны произносить молитву. Вполне естественно, что в нас непрестанно рождаются всевозможные мысли, поскольку в этом состоит деятельность человеческого ума и он не может прекратить ее ни на одно мгновение. Хотя различные адепты, аскеты других религий, например буддисты, наивно и неразумно утверждают обратное, на самом деле это нереально: ум все равно будет заниматься какой-либо естественной для себя деятельностью, будет производить из себя какую-то мысль. Он должен двигаться, если он не делает этого, значит, он исчез, уничтожился. Тело человеческое, когда не только внешние его движения прекращаются, но и внутренние органы перестают функционировать, в действительности умирает, но с духом этого никогда не произойдет, потому что он бессмертен и всегда осуществляет свойственную ему деятельность. А она может быть какой угодно; как говорят подвижники благочестия, в мельницу засыплешь пшеницу - будет молот пшеницу, засыплешь сорную траву - будет молот и ее, но остановится ни на одно мгновение. Правда,

бывает исключительное состояние человеческого ума, когда Дух Святой в таком изобилии сходит на человека - правильнее даже сказать, когда Он восхищает его ум, - что в это мгновение движение ума прекращается, но прекращается оно именно сверхъестественным действием благодати Божией. Это высочайшее состояние, и собственными усилиями его не достичь. Мы же должны вместо всякой мысли, естественно в нас возникающей, произносить молитву, вытеснять ею все вообще помыслы, чтобы ум наш двигался только в молитве и молитвой, - вот цель. Конечно, этим мы поставили перед собой высочайший, необыкновенный, труднодостижимый идеал. Понятно, что к нему мы можем только стремиться и, наверное, немногие его достигнут. Тем не менее нужно идти к поставленной цели. Если мы не придем к ней в настоящей жизни, то движение, которое совершаем сейчас, продолжится в жизни будущей и там мы приобретем это сокровище. Если же теперь начнем малодушествовать, свернем с правильного пути, то и в вечности не обретем познания Бога. Продвинемся хотя бы немного в направлении нашего идеала - и это уже будет очень много. Кроме того, не думайте, что невозможно обыкновенному человеку прийти в такое состояние. Бог раздает Свои дары так, как Он Сам хочет. Он может и простому, обыкновенному, самому заурядному, незаметному человеку, живущему в миру, дать такую благодать, какой и иной отшельник не имеет, если только Господь увидит в этом человеке готовность принять ее, найдет смирение, простоту и прочие добродетели, но в особенности смирение.

Чтобы отвергать греховные помыслы, нужно их распознавать. Если мы не умеем этого делать, то как определим, что отвергнуть, а что усвоить? Притом надо понимать, что иное дело помыслы во время молитвы - тут, пожалуй, все следует отвергать, и иное - при наших обычных занятиях. Приведем примеры. Женщина варит борщ. Если она при этом углубится в молитву, то суп, наверное, выкипит и сгорит. Думать же о том, как хорошо сварить, не означает напрасно отвлекаться от молитвы. И святые отцы, по словам Нила Сорского, имели разумное попечение о своих обычных делах. Другие примеры: человек ведет автомобиль или пусть даже едет на лошади. Если он также углубится в молитву, то рискует попасть в аварию, лошадь же может его сбросить. То есть вполне понятно, что никакого греха нет, когда во время обычных занятий мы заботимся о том, чтобы хорошо сделать свое дело, и таким образом отвлекаемся от молитвы. Однако думать об обычных житейских заботах в течение правила, т.е. времени, специально отведенного на молитву, - это уже бесовское искушение.

Вернемся к тому, что помыслы мы должны распознавать. Во время правила дело обстоит довольно просто: нужно все отвергать, принимать только духовные ощущения, связанные с покаянием, размышлением о смерти и усугубляющие внимание при молитве. А при обычных занятиях уже необходимо различение: что принимать, а что отвергать. Преподобный Нил Сорский вслед за древними святыми отцами говорит о восьми главных греховных помыслах. Это гордость, тщеславие, уныние, печаль, сребролюбие, гнев, блудная страсть и чревоугодие - вот восемь главных страстей. И во время наших повседневных занятий нам необходимо следить за тем, чтобы не поддаваться тому или иному помыслу. Например, человек, занимаясь каким-нибудь делом, старается молиться и вдруг замечает в себе раздражительность. Ему следует понимать, в чем здесь дело, и не оправдывать свою раздражительность тем, что для исполнения того-то и того-то он имел право рассердиться, а признать, что это чувство совсем не от Бога, но бесовское внушение, искушение. Или кто-то

при общении с другим человеком испытывает тщеславие. В таком случае он должен стараться и дело свое исполнять, если оно действительно богоугодно, и одновременно противиться тщеславному помыслу. Для этого, во-первых, силиться на деле не исполнять то, что внушает помысел, и, во-вторых, пытаться изгнать из своего ума саму мысль о том, чтобы кому-то понравиться, в чьих-то глазах выглядеть хорошо, но совершать то или иное доброе дело ради своей христианской совести и угождения Богу. Так же можно было бы сказать и о прочих страстях. Возможно, более подробно поговорим о них в следующей беседе.

Самым главным средством в борьбе со страстями и греховными помыслами является именно молитва Иисусова. Сейчас я скажу лишь о том, как происходит в нашей душе соединение ума с тем или иным помыслом и как нужно ему противиться. Лучше всего, говорят святые отцы, отвергать мысль в самом начале, когда она только возникает. Если в нашем уме только начал изображаться какой-то помысел и мы еще не вступили с ним в собеседование и не стали его рассматривать, то нам проще его отбросить, не принять. Если же вступим в различные степени соединения ума с помыслом, бороться с ним будет уже труднее, иногда чрезвычайно трудно. Как, собственно, происходит борьба с помыслом, как противиться ему? Я говорил, что отвержение помысла - это образное выражение. Должно стараться ум свой отвращать от помысла, не рассматривать его и углубляться умом в молитву. Любые мысли: греховные ли, или нейтральные (если такие существуют), или даже добрые - "питаются" нашим вниманием, от которого они, наподобие растений, "пышно расцветают". Отнять от них внимание - все равно что забрать у растений почву и оживляющую их влагу, от одного лишь отнятия внимания мысли постепенно "засыхают". Вы, наверное, замечали, как иногда человек, задумавшись о чем-нибудь, до такой степени отвлекается от окружающей обстановки, что не слышит, что ему говорят, или ничего перед собой не видит. Такое порой происходит даже тогда, когда он думает о совершенно обыкновенных, чисто человеческих предметах. Вот до какой степени внимание делает человека независимым от того, что его окружает. Мы же должны стремиться к этому сознательно. Однако когда кто-нибудь рассказывает своему приятелю о чем-то земном, житейском, а тот задумается о своем, также житейском, но которое его больше занимает, и перестанет слышать, что говорят, то здесь никакой борьбы не происходит. Бесу все равно: будет ли кто слушать суетный разговор или станет размышлять о своих собственных пустых предметах, так сказать, вращать в уме свои пустые мысли. Поэтому никакой борьбы здесь нет. Когда же мы стараемся молиться, дьявол силится всеми способами ум наш от молитвы отвлечь; как бы некоторым магнитом он притягивает внимание к себе, желая, чтобы мы отреагировали на тот или иной мысленный соблазн. Допустим, мы пытаемся просто, без молитвы, отвлечь свой ум даже на самое прекрасное, возвышенное - именно духовное, а не какое-нибудь пустое - размышление, однако этого мало. Потому что дьявол сильнее нашего ума, он есть дух могущественный. Человеческая душа тоже является духом, но, конечно, по сравнению с дьяволом и демонами она слабая, немощная. Поэтому здесь нужна посторонняя помощь. Какая же? - Разумеется, Божественная. С одной стороны, мы должны ум свой отвращать от помысла, с другой - углубляться в молитву. И не просто потому, что молитва - другой предмет для размышления, а потому, что в ней мы просим помощи у Бога.

Некоторые отцы говорят о необходимости молиться против помыслов, когда они нас одолевают. Это также образное выражение, поскольку мы не можем в буквальном смысле

молиться "против", и было бы странно кому-то предложить молиться "за" или "против". Это всего лишь человеческие выражения. Молиться против помысла - значит просить Господа о том, чтобы Он очистил наш ум от того или иного помысла, избавил нас от него. Например, у кого-то возник помысел осуждения, но человек противится ему, не хочет своего ближнего рассматривать, как-то размышлять о нем и осуждать. Для этого человек тот в первую очередь должен отвратить свой ум от соблазнительного помысла осуждения. Иногда он бывает чрезвычайно соблазнительным, то есть очень убедительным - как бы "нельзя не осудить". Надо стараться вовсе не думать на эту тему и не только лишить внимания помысел осуждения и углубить ум в молитву, но молиться именно с той целью, с тем настроением, чтобы Господь избавил от этого греховного помысла. Так нужно делать тогда, когда один или несколько разных греховных помыслов сильно нас одолевают. Иногда же достаточно просто сосредоточиться и молиться, не обращая внимания вообще ни на какие мысли, и они сами отходят. Но порой соблазн и обаяние греховного помысла бывают настолько сильными, что мы, словно "загипнотизированные кролики, идем в пасть к удаву". Некая таинственная сила против воли влечет нас. Можно было бы довольно-таки долго и подробно рассуждать о том, в чем состоит сила соблазна, но сейчас не время об этом говорить. Важно то, что мы должны делать на практике, как поступать. Если мы не отвратим нашего внимания от греховного помысла, но вместе с тем будем все-таки усиленно молиться, то, поскольку в нас страсть действует сильнее, чем благодать, может произойти так, что постепенно внимание наше все больше и больше будет переходить от молитвы к этому помыслу и в конце концов полностью к нему перейдет и мы или вовсе оставим молитву, или будем формально, совершенно без всякого чувства ее повторять. И поддадимся греху, так что, может, и на деле его совершим. Значит, нужно не только молиться изо всех сил, но и противиться помыслу, то есть отвращать от него свое внимание. Здесь все искусство состоит в том, чтобы не видеть очевидного. Я уже приводил вам пример из жизни, как человек, задумавшись о чем-нибудь, не замечает даже окружающей обстановки, не осознает, что происходит вокруг. Вы сами, наверное, иногда испытывали такое состояние. Следовательно, это возможно - не видеть очевидное, не верить самому вероятному и реальному. На самом деле именно бес все представляет в таком виде, будто бы нельзя так не подумать, нельзя не осудить, нельзя не испытывать вожделения, нельзя не рассердиться и т.д. В этом состоит сила соблазна, в этом заключается бесовская хитрость. Иначе говоря, бес изображает все так, словно в данном случае нельзя не согрешить. Значит, мы должны эту бесовскую очевидность отвергнуть и вести себя, с точки зрения здравого смысла, безумно. Перед нами очевидная, как будто сама собой разумеющаяся, соблазнительная вещь (часто демоны используют то, что мы видим собственными глазами, или слышим или знаем из своего предыдущего жизненного опыта), но мы отвергаем ее и обращаемся к тому, чего никто так ясно не видел и с такой точностью не знает, и молимся невидимому Богу. Тут нужны мужество и вера.

Некоторые подвижники, конечно высоко преуспевшие, имевшие великую благодать, совершали такой подвиг: они принимали греховный помысел и одновременно усиленно молились. И этой напряженной молитвой они истребляли, изгоняли его из своей души и таким образом еще более укреплялись в бесстрастии. Иными словами, они допускали соблазн внутрь себя и там побеждали его. Но это делали весьма немногие, особенно высоко преуспевшие из древних подвижников. Великие подвижники более позднего времени почти

никому не советовали так поступать. И тем более, это никак не относится к нам. Мы должны именно, когда речь идет о прилоге, и помысел отвергнуть, противиться ему, отвращаться от него, и усиленно просить Бога о помощи. Но даже если мы и приняли в какой-то степени помысел и начали с ним беседовать, то это не значит, что нужно, так сказать, "поднять весла и плыть по течению", "сушить весла", как раньше говорили моряки. Ни в каком самом страшном, отчаянном состоянии "весла сушить" нельзя. Надо оборвать, отсечь этот мысленный поток и снова начать сколько есть сил понуждать себя к молитве. Тогда Господь может совершить чудо. Редко кому (даже почти никому), в особенности из новоначальных, удастся сразу отвергнуть греховный помысел. Поэтому нужно заранее настроиться на то, что придется терпеть какие-то более или менее частые и сильные поражения от демонов. Но если в конечном счете помысел греховный отброшен - с какой-либо потерей, даже с большим или меньшим осквернением ума, то это не окончательное поражение, в итоге человек все равно вышел победителем. Из каждого такого, пусть и не совсем удачного, с потерями, сражения он выносит некоторый опыт и все больше и больше учится вниманию, и в конце концов он, может быть, с Божией помощью научится отсекал помыслы сразу, выучится особенно мудрому поведению, так что сумеет и бесовские прилоги немедленно отвергать.

Нил Сорский, вслед за другими святыми отцами, различает несколько степеней принятия помыслов. Во-первых, прилог - когда в уме только изображается греховная мысль, но человек еще не вступил с ней в беседование и не поддался никакому страстному движению. Это еще безгрешно, и лучше всего отвергнуть помысел на данной стадии. Далее идет сочетание: человек начинает рассуждать о помысле. Это тоже еще не является грехом, однако уже опасно. Здесь можно и поспорить с помыслом, как бы самого себя переубедить, но только самого себя. Беса, конечно, переубедить не удастся, потому что его не уговоришь стать хорошим и не искушать человека или пожалеть его. Все же такой образ поведения не совсем разумный, и чаще всего он приносит неудачу. Мы способны переубедить самих себя тогда, когда греховные помыслы не очень сильны. Если же брань сильная, то это будет невозможно - именно по той причине, что беса не переубедишь. Сила греховного помысла состоит не в убедительности и логичности, а в греховном обаянии. Он может быть самым нелепым, абсурдным, но, поскольку он перекликается с нашей внутренней страстью, нам бывает чрезвычайно трудно с ним бороться. Поэтому такое вот внутреннее рассуждение, имеющее место именно на стадии сочетания, только иногда приносит пользу. Например, у кого-то возникло не очень сильное раздражение, и он напоминает себе слова из Евангелия о том, что не нужно гневаться и прочее, или приводит на память рассуждения из писаний святых отцов, или просто говорит себе: "Нехорошо я поступаю - гневаюсь, а нужно быть кротким". Ему удастся себя переубедить, если брань не сильная. В противном случае никакие рассуждения не помогут. Иоанн Лествичник говорит о том, что бесполезно пытаться победить блудного беса при помощи рассуждения. Впрочем, и всех других тоже. На деле такое рассуждение лишь тогда приносит пользу, когда мы воспоминанием того или иного святоотеческого совета, или какой-либо евангельской заповеди, или евангельского повествования приводим себя в чувство и тут же начинаем молиться. Например, человек предался забвению и увлекся какими-то греховными помыслами, а потом вспомнил, что Спаситель говорит: "Всякий, смотрящий на женщину с вожделением, уже

прелюбодействовал с нею в сердце своем..." - и т.д. (см. Мф.5:28). Таким образом он поймет свое согрешение, одернет себя: "Что ж я делаю, я предался нечистым помыслам" - и тут же начнет молиться. Вот здесь воспоминание евангельской заповеди заставляет человека почувствовать, что он делает и даже мысленно совершает что-то неправильно, а молитва избавляет от нечистого помысла и бесовского обаяния. В подобных случаях уместно вспоминать как святоотеческие советы, так, в особенности, и евангельские заповеди. А просто мысленный спор, без молитвы, чаще всего приводит к поражению.

Мы говорили о сочетании. Но бывает и так, что человек, вместо того чтобы спорить с греховным, бесовским внушением, начинает с ним соглашаться. Тогда он переходит из стадии сочетания к следующей стадии - сосложению. Ум уже до некоторой степени согласился, соединился с помыслом. Потом бывает страсть - когда человек полностью увлекается греховной мыслью и думает, как на деле совершить то, что она предлагает. Если здесь не противиться и не прекратить, не оборвать это наваждение, то далее уже последует грех. Сказанное является общим и касается всех вообще греховных помыслов.

Вернемся к делению на восемь главных страстей. Конечно, оно не является совершенно безусловным. На самом деле страстей не восемь, а, наверное, тьма. Они входят в различные сочетания и порождают различные подвиды. Но для удобства рассуждения древние святые отцы разделили все страсти на восемь главных, а иные из отцов - на семь, потому что тщеславие и гордость считали за одну страсть.

Мы боремся с грехом при помощи молитвы, потому что она является главной добродетелью, необходимой в этой борьбе, а остальные - вспомогательные. Даже если человек чрезвычайно строго постится, все равно главная добродетель для него - молитва. Рассказывают следующую поучительную историю. Некогда нашли одного старца, много лет подвизавшегося в пустыне. Он ел только траву и корни растений и тем не менее был борим нечистыми помыслами. Когда же стали искать этому причину, то нашли, что старец не занимался умным деланием. Вот почему даже такой строгий пост и невероятные подвиги не могли избавить его от страсти. Значит, молитва, в особенности молитва Иисусова, является главной добродетелью вообще всех христиан. Однако не нужно уповать на нее чрезмерно. Необходимо понимать, что молитва помогает не потому, что это именно наша молитва, а потому, что она обращена ко Господу. То есть помогает Господь. Некоторые же начинают кичиться и впадать в гордость, помышляя: "Вот какая у меня молитва, она помогла". Надо всегда помнить: молитва - это не какое-нибудь заклинание и не мантра, но по молитве Сам Господь подает Свою помощь. Если поддадимся гордости, то благодать Божия от нас отойдет и в следующий раз, когда так подумаем, что наша молитва избавит от искушения, ничего не получится, потому что Господь уже не поможет. Как говорят святые отцы, мы не должны вместо истинного Бога делать себе идолов, уподобляясь израильтянам. Господь вывел их из Египта, но они, когда сорок дней с ними не было Моисея, сделали себе золотого тельца и сказали: "Вот бог, который вывел тебя из Египта" (см. Исх.32:4) - и вместо Истинного Бога стали поклоняться идолу. Так бывает и с нами, когда мы предаемся гордости и думаем, что собственными усилиями, усердием, подвигами мы избавили себя от действия страстей или хотя бы умалили его. Этой напасти нужно бояться не только тогда, когда мы несем те внешние подвиги, которые обычно вызывают гордость, как-то: очень строгий пост, или бдение, или многочисленные коленопреклонения, или большое

молитвенное правило, - но и когда молимся Иисусовой молитвой, и когда молимся внимательно. Например, мы радуемся: "Вот какая у меня внимательная молитва, вот как я умею сосредоточиваться и отгонять от себя греховные помыслы", это также гордость, и надо ее бояться. Мы должны всячески стараться изгнать из молитвы даже тень тщеславия. Один подвижник рассказывал о себе, что когда к нему приходили тончайшие тщеславные помыслы, у него сразу же начинали истекать покаянные слезы. В тех случаях, если он чувствовал, что приближаются помыслы тщеславия и он начинает гордиться своим духовным состоянием, он бежал в келию, падал на колени и со слезами, с плачем молился, чтобы эти, как он говорил, разбойники от него ушли. Действительно, тщеславие подобно разбойникам, похищающим все духовные плоды. Кажется, мы не говорили в прошлой беседе о памяти смертной. Она очень помогает избавиться от гордости; памятью смертной человек отсекает от себя все земное, а вместе с тем пропадает и гордость, поскольку эта страсть, если можно так выразиться, земное порождение. Когда мы будем думать о вечности и о том, что нас ждет за порогом смерти, тогда горделивое мечтание, будто мы что-то собой представляем и чего-то достигли, должно будет исчезнуть, "испариться", как влага от жаркого солнца. Оно уже покажется нам ничтожным, пустым - если мы задумаемся о своей будущей участи и о том, что такое вечность. Святые отцы древности, имевшие настоящее покаяние и память смертную, даже перед смертью плакали и каялись. Один подвижник, который мог и мертвых воскрешать и другие знамения и чудеса творил - вообще обнаруживал необыкновенные признаки присутствия в нем благодати, - лежа на смертном одре, непрестанно плакал. Ученики спросили старца: "Почему ты плачешь? Разве ты боишься? Ведь ты достиг такого высокого духовного состояния". На это он им сказал: "Иной суд Божий, и иной суд человеческий". Другими словами, то, что с человеческой точки зрения, может быть, что-то и значит, перед Богом - ничто. Вот какое смирение приобретали люди, постоянно помнившие о смерти, постоянно думавшие о вечности. И мы должны соединять с молитвой воспоминание о смерти, о суде, о будущей жизни. Тогда избавимся от гордости, от той мысли, будто бы мы благодаря своим подвигам уже что-то собой представляем. Не нужно гордиться ни строгим постом, если он есть, ни бдением, ни молчанием, ни уединением, ни послушанием, ни внимательной молитвой, ни тем, что мы умеем отгонять от себя греховные помыслы, - ничем гордиться нельзя. Настоящий, правильно совершающий свой подвиг христианин постепенно приходит к глубочайшему смирению, так что ничего высокого подумать о себе не может, даже если бы захотел. Как-то в присутствии преподобного Моисея Оптинского стали говорить о том, какой он подвижник, какой хороший игумен, в общем, стали его за что-то хвалить. Он же стоял и молчал; не возражал, но как-то недоверчиво улыбался, и этим без всяких слов показал свое истинное душевное состояние. Он относился к чужим похвалам скептически, не верил им.

Вопрос. Уныние есть смертный грех. Как можно определить, является ли его действие просто искушением или уже произошло грехопадение?

Ответ. Грехопадение произошло тогда, когда человек предался отчаянию, совершенно перестал заботиться о своем спасении. Однако грехопадения бывают разные. Действительно, можно впасть и в смертный грех, т.е. предаться отчаянию до такой степени, что у человека появятся мысли о самоубийстве или он даже попытается покончить с собой. Это уже есть самое страшное действие уныния, такому унынию предался Иуда

Искариотский. Напротив, апостол Петр прибег к покаянию и очистился от своего падения - отречения. Уныние является искушением, когда человек, может быть, в какой-то степени ему поддается, но в то же самое время и противится, пытается молиться, заставляет себя и внутренне, и внешне совершать какие-то добродетели, старается вести себя так, как должно. Иногда бывает, что уныние борет человека многие месяцы и даже годы. Это особая тяжкая брань, и не всегда она возникает от человеческого нерадения, но часто бывает страшным сатанинским наваждением. Уныние - самая ужасная страсть, которая в особенности борет людей, ведущих уединенный образ жизни: отшельников, безмолвников. Но она, конечно же, свойственна и людям, живущим в миру, а бывает, что искушает и нас, жителей общежительного монастыря, пребывающих как будто бы в суете. Грехопадение, я думаю, происходит тогда, когда человек в той или иной мере поддается унынию и оставляет свои обычные занятия, духовные и даже житейские. Степень грехопадения можно определить по тому, насколько человек предался нерадению. Если он перестал молиться или совсем не старается сохранить внимание при молитве, прекратил читать Священное Писание и святых отцов, то, значит, он поддался унынию полностью. Если же он что-то из прежних занятий оставил, а что-то продолжает совершать, то, следовательно, - частично. Когда человек все-таки молится, но как-то вяло, без внимания, без огонька, так сказать, то, стало быть, он тоже поддался страсти и совершилось грехопадение, только не такое сильное и страшное. А если кто-то, несмотря на уныние, все делает как обычно и, невзирая на сухость при молитве, на некоторую безвкусицу, т.е. безразличие к духовным занятиям, понуждает себя изо всех сил совершать все необходимое, то, значит, он не поддался унынию, и это является искушением, а не грехопадением.

Вопрос. В книге "Азы Православия" (стр. 33) в главе "У Святой Чаши" написано: "За Божественной Литургией в воскресенье, во время причащения мирян, небольшой мальчуган, стоявший вблизи алтаря, время от времени заливался звонким детским смехом. Удивленные родители после окончания Причащения стали расспрашивать, почему он смеялся. Мальчик ответил: "Когда я смотрел на людей, подходящих к Чаше, то вдруг увидел, как к некоторым подлетает белый голубь. Только дядя или тетя откроют рот, чтобы проглотить Дары, как голубь склевывает их с ложечки и улетает. Они этого голубя не видят. Закрывают рот и отходят, думают, что причастились, а на самом деле только пустую ложечку подержали". Происходит ли такое со мной, как можно узнать? Ведь я все же проглатываю Святые Дары, потом беру часть просфоры и запивку.

Ответ. Очень интересный вопрос. Об этом рассуждает преподобный Симеон Новый Богослов. Он говорит, что когда люди недостойно причащаются, то Господь, как преподобный Симеон выражается, "улетает". Конечно, на самом деле не происходит в буквальном смысле то, что видел этот мальчик; просто его видение показывает духовную сущность явления. А она состоит в том, что человек причащается без благодати. На литургии Василия Великого после преложения Святых Даров священник молится следующими словами: "Господи, не возбрани действию Святаго Духа от преложившихся Даров ради моих согрешений". То есть священник молится о том, чтобы из-за его грехов благодать и не отошла от Святых Даров, и не умалилась, но действовала с полной силой. Если из-за грехов священника благодать может отступить, прекратить свое действие, то, конечно, она может отойти и по причине греховности и неподготовленности

причащающихся мирян. В этом и заключается сущность описанного явления. Видение того, что благодать отходит, образное. На самом же деле бывает, что человек причащается во осуждение. Святые Дары - это всегда Святые Дары. Только протестанты учат, что Тело и Кровь Христовы по вере человека могут быть, а могут и не быть Телом и Кровью Христовыми. Мы же, православные, говорим о действительности Святых Даров в любом случае. Пусть даже какой-нибудь кощунник и безбожник дерзнет подойти ко Причастию, и тем не менее Тело и Кровь Христовы останутся Телом и Кровью Христовыми. Именно потому причащение бывает в осуждение приступающему к нему недостойно, что он причащается истинного Тела и истинной Крови Христовой.

Недавно вышла в свет небольшая очень интересная книжечка под названием "Поучение старцев", написал ее греческий священник Дионисий. Он собрал изречения разных греческих старцев конца XIX-XX столетий, можно сказать современных. В этой книге говорится и о признаках правильного причащения. Один священник называет те правильные ощущения, какие должны быть у причащающегося. До того, как подойдет к Чаше, он должен испытывать страх, благоговение, покаяние, сокрушение сердечное, а после Причащения - чувствовать в своей душе покой и радость. Иногда эти ощущения возникают не сразу, не в тот же момент, потому что порой телесная усталость как бы не дает проявиться духовным чувствам, но после, в тот же день, они обязательно должны обнаружиться. Об этом говорит и святитель Игнатий.

Расскажу еще об одном подобном видении, оно описано в упомянутой книге. Некоторый греческий старец, сподоблявшийся во время литургии различных благодатных видений, поведал следующую интересную вещь. Когда я, говорил он, причащаю, то никогда не смотрю на лица людей. Но как-то раз помысел мне сказал: "Посмотри на лица". Я поднимаю глаза и вдруг вижу, что у одного из причащающихся вместо лица - морда собаки, у другого - обезьяны, у третьего - еще какого-то животного. Я ужаснулся и воскликнул: "Господи, что же это такое? Ведь это же люди!" Лишь у некоторых лица были светлые, и когда эти люди причащались - лица их начинали сиять. Вот как бывает. Описанное видение похоже на то, по поводу которого был задан вопрос. Признаки достойного причащения мы назвали: до причащения - сокрушение сердечное, благоговение, страх Божий, после - покой, радость, мир в душе. Здесь не имеется в виду такая радость, что человек будет смеяться как ребенок, а радость тихая.

Вопрос. Можно ли после Причащения купаться, стирать и так далее?

Ответ. В ответ на этот вопрос хочется пошутить. Я не осуждаю того, кто его задал, но возникает желание посмеяться над народными суевериями. Некоторые даже говорят, что после соборования вообще, до конца жизни, купаться и мыться нельзя. Иные утверждают, что если человек соборовался, то ему уже почему-то нельзя есть мяса. Почему после соборования его нельзя есть - непонятно (речь, конечно, идет о мирянах). Иные говорят, что после соборования люди, живущие супружеской жизнью, должны прекращать свое супружество. Тоже неизвестно, на чем это мнение основано. И после Причащения почему-то мыться нельзя. Я не понимаю, по какой причине. И сколько дней нельзя мыться? В этот именно день? А если ты ела, например, рыбу, и у тебя руки в жире, разве ты не будешь их мыть? Какую же причину можно найти тому, чтобы после Причащения не мыться? Или имеется в виду баня? В таком случае, может быть, нельзя потому, чтобы не заниматься

лишней суетой, то есть чтобы не топить баню и так далее. Это еще понятно. Тот день, в который причастился, нужно провести по возможности несуетно и, если позволяют обстоятельства, вообще ничем не заниматься, но молиться, читать. Однако не всегда так получается. А вдруг возникнет необходимость срочно что-то постирать, например? Недавно мы были на Святой Земле, и там хотя и не жарко было, но все равно намного жарче, чем у нас летом. На Страстной Седмнице в храмах во время богослужений были толпы народа - очень жарко, все обливались потом. И что же, мне нельзя было мыться, когда я отслужил литургию, причастился? Я считаю, что мнение, будто после причащения нельзя мыться, - это просто нелепость. Единственное оправдание этому - то, чтобы не суетиться.

Вопрос. Папа римский был христианином или нет?

Ответ (Батюшка смеется). Не знаю, был ли, но сейчас нет. Формально папа римский - христианин, потому что он как будто исповедует Христа, но по сути всякий еретик, в том числе и любой католик, не исключая папы, христианином, конечно, не является, так как на деле он чужд Христа. Ведь можно формально исповедовать Христа, а на деле быть чуждым Его, и в этом смысле папа римский - первый среди равных.

Вопрос. Как бороться со смехом?

Ответ. Если говорить о смехотворстве, то, когда приобретешь настоящее покаяние, смех у тебя пропадет и будет духовная радость, а она со смехом не соединяется. Было бы нормальным оставить смех, если у человека есть на то духовные основания, духовная почва. А вообще-то, отсутствие смеха у обыкновенных, грешных людей - признак психической ненормальности. Поэтому если кто-то напускает на себя подчеркнутую чопорность, перестает смеяться и ведет себя совершенно замкнуто, нелепо, то либо он уже достиг высочайшего покаяния, либо, наоборот, у него рассудок помутился. Так что в борьбе со смехом надо быть очень осторожным, чтоб не начать так бороться, что все это перейдет уже, так сказать, в область психиатрии.

Вопрос. Батюшка, простите, как быть в таких случаях, когда от переутомления на послушании начинаешь впадать в уныние? А потом - неуместный смех. Как избежать этого?

Ответ. Во-первых, надо разумно себя вести. Может быть, и отдохнуть стоит, даже просто полежать или подремать. Иногда пятнадцать минут подремлешь - и уже силы несколько восстанавливаются. Если же такой возможности нет (бывает, конечно, и так), то нужно относиться к утомлению, равно как и вообще ко всему подобному, как к чему-то внешнему. Надо воспринимать наше собственное тело и телесные ощущения как внешнее по отношению к душе. Ведь с таким же успехом можно было бы задать вопрос: "Как не впадать в уныние, когда плохо себя чувствуешь?" Да, болезненные ощущения действительны, это не выдумка, не фантазия, однако же угодники Божии не поддавались унынию, отчаянию во время самых тяжелых, самых страшных болезней. И потому с унынием, которое появляется от утомления, от немощи телесной, нужно бороться так же, как и вообще с любым унынием, связанным с той или иной телесной скорбью. То есть, несмотря на свои физические ощущения, не давай духу уныния тобой возобладать. Иное дело - усталость, и иное дело - уныние. Невзирая на очевидность повода для уныния, мы должны отвергать этот повод, и тогда мы будем веселы, в хорошем смысле слова, веселы в духовном отношении; будем иметь, так сказать, духовную бодрость - даже при телесной усталости.

Часть 3. Виды молитвы

Сегодня мы продолжаем беседы на очень обширную тему - о духовной жизни. Ранее мы говорили о средствах стяжания благодати Духа Святого, беседовали о таких вспомогательных средствах, как пост, бдение, некоторые другие телесные подвиги, уединение, потом говорили о молитве и несколько коснулись борьбы с греховными помыслами при помощи молитвы. Конечно, нужно было бы сначала более подробно рассказать о молитве, и, наверное, мои беседы недостаточно систематичны, но я говорю так, как приходит мне на память. Сначала мы беседовали о молитве вообще, а также о преимуществах молитвы Иисусовой и о той большой пользе, которую приносит она по сравнению с другими видами молитвословий. Потом немного коснулись того, как нужно бороться с греховными помыслами, как от них отвращаться и при помощи усердной молитвы, при содействии благодати Божией, подаваемой через молитву, отвергать их. Но чтобы быть последовательным, мне нужно было, наверное, сначала сказать о видах молитвы, точнее, о видах именно Иисусовой молитвы, так как в нашей жизни при борьбе с грехом это имеет большое значение. Оттого что мы не учитываем, что молитвенное развитие совершается постепенно, у нас бывают ошибки, приводящие иногда, из-за неопытности нашей, к серьезным последствиям. Может быть, некоторым сказанные мною вещи покажутся общеизвестными, но "повторение - мать учения" и, по крайней мере, вреда не будет. Кроме того, нечаянно может открыться какой-то момент, который они раньше опускали, не замечали и не обращали на него внимания.

Молитва, как правило, делится на три степени: устную, умную и сердечную. Это самое первое, элементарное деление. Но святитель Игнатий, как многоопытный подвижник, сверх того отделяет устную молитву от гласной. И справедливо, потому что, можно сказать, в устной молитве есть два подразделения: когда она говорится собственно устами и когда она произносится устами в голос. Бывает так, что мы можем говорить молитву устами беззвучно - просто шевелить губами. Однако же это молитва устная, поскольку произносится она устами, и она имеет большее отношение к молитве телесной. А иногда мы имеем возможность говорить молитву вслух, но такая возможность есть не всегда. Если мы при общении с людьми, например на работе, в общественном транспорте, или даже во время службы в церкви начнем говорить молитву вслух, то этим так или иначе будем либо искушать и смущать окружающих, либо (в последнем случае) помешаем им молиться. Есть такие неразумные ревнители Иисусовой молитвы, которые считают, что, несмотря ни на кого и ни на что, нужно говорить молитву вслух. Но так полезно делать, например, на послушании в монастыре, когда каждому ясно, что надо молиться, и когда эта молитва вслух напоминает о том, что никогда не следует ее оставлять.

Устная молитва нам необходима. Если бы мы, невзирая на то, что мы еще недостаточно опытни и даже не имеем столько благодати, чтобы удерживать молитву, стремились только к молитве умственной, творимой одним умом, да притом и внимательной, то мы, конечно, оставляли бы вообще всякую молитву. Часто у нас так и происходит. Поэтому для новонаначального весьма уместно по возможности молиться вслух, т.е. упражняться в молитве гласной, или, как говорит святитель Игнатий, творимой голосом, а если ситуация не позволяет - повторять молитву устную, то есть творимую устами беззвучно. Не думайте, что

эта устная молитва не принесет пользы в борьбе с помыслами. И здесь необходимо внимание, без которого и устная, и гласная молитва, так же как и умная, оказывается совершенно пустой. Хотя следует различать некоторую сухость, или невнимательность, рассеянность, при молитве, бывающую от неопытности, и это весьма простительно, от рассеянности, возникающей по причине нерадения, нежелания усердствовать во внимании. Я часто повторяю такие слова, что нужно иметь ревность о внимании при молитве. Мы же упускаем это из виду и, бывает, гоняемся только за одним количеством. В прошлой беседе я приводил пример про одного афонского старца. Он старательно, регулярно исполнял четочное правило, но не имел усердия к умному деланию, т.е. к внимательной молитве, к преуспеянию во внимании, а считал, что вычитыванием определенного количества Иисусовых молитв он уже исполняет свой монашеский долг. Поэтому не нужно думать, что устная молитва может быть только совершенно невнимательной, и также не следует полагать, что она, поскольку все-таки, по сравнению с умственной молитвой, недостаточно внимательна, не приносит никакой пользы.

Некоторые подвижники всю жизнь не оставляли устной молитвы. Есть даже такая устная молитва, которая является высшей степенью молитвы умной, - когда чувства настолько переполняют душу человека, благодать настолько стесняет его сердце, что он не может удержать молитву внутри себя и вынужден произносить ее устами, вслух, - именно от избытка чувств. Так было с блаженным Андреем, Христа ради юродивым. Из его уст вырывался как бы свист. Люди, не понимавшие его устройства, считали, что он беснуется, а это была устная молитва. Блаженный Андрей не мог удерживать ее внутри себя, и она выражалась в таком невнятном произнесении слов, но молитва эта шла от избытка сердца. Когда я был паломником в некотором монастыре, один старец случайно рассказал мне, что он знал некоего афонского монаха, подвижника, и тот не произносил вслух всю Иисусову молитву, но время от времени у него вырывалось из уст: "Иисусе Христе! Иисусе Христе!" То есть от избытка чувств и уста произносили.

Поэтому не нужно думать, что устная молитва предназначена только для новоначальных и не приносит никакой пользы. Один Бог знает, как будут распределены Его дары. Иной и при устной молитве может необыкновенно преуспеть во внимании, так что в этом отношении будет превосходить того, кто занимается молитвой умственной. И сердечная молитва - у тех, конечно, кто обладает даром такой молитвы, - бывает иногда несколько рассеянной, а устная бывает чрезвычайно внимательной. Кроме того, многие молитвословия, совершаемые в церкви, произносятся устами: возгласы священника, чтение на клиросе псалмов или канонов, диаконские прошения во время ектений - все это устная молитва. Поэтому уничтожать ее и считать, что от нее нет никакой пользы, было бы легкомысленно.

Это я говорю для того, чтобы не стремились чересчур рано перейти от молитвы устной к умной, чтобы те, кто уже понял, что такое умная молитва, познал ее на опыте, не пренебрегали устной молитвой во время послушания, вообще во время повседневной жизни, когда трудно удержать молитву умственную. Потому что такое пренебрежение устной молитвой как бы ничтожной, малозначащей может привести к полному оставлению какой бы то ни было молитвы. Если мы понуждаем себя к молитве устной, пусть даже мы несколько рассеянны, то она все же принесет пользу. Допустим, пять-десять молитв мы

сказали совершенно невнимательно, а потом опомнились. Сам наш голос, наша собственная молитва, звучащая в ушах, напоминает нам о том, что мы сейчас должны делать, и мы приходим в себя, приходим в чувство. Или, например, мы совершаем молитву устами беззвучно. Мы отвлеклись, сильно рассеялись, мысль занята другим, но вдруг мы замечаем, что наши уста по привычке шевелятся и произносят слова молитвы Иисусовой, и мы опять можем опомниться и вернуть свой ум к внимательной молитве. Поэтому если мы по какой-то причине не можем молиться умственно, но есть возможность творить молитву устную или произносимую в голос, то не следует этим пренебрегать. Некоторые делают из умственной, или умной, молитвы самоцель и так за нею гоняются, что, опытно познав большее внимание при такой молитве, не придают значения молитве устной как бы безвкусной, ничего для них не значащей. Таким образом, они совсем перестают молиться. Это - ошибка, приводящая к рассеянности, оставлению молитвы, а впоследствии и к принятию греховных помыслов.

Кроме того, у нас, немощных, - поскольку воля наша колеблется и мы не всегда желаем добра - бывает еще и такое искушение и смущение. Как будто в глубине души мы стремимся к добру, но на поверхности - колеблемся под действием нечистых помыслов, под действием бесовским. Наше состояние подобно глубокому озеру: в глубине - всегда тишина, а на поверхности может и буря разыграться. И когда наше произволение начинает меняться и мы чувствуем, что уже принимаем те или иные греховные помыслы, поддаемся им, несмотря на то что ясно осознаем их неправильность и греховность, однако не имеем сил противиться, тогда весьма уместна молитва, произносимая вслух, или по крайней мере одними только устами. Потому что произнесение молитвы дает нам возможность опомниться и прийти в себя, напоминает о том, что мы христиане и что нужно противиться. А при молитве умственной внимание может быть настолько поглощено, увлечено грехом, что мы почти и не будем произносить ее внутренне или забудем о ней. И так происходит не только от суеты, как я ранее говорил, но и от сильного действия страсти. Поэтому, когда бывают искушения и ум наш начинает колебаться, мы смущаемся и уже как будто принимаем греховный помысел, тогда весьма уместно и полезно произносить молитву Иисусову вслух. Конечно, если есть возможность и позволяет телесная крепость, то желательно делать и поклоны, т.е. какими-то телесными действиями напоминать себе о молитве. В случае сильного смущения и бури помыслов, овладевших нашим сознанием, хорошо бы было еще и взирать на икону Спасителя или Божией Матери. Тем самым все свои чувства: и слух, и зрение, и, может быть, самое осязание (через крестное знамение и поклоны) - направить к одному - молитве, для того чтобы опомниться во время этого наваждения и потемняющей наш ум бури. Значит, и здесь весьма уместна молитва Иисусова; такое искушение бывает даже у людей несколько преуспевших, которые могут рассеиваться от суеты, пусть даже необходимой, и поэтому им тоже нужно помнить о молитве, произносимой вслух. А можно рассеиваться и от увлечения греховными страстями. В последнем случае также полезно молиться вслух.

Конечно же, нам необходимо сколько есть сил понуждать себя ко вниманию. Правило о том, что нужно вмещать ум в слова молитвы, преподано нам преподобным Иоанном Лествичником. Этот принцип настолько универсален, что годится как для начинающих и занимающихся устной молитвой, так и для весьма преуспевших и даже для постигших, что есть сердечная молитва. Принцип универсален, однако есть различные степени преуспевания

в отношении того, чтобы вмещать ум в слова молитвы. Не сразу, а постепенно, постепенно происходит переход от молитвы устной к умной, или, если выразаться современным языком, умственной, т.е. произносимой одним умом. Здесь существуют разные переходные стадии. Иногда мы чувствуем, что у нас во рту, хотя и при закрытых устах, немного шевелится язык и другие органы, связанные с произнесением, с извлечением звука. Постепенно это проходит и молитва становится более и более чистой, произносимой только одним умом. Чем обусловлен такой переход? Он зависит даже не столько от нашего усердия и того времени, которое мы посвящаем молитве, хотя и от этого в значительной степени, но более всего - от смирения. Встречаются люди, только приступившие к молитве, но имеющие неподдельное сердечное смирение, т.е. в сердце своем ничего о себе не помышляющие и искренно, в глубине души - именно перед своей совестью, а не для людей - ничего о себе не думающие. Они легко и быстро преуспевают и сподобляются высших степеней молитвы. Конечно, отсюда не следует, что каким-то напряжением воли мы мгновенно смиримся и все это получим. Смирение приобретается не иначе, как подвигом и борьбой с грехом. Именно в борьбе с грехом появляется настоящее, сердечное и опытное, а не надуманное смирение. То есть человек на деле познает свою ничтожность, немощь, греховность, и только тогда он искренно и глубоко смиряется. Впрочем, одни могут быть более склонны к смирению, другие - к иным добродетелям, этим смущаться не нужно. Станем трудиться, и в этом самом молитвенном труде мы постепенно будем очищаться, совершенствоваться и преуспевать - не только в молитве, но "попутно", одновременно и в прочих добродетелях. Поэтому не надо думать, будто бы мы обделены. Таких людей, которые не имеют подобного искреннейшего смиренного о себе мнения, способствующего быстрому преуспеянию в духовной жизни, наверное, большинство. Кроме того, люди быстро преуспевающие - даже из-за смирения - обычно не имеют опыта борьбы и если какую-то благодать и получают, то сами не знают, почему и за что. Если теряют ее, то также не понимают, почему. Напротив, страстный человек борется с собой и приобретает опытность. Он начинает понимать, почему и как он теряет благодать и впадает в те или иные грехи, как удержаться от каких-либо грехов, как себя вести при различных искушениях. И если он что-то приобретает, то уже знает, как это удержать. Поэтому и здесь есть свое преимущество, хотя, конечно, в борьбе бывают иногда невыносимые страдания, нестерпимые внутренние мучения. Никто, разумеется, их не желает, но мы по необходимости, хочешь - не хочешь, должны идти этой дорогой, потому что в духовной жизни другого пути нет: либо путь смирения, либо путь борьбы.

Так что не нужно смущаться тем, что переход от устной молитвы к умственной простирается у нас на месяцы, а иногда и на годы. Один подвижник, который впоследствии написал знаменитую книгу "На горах Кавказа", тринадцать лет занимался устной молитвой, совершенно не думая о стяжании умной. А потом как бы сама собой, без всякого особенного понуждения с его стороны она перешла в молитву умную, а через некоторое время и в сердечную. У всех этот переход совершается по-разному. Иногда человек сразу, только приступив к духовной жизни, вкушает сладость молитвы сердечной, а потом теряет ее. Он вспоминает о ней, стремится вернуть то, что испытал в самом начале своего подвига, и тратит на это многие годы. Нужно смиренно относиться к Промыслу Божию, который все устраивает для нашей пользы. Один знаменитый подвижник, старец - схииерархимандрит Серафим (Романцов) из Глинской пустыни в молодости своей испытал действие сердечной

молитвы. После этого он увидел во сне некую отроковицу, которая сказала ему: "Сейчас я покидаю тебя, а потом, в старости, я вернусь к тебе". Он понял, что этой отроковицей была молитва Иисусова; и сердечная молитва у него прекратилась. Почему так - одному Богу ведомо. Много лет спустя, когда отец Серафим был в тяжелой болезни и уже, можно сказать, на смертном одре, в нем вновь начала действовать непрестанная молитва Иисусова, притом с таким обильным изливанием благодати, что он с трудом ее выносил. Он начинал бурно дышать и говорил своим близким духовным чадам, присутствовавшим там, что он изнемогает от благодати. Говорил, что к нему вернулось то, о чем он мечтал всю жизнь. В таком благодатном состоянии он и отошел ко Господу. Так что у всех бывает по-разному. Не нужно унывать, будем мужественно трудиться, а все остальное возложим на Бога. Все зависит от разных причин и иногда даже не столько от смирения, как я сказал, сколько от Божественной воли, конечно же. Бог Сам знает, что, кому и в какое время полезно. Наше дело - трудиться. И устная молитва, даже если мы будем молиться ею до самой смерти, может принести и приносит человеку большую пользу.

В любом случае человек должен произносить молитву с некоторым вниманием, а не механически. При сколько-то внимательной молитве он, несомненно, в какой-то степени должен чувствовать в своей душе благодатное утешение. И когда он согрешает, поддается, допустим, осуждению или гневу - какой угодно страсти, тогда чувствует умаление благодати. Но познав на опыте, что такое благодать, и испытав душевный мир, подаваемый молитвой Иисусовой, он, конечно же, будет стремиться его вернуть. И пусть даже человек молится устной молитвой, и тем не менее, борьба за то, чтобы всегда иметь в душе благодатный мир - мир Христов, уже приносит ему очень и очень большую пользу. То есть человек сознательно ведет христианскую жизнь. Не так, как бы он действовал вслепую и не знал, что ему делать и почему он споткнулся, что хорошо и что плохо, или знал бы только по книгам, однако не чувствовал в душе никакого изменения, а ощущал постоянную сухость, уже укоренившуюся и ставшую привычной до такой степени, что даже при самых тяжелых грехах человек этот пребывал бы в нечувствии. Когда же в душе есть благодать, хотя бы ты молился просто устной молитвой, то ты уже будешь ощущать некоторые колебания в своей жизни и будешь дорожить миром душевным. Поэтому и от устной молитвы происходит великая польза. Конечно же, этот мир можно приобрести и другими способами: молясь, например, псалмами блаженного царя Давида, читая каноны или акафисты, - любое молитвословие приносит пользу. Но легче всего сделать это при помощи молитвы Иисусовой, при занятии ею легче наблюдать за собой и ощущать описанное внутреннее изменение, следить за состоянием своей души.

Когда человек чувствует, что во время устной молитвы уста его как бы сами собой зажимаются и ему неудобно, неинтересно молиться устами, а хочется - только умом, то это почти всегда является признаком того, что наступает переход к молитве умной. Тут нужно вести себя благоразумно. Некоторые люди из-за ложного смирения боятся высших степеней молитвы. Занимающиеся устной молитвой боятся молитвы умной, занимающиеся умной - боятся сердечной, потому что считают себя недостойными и думают: "Не должно у нас этого быть, мы этого не заслужили" - и прочее. Все это так, но благодать молитвы Иисусовой и вообще благодать Божия дается не по нашим заслугам, и поэтому такой подход - заслужили мы или не заслужили - нужно сразу отбросить. Мы ничего не заслужили, так как

по своей жизни, по своим грехам достойны только геенны огненной - вот что мы действительно заслужили. Потому подобные рассуждения, конечно же, признак гордости. Мы ничего не достойны. Если благодать Божия посещает нас, то мы должны разумно ее принимать, а не отвергать под предлогом смирения. Если чувствуем, что молитва устная переходит в умную и нам неловко, неинтересно, безвкусно говорить ее устами, но хочется произносить умом, то попробуем перейти и к этому состоянию, будем произносить молитву только одним умом. Может случиться, что вдруг нам опять станет как-то неуютно, в уме молитва будет произноситься с трудом, неуклюже, со скрипом, так сказать. Тогда вновь перейдем к устной молитве - ведь ничего страшного в этом нет. Во-первых, такое бывает от усталости: неопытным трудно молиться умственно. Во-вторых, это может быть просто оттого, что благодать умалилась. Например, мы в чем-то согрешили - и благодать умалилась, тогда у нас уже не получается творить молитву умом, поскольку это зависит не от нашего навыка, но более всего от действия благодати. И навык, конечно, имеет значение, но лишь второстепенное, а на первом месте - действие Божественное. Оно умалится - и молитва станет более скромной, менее внимательной, опустится, возможно, на нижнюю ступень. Поэтому не нужно удивляться, что иногда у нас получается молиться умом, а иногда почему-то не выходит. Не выходит же по той причине, что умалилась благодать. В случае безуспешности будем вновь молиться устами. Сначала попробуем несколько понудить себя молиться умом, но если это понуждение окажется бесплодным, то не будем унывать, а вернемся к молитве устной.

Молитва умная, или умственная, также имеет много степеней, зависящих, конечно, от внимания. Вообще, я думаю, преуспеяние в молитве безгранично, потому что истинная молитва - это есть общение с Богом, богообщение, которое будет продолжаться и в будущей жизни. Познание Бога будет в человеке все более и более развиваться, и он будет восходить на высочайшие степени, о каких мы сейчас даже помыслить не способны. Объяснение этому дает апостол Иоанн Богослов. Он говорит замечательные слова: "Сейчас мы чада Божии, но неизвестно, что будем, ибо увидим Бога, как Он есть" (1Ин.3:2). То есть сейчас мы дети Божии, и это само по себе необыкновенное, великое звание: Бог усыновил нас, сделал Своими детьми, но в будущей жизни и оно окажется малым. Потому-то апостол Иоанн Богослов говорит: "но неизвестно, что будем, ибо увидим Бога, как Он есть". У апостола Иоанна нет даже слова, названия, чтобы наименовать состояние человека в будущей жизни. Следовательно, преуспеяние в молитве безгранично.

В каждой молитвенной степени также есть много разных, весьма условных степеней или градаций преуспеяния, потому что все это деление, разумеется, относительное. Обратимся, например, к разделению на молитву устную, умную и сердечную. Я вам уже рассказывал, как человек произносил молитву устную от избытка сердечной, от избытка благодати. Или посмотрим на священника во время богослужения. Не будем говорить о нас, обыкновенных священниках, а скажем о таком, как отец Иоанн Крондштадтский. Несомненно, он во время богослужения произносил молитву вслух, т.е. она была устной, - иначе и быть не могло, но насколько она была пламенной, вдохновенной. Это позволяет нам сделать вывод о том, что деление молитвы на различные виды и степени условно.

Преуспевая в умной молитве, развиваясь, человек может сподобиться и молитвы сердечной. Погружению ума внутрь сердца помогают разные искусственные приемы: взгляд

внутри себя, или взгляд, устремленный в верхнюю часть сердца, или молитва с дыханием. Возможно, есть и какие-нибудь другие приемы. Но снова скажу, что преуспевание в молитве происходит более всего от смирения. Поэтому на такие вещи не следует обращать особенного внимания, не нужно ставить их во главу угла. С другой стороны, совсем пренебрегать этим также не стоит. Конечно, святитель Игнатий говорит, что лучше молиться бескорыстно, с одним только покаянием, не ища никакого преуспевания. Однако с дерзновением скажу, что я не совсем с ним согласен. Многие другие отцы рекомендовали художественные приемы делания молитвы, среди них есть и более изощренные, и более простые. Те или иные из них разумно можно применять, но при этом помнить, что сам искусственный прием для усиления внимания и для сведения ума из головы в сердце, то есть в ту область, где находится источник человеческого духа и помыслов человеческих, приносит успех только при содействии благодати. Совсем пренебрегать такими приемами не нужно. Необходимо лишь смириться в том отношении, чтобы знать, что при молитве с дыханием, или при внутреннем взоре, направленном к верхней части сердца, или при умственном, устремленном как бы внутрь себя произнесении слов молитвы у нас получится что-то не столько нашими усилиями, сколько действием благодати.

Желательно, конечно, все это делать под руководством. И обязательно нужно читать те книги святых отцов, в которых содержится подробное рассуждение об этом занятии. Что именно читать? Наверное, из трудов русских писателей самые лучшие, а если в нашем распоряжении нет произведений других отцов, то и вполне самодовлеющие и удовлетворительные, - это труды святителя Игнатия. Некоторые из них посвящены специально Иисусовой молитве. В первом томе его сочинений помещена статья "О молитве Иисусовой", во втором - "Слово о молитве Иисусовой". Во втором томе содержатся труды, в которых занятие молитвой Иисусовой, умным деланием излагается более отвлеченно, теоретически, и в то же самое время в них изображаются высшие степени духовного преуспевания. Это статьи "О поучении, или памяти Божией" и "О молитве умной, сердечной, душевной". Во втором томе есть также краткая статья "Странник", в которой описывается обильное действие Божественной благодати и где под видом странника изображен Дух Святой, как бы странствующий по миру и находящий приют в той или иной человеческой душе. Сейчас я не могу рассказывать об умном делании подробно, да, наверное, и незачем - лучше было бы вам прочитать об этом у самого святителя Игнатия и других аскетических писателей.

Мы не должны, однако, заниматься молитвой Иисусовой словно каким-то, простите за такое слово, спортом, то есть во что бы то ни стало стремиться к определенным результатам. Результат здесь - это как раз не умная или сердечная молитва, но овладение собой, приобретение прежде всего покаяния, обретение через молитву силы бороться с собственным грехом. Иначе говоря, результат, которого нужно искать, - исполнение заповедей. Хотя можно сказать, что и исполнение заповедей тоже средство, а конечная цель - спасение в вечности. Когда мы будем так серьезно смотреть на свою духовную жизнь и понимать, что она ведется не ради какого-то преуспевания, духовного развития и достижения каких-то духовных высот, но ради спасения в вечности, тогда наше отношение к молитве станет совсем другим. И для нас будет не так важно, устами ли мы молимся, или умом, или уже в сердце, а важен будет конечный результат - оказаться в Царствии Небесном, в Раю. До

той поры никто из нас не имеет права успокаиваться и считать, что он достиг какого-то уровня, и этим тщеславиться или впадать в самодовольство. Такой неправильный подход, то есть стремление стать кем-то или достигнуть определенного состояния, весьма опасен. В этом отношении все сочинения святителя Игнатия действуют чрезвычайно отрезвляюще. Мы молимся, постимся, совершаем все прочее и даже заповеди исполняем ради спасения в вечности. И когда мы так вот помышляем о своей духовной жизни, в особенности о молитве, тогда никакой, пусть и самый возвышенный, духовный, так сказать, результат не может привести нас к кичению, так как мы знаем, что это еще не все и цели мы пока не достигли. Повествуют о преподобном Макарии Великом. Когда душа его после смерти была возносима ангелами на Небеса, то демоны с мытарств кричали: "Макарий, ты ушел от нас!" А он отвечал: "Нет, я еще от вас не ушел". Так было несколько раз. И только когда преподобный Макарий одной ногой уже вступил в райские врата, тогда он сказал: "Вот теперь я ушел от вас". Таково было смирение великих преподобных мужей, и после смерти не надевавшихся на себя и на свои подвиги, не полагававшихся даже на благодать Божию, хотя она стала для них вторым естеством. Смирение сделалось их внутренней сущностью, поэтому они не могли кичиться, превозноситься даже тогда, когда для этого будто бы был весьма основательный повод. Авва Дорофей повествует о том, как некоторый философ-софист спрашивал у одного знаменитого подвижника - аввы Зосимы, что такое смирение. Тот отвечал: "Смирение - это значит считать себя хуже всех". Тогда софист говорит авве Зосиме: "Как же ты можешь считать себя хуже всех, если ты видишь, какой ты добродетельный? Ты ведь чудеса творишь". Зосима по простоте своей сказал ему: "Не смущай меня, я только знаю, что хуже всех, и все". Тогда авва Дорофей, присутствовавший там, попробовал объяснить софисту явление смирения. Он сказал: "Когда человек упражняется в смирении, оно становится его навыком. Подвижник, преуспевший в смирении, сделал его вторым естеством. Поэтому хотя бы он и не понимал, почему же он хуже других, и разумом своим, по рассуждению, осознавал, что должен быть лучше, но навык смиряться не позволяет ему превозноситься". Не важно, в каких словах святые отцы говорили о своем смирении, важно их душевное чувство, их естественное воззрение на самих себя.

При занятии Иисусовой молитвой - пусть это будет молитва устная, умная, а у некоторых, может быть, и сердечная - очень важно не уклоняться в две следующие крайности. Одна из них - чрезмерное спокойствие, когда человек молится без всякого усердия под предлогом того, что Господь все устроит и что все в руках Божиих, и потому человек этот никак не заставляет себя молиться со вниманием. Вторая крайность - это чрезмерное понуждение себя, когда мы не знаем меры и преувеличиваем значение собственного усердия. Трудно бывает нащупать для каждого отдельного человека и для самого себя "золотую середину", хотя теоретически это выразить просто. Притом состояние настоящего молитвенника за день многократно меняется, и для каждого человека индивидуально нужно отыскивать ту самую "золотую середину", как вообще, так и в каждом конкретном случае в течение дня: когда необходимо смириться и молиться устами, когда - понудить себя к внимательной молитве, когда следует примириться с обстоятельствами, мешающими молитве, а когда - их преодолеть. Здесь поневоле возникает множество ошибок, и их не может не быть у того человека, внутреннее состояние которого постоянно меняется. Таких перемен не знает тот, кто не усердствует в молитве. На этот счет преподобный Силуан

Афонский говорит, что молящийся по привычке никаких перемен в молитве не знает, а настоящий молитвенник переживает их во множестве.

Итак, в каждом отдельном случае нужно правильно сориентироваться. Конечно, лучше всего, когда есть опытный советчик. Прежде всего необходимо уяснить для себя следующее: в чем ты должен себя понудить, а в чем - терпеть свое состояние, в чем смириться, а в чем, наоборот, ревновать. Если, скажем, человек, только приступивший к устной молитве, при этой устной молитве понуждает себя умом войти в сердце и мечтает стяжать молитву сердечную, то, конечно же, он требует от себя вещи невозможной. (Для того чтобы объяснить свое рассуждение, я нарочно привожу примеры совершенно очевидные, простые, выпуклые, но на самом деле в жизни бывает трудно разобраться). Здесь ревность не уравновешивается смирением. А если человек, преуспевший в умной молитве, пренебрежет являющимся от нее вниманием под предлогом разных обстоятельств и начнет молиться устами, то он также потеряет благодать. В последнем примере смирение (я говорю образно, потому что настоящего смирения здесь нет) перевешивает ревность. Это тоже неправильно, и я с такими случаями сталкивался: когда человек под предлогом смирения считает, что он не должен сосредоточиваться и что раз у него в какой-то момент и по какой-то, может быть мимолетной, пустяковой, причине не получилось молиться умом, то, значит, ему и вовсе так молиться не надо. И он теряет благодать. Есть две вещи, которые нужно для себя определить. Во-первых, в каком вообще ты находишься состоянии, к чему ты имеешь право и должен себя понуждать, а в чем - терпеть свою немощь. Во-вторых, определять ежедневно или, может быть, по нескольку раз в день, где нужно себя заставлять, а где смиряться. Например, если человек, работающий у станка, пилорамы, углубится в сердечную молитву, то он себя покалечит. Другой пример: если послушница, несущая послушание на кухне, также начнет углубляться в Иисусову молитву, то, в лучшем случае, она не сварит обед или ужин к назначенному времени и все сестры из-за нее будут голодными, а в худшем - вообще ничего не приготовит, только испортит продукты. Значит, нужно знать, когда необходимо смириться перед обстоятельствами и несколько отступить от того, что для тебя стало уже привычным и является твоим достижением, твоей принадлежностью. В принципе так ты можешь помолиться, имеешь такую возможность и у тебя уже есть на то благодать и соответствующий опыт, но в данной ситуации надо смириться. Некоторые этого не понимают и хотят пребывать в созерцании с утра до вечера и с вечера до утра. Если такую позицию довести до крайности, то дело может окончиться просто сумасшествием. Человек, где бы он ни находился - в монастыре или в миру, - должен трудиться, зарабатывать себе на хлеб, и в этом также выражается смирение. Нужно подкреплять себя пищей, для того чтобы быть способным и к трудам, в том числе духовным, и к самой молитве. Необходимо давать себе время на отдых, на сон, потому что плоть и ум человека нуждаются в этом. Если мы будем понуждать себя к самой внимательной, напряженной молитве на протяжении целого дня, то это окончится только головной болью, а можно и повредиться умом. Во всем нужна мера, надо знать, кто к чему способен. Поэтому наши обстоятельства промыслительно устраиваются таким образом, чтобы мы смирились и всегда имели как бы "духовный аппетит". Здоровый человек постоянно чувствует голод, и сколько бы раз его за стол не посадили, он с удовольствием поест. Но попробуйте действительно дать ему возможность есть всегда, как только он захочет, - он может в конце концов заболеть. Известно, что от

объединения, пресыщения бывает много разных болезней. Так же и в духовной жизни. Промысел Божий устраивает так, что мы постоянно имеем жажду к молитве, но не всякий раз можем ее удовлетворить, и это хорошее состояние. Предположим, что нам вдруг представилась возможность молиться всегда и мы ею воспользовались (что на самом деле едва ли у нас получилось бы). Это завершилось бы пресыщением, унынием, в лучшем случае, а в худшем - даже расстройством рассудка. Если же мы во время правила или богослужения, когда нужно прилежать именно к молитве, будем себе снисходить, жалеть себя и "смиряться", не будем понуждать себя с достаточной силой, то здесь уже мнимое смирение станет преобладать над ревностью и мы, конечно же, не будем преуспевать. Есть обстоятельства, которые можно и преодолеть, но перед некоторыми надо смиряться. Например, желательно умалить, так сказать, в известной степени общение с теми людьми, которые мешают нам вести духовную жизнь, избегать их. Но, с другой стороны, не от всякого общения мы можем себя оградить. Мы вынуждены общаться с людьми, допустим, на работе или в монастыре на послушании, и здесь необходимо терпение. Итак, нужно всегда нащупывать "золотую середину", чтобы не уклониться ни в неразумную ревность, ни в мнимое смирение. Понуждать себя надо, но понуждать к тому, что действительно возможно. Если я, будучи новоначальным, начну заставлять себя молиться совершенно нерассеянно, без всяких помыслов, то у меня все равно ничего не выйдет. Или если я, будучи человеком едва пришедшим в Церковь, стану понуждать себя к тому, чтобы ни в чем никогда не согрешать, то у меня ничего не получится и я буду только унывать, оттого что постоянно падаю. Но в то же самое время совсем ни к чему себя не понуждать, не стараться совершать движение от худшего к лучшему, от меньшего к большему также неразумно. Сидеть, как говорится, и ждать у моря погоды нельзя, нужно найти ту степень, в которой мы находимся, и стремиться перейти на высшую. Не перескакивать через ступеньку, но взойти именно на следующую. Бывают иногда такие ситуации - как в молитве, так по временам и в других добродетелях, - когда благодать Божия "подхватывает" человека и как на крыльях возносит его на самую вершину лестницы, в некоторых же случаях переносит через несколько ступеней. Но это исключение, а не правило, и рассчитывать на это нельзя. Кто рассчитывает на такое исключение, тот уже поддался гордости.

При понуждении себя к молитве мы допускаем вот какую; ошибку: преуспеяние заранее делаем для себя невозможным. Причина тому в следующем нашем рассуждении: "Ну куда нам? Мы люди грешные, обыкновенные, мы не избранники Божии. Куда нам благодать Божия: мы грешники". И мы даже ни к чему особенно не стремимся, заранее ставим на себе крест. Такое отношение происходит совсем не от смирения, но это не что иное, как теплохладность. Если бы мы хотели сразу перейти в какое-, то возвышенное состояние, то здесь действительно была бы гордость. Но если мы желаем быть немножко лучше и заставляем себя, то это не гордость, а именно та ревность, без которой невозможно не только преуспеяние, но даже спасение. Хоть и реже, но все-таки бывает у некоторых такая неразумная ревность, когда человек хочет сразу чего-то достигнуть или стремится стать таким, как Макарий Великий, или Антоний Великий, или Амвросий Оптинский. Здесь, конечно же, присутствует гордость. Вывод отсюда таков: мы должны двигаться, преуспевать, понуждать себя, но глядеть только на одну ступеньку вверх - не на самый верх лестницы, - чтобы не споткнуться о следующую ступеньку и не упасть. Должны смотреть под ноги, но

идти. Обычно бывает так: человек много мечтающий вообще ничего не делает. Он читает те книги (что характерно для подобных людей), в которых рассказывается о самых высоких духовных состояниях, или жития святых, или творения таких подвижников, как Макарий Великий, Исаак Сирийский или Симеон Новый Богослов, описывающие возвышеннейшее духовное состояние, доступное для немногих. И человек живет мечтаниями обо всем этом, на самом же деле ничего не делает. Он спит, а ему снится, что бежит, - вот что с ним происходит. Именно этот пример приводят святые отцы во обличение такой неразумной ревности. Настоящий же, истинный подвижник делает скромные шаги, возможно маленькие, но неуклонные. Если он иногда и споткнется или оступится, то не унывает от этого, а встает, оправляется и вновь идет вперед. И он постепенно, постепенно продвигается. Может быть, у этого человека есть даже какие-то недостатки: чего-то он не дочитывает, не доделывает, но все же он хотя немного движется. А если бы он делал все правильно, то двигался бы вперед неуклонно и быстро.

В связи с этим, конечно же, большое значение приобретает такая добродетель, как рассуждение. В наше время, по причине оскудения духовных наставников, очень полезно и нужно много читать святых отцов, а именно тех, которые учат добродетельной жизни. Разумеется, необходимо читать и догматических писателей, но более - нравственных и аскетических, потому что этим мы живем. И постепенно у нас создается представление о некоторой системе, перед нами изобразится лестница духовная, но не обязательно в буквальном смысле, наподобие того как преподобный Иоанн Лествичник свое произведение построил в виде лестницы из тридцати ступенек. Я имею в виду систематичность, постепенность перехода от одного духовного состояния к другому, как в отдельных добродетелях, так и во всей нашей жизни.

Это было общее рассуждение, но хочу вернуться к молитве, поскольку о ней я говорил более всего. Когда мы понуждаем себя ко вниманию, то должны знать, к чему мы способны. В чем состоит понуждение? (Приходится разбирать и такие элементарные вещи). Оно состоит в том, что человек заставляет себя что-то делать, то есть делает что-то через силу. Если же человек молится с легкостью, пусть даже очень внимательно, то, значит, понуждения у него нет. По какой причине? Либо он имеет такое обилие благодати, что уже собою не руководит, - но это исключительный случай, высочайшее духовное состояние восхищения ума, про которое нам, наверное, и говорить рано, - либо по той причине, что он свыкся со своим теперешним, может быть даже и благодатным в какой-то степени, состоянием. В последнем случае человек преуспевать не будет. Более того, по словам Спасителя, "кто не приобретает со Мною, тот расточает" (Мф.12:30; Лк.11:23). Если мы не развиваемся, не приобретаем все больше и больше благодати, то, стало быть, мы тут же начинаем ее терять. Поэтому привычное нам благодатное состояние мы должны в себе, так сказать, развивать, понуждать себя к несколько большему. В этом, собственно, и заключается понуждение - заставлять себя, прикладывая некоторое усилие. Конечно, имеется в виду усилие духовное, или, если говорить не так абстрактно, а более конкретно, усилие ко вниманию. Именно оно должно быть. И правильное совершение молитвы состоит в том, чтобы человек, понуждая себя, в течение всего правила постепенно, постепенно внимание свое усугублял. Тогда молитва будет становиться все более и более чистой, чуждой всяких посторонних помыслов, собственно внимательной. Это необходимо как во всех

добродетелях, так, в особенности, и в молитве. Потому что она, по словам святителя Игнатия, является такой добродетелью, которая умерщвляет ветхого человека. Понуждая себя к молитве, мы подавляем и уничтожаем имеющиеся в нас страсти и греховные навыки. В нас живут как бы два человека: один из них - христианин, человек духовный, а другой - человек греховный, или ветхий, и для последнего, ставшего нашим вторым естеством, молитва является смертью, уничтожением. Поэтому часто во время молитвы мы чувствуем какой-то протест, нам скучно, неинтересно, иногда отвратительно молиться, и мы вынуждены себя заставлять. Предельно легкой, беспрепятственной молитвы достигают только те люди, которые почти до конца очистили себя от греха. Совершенно чистых от греха людей на земле быть не может, а полные легкость и свобода в молитве бывают лишь у подвижников высоко преуспевших, и притом не всегда, но в исключительных случаях, когда особенно обильно действует благодать Святого Духа. Тогда Дух восхищает их и показывает им неизреченное откровение. И все же всякий, даже очень чистый, человек хотя несколько, но должен себя понуждать, и нам необходимо иметь это в виду. Некоторые думают: "Мне не хочется молиться, так и не буду. Нет у меня настроения - и не буду себя заставлять, а когда появится, тогда я искренно помолюсь". Но это просто наивность. На самом деле понуждение не имеет ничего общего с лицемерием, притворством. Притворство - это одно, а понуждение - другое. Первое совершается ради людей, а второе - ради самого себя и собственной совести. Хорошо было бы нам научиться разумной ревности и понуждению, стоящему между неразумным усердием и мнимым, ложным смирением, тому понуждению, которое не имеет ничего общего с притворством. И тогда каждый, определив и познав свою меру, мог бы правильно двигаться вперед, начиная с этой ясно осознанной степени собственного преуспевания или, наоборот, развращенности - неважно. Без осознания своей меры совершать такое движение невозможно. И не нужно думать, что ощущение греховности противоречит сознанию личного преуспевания в том или ином отношении. Одно другому не мешает. Некоторым же кажется, что если они искренне считают себя грешниками (это, безусловно, хорошо), то уже не могут трезво о себе думать. Если же они здраво себя оценивают и видят в себе некоторое преуспевание, то считают это гордостью. Наше преуспевание - не от нас, оно не наше, но дар Божий. Пока мы не осознаем своего преуспевания, мы не будем знать, что нужно делать дальше. Конечно, здесь есть опасность впасть в гордость, но, как говорится, волков бояться - в лес не ходить. Когда мы твердим только, что мы грешники и в нас вообще ничего хорошего нет, то, значит, мы добровольно ставим себя на степень самых новоначальных и отказываемся от всякого развития и внутреннего изменения.

В сегодняшней беседе я говорил о том, что во время молитвы нам нужно помнить, что конечной целью является спасение в вечности. Иначе наша молитва может превратиться в некоторую игру, как бы в спорт, и мы будем подвизаться лишь ради того, чтобы добиться каких-то духовных результатов, поставить "духовные рекорды". Вот чего нужно очень бояться. Надо помнить о смерти и ею все, так сказать, осенять. Но об этом, я думаю, мы поговорим особо.

На любой своей стадии молитва Иисусова - устная ли, умная ли, сердечная ли, а есть и более высокие степени преуспевания, - является оружием. Преподобный Василий Поляномерульский говорит, что существуют две причины, движущие молитву и заставляющие нас молиться: борьба с греховными помыслами и память смертная. Когда нас

начинают смущать те или иные помыслы, тогда мы поневоле молимся, восстаем против них молитвой и противимся им. Когда же у нас все хорошо, то возникает опасность впасть в беспечность, и здесь необходимо помнить о смерти и побуждать себя к покаянию. Я как раз и хочу предостеречь от впадения в беспечность в той ситуации, когда у человека нет сильной борьбы с греховными помыслами, а сравнительно ничтожные, мелкие прегрешения остаются незамеченными. И оттого что у него нет нужды напрягать себя ради борьбы с грехом, молитва его ослабевает и становится вялой, спокойной. Этого нужно бояться и в таком случае особенно понуждать себя к памяти смертной. Собственно, и в борьбе с греховными помыслами, даже сильно одолевающими, смущающими нас, полезно соединять молитву Иисусову с памятью смертной, как советует преподобный Иоанн Лествичник. Но делать это не так, чтобы размышлять о смертном часе, вспоминать какие-то вещи, касающиеся собственно смерти или загробной жизни, и рассматривать все это в своем уме, а так, чтобы память именно того, что мы умрем, безвидно, безобразно соединить с молитвой Иисусовой. Тогда молитва Иисусова будет гораздо более сильным и серьезным оружием против всех греховных помыслов. И против блудной страсти, и против гнева, и против тщеславия, и против гордости, и против уныния - против всякого вида греха. Но о памяти смертной в связи с молитвой Иисусовой мы поговорим, наверно, в следующий раз - посвятим этому особую беседу.

Вопрос. В контексте сказанного, как мог преуспеть тот схимонах, от которого сначала ушла отроковица-молитва?

Ответ. Преуспеяние выражается не только в молитве, но прежде всего - в исполнении заповедей. И если рассмотреть заповедь с внутренней стороны, то есть уяснить себе, что необходимо человеку, чтобы ее исполнить, то можно назвать ее добродетелью. Потому преуспеяние в исполнении заповедей, или в добродетелях, и было, собственно, преуспеянием этого подвижника и привело его к тому, что перед кончиной своей он сподобился благодатной непрестанной молитвы и такого обильного действия благодати.

Вопрос. Расскажите о "видениях" во время умной молитвы. Как с ними бороться?

Ответ. Святые отцы предостерегают, что во время молитвы Иисусовой могут возникать разные ложные видения. Можно увидеть как будто бы лик Господа, или икону Спасителя, Божией Матери, или Ангела, или святого и так далее. Иногда является свет, но это не в любом случае свет бесовский. Существуют определенные признаки, по которым отличают истинное светолитие или светоявление от ложного. Самый главный признак - твоя собственная мера, твое духовное преуспеяние. Если я только приступил к молитвенному подвигу и во время молитвы мне явился свет, то это весьма и весьма подозрительно. Как бороться с такими видениями? Просто пренебрегать ими, не придавать им никакого значения, углубляться в молитву и притом искать одного только внимания, ревновать о нем. Все, что не от Бога, конечно же, вниманию будет препятствовать, и, наоборот, внимание при молитве будет уничтожать ложные видения. Здесь ничего особенного нет, такое бывает часто. Нужно просто вести себя разумно. Иногда не только в уме, но даже перед глазами возникают какие-то видения: вспышки света или что-то другое, - не следует придавать этому никакого значения. Порой изображается нечто устрашающее или прельщающее - надо осенить себя крестным знаменем и продолжать молиться. Не всегда такая прелесть появляется из-за гордости; иногда дьявол, пользуясь нашей неопытностью, просто пытается

отвлечь нас от молитвы. Однако бывает, что и весьма опытные, высоко преуспевшие подвижники подвергаются опасности впасть в прелесть. Например, преподобному старцу Силуану Афонскому было такое видение. Внезапно перед ним открылся купол храма, с разверзшихся небес стал изливаться свет, и он услышал пророка Давида, поющего псалмы. Преподобный Силуан долго не мог понять, от Бога ли было видение или это прелесть. Даже многие опытные, но не испытывавшие чего-либо подобного духовники ничего не могли ему объяснить. По умножению бесовских искушений и по некоторым другим признакам он сам постепенно понял, что это была прелесть. Если человек впадает в прелесть по неопытности, то Бог его не осуждает. Один знаменитый подвижник - Симеон Столпник подвергся тяжкому искушению. Ему явился демон, принявший вид ангела, на огненной колеснице и сказал: "Ты достоин уже быть восхищенным на небеса". Действительно, подвиги преподобного Симеона были вышеестественными. На протяжении многих десятков лет он стоял на башне под открытым небом, день и ночь молился, клал тысячи поклонов, пищу вкушал раз в неделю, а в Великий пост сорок дней ничего не ел и даже не пил. Конечно же, у него могла возникнуть мысль о том, что он представляет из себя нечто исключительное. Дьявол воспользовался этим и хотел его прельстить. Преподобный Симеон уже занес одну ногу, чтобы вступить на колесницу, но - перекрестился. Это крестное знамение его и спасло - видение исчезло. В наказание он заставил себя целый год стоять на одной ноге, на той самой, которую он занес, чтобы вступить на колесницу. Разумеется, подражать Симеону Столпнику мы не можем. Я просто хотел сказать, что даже опытных подвижников демоны пытаются прельстить. Чем святой Симеон оградил себя, чем спасся? - Крестным знамением.

Почему-то среди некоторых людей бытует мнение, что демон будто бы не может принять вид Божией Матери. Мнение это неосновательное, неправильное, хотя в книге "Серафимо-Дивеевская летопись" и рассказывается о том, якобы некоторые старцы рассудили, что дьявол не может принять вид Богоматери, так как Она - язва для демонов. Но если Божия Матерь для них язва, то не тем более ли Сам Господь Иисус Христос? Однако же дьявол может принять Его облик и принимает. Поэтому сатана может, конечно, явиться и в виде Божией Матери, о чем говорит святитель Игнатий. В книге Нила Мироточивого "Посмертные вещания" есть повествование о том, как прельстился один подвижник. Сначала демоны явились ему в виде двух архангелов, а потом привели с собой еще одного беса, принявшего облик Божией Матери. Бес этот, правда, сначала сделал оговорку: "Не называй меня Царицей Неба, потому что по смирению своему я хочу, чтоб меня называли только царицей земли", а потом сказал подвижнику, что за свои подвиги тот достоин сесть на ее троне. И бес уступил свой трон. Тот сел на него, демоны подняли прельстившегося высоко над землею и бросили. Упав с большой высоты, он разбился насмерть. Так бесславно человек погиб - и душевно, и телесно. Поэтому не нужно думать, что духи злобы почему-то не способны принимать вид Божией Матери. Нам необходимо быть весьма осторожными. Еще бытует такое мнение (его даже высказывает один очень авторитетный подвижник - Варсануфий Великий), что демоны не могут изобразить креста, но это также неправильно. Случается, что они прельщают и изображением креста, возможно оттого, что со времен Варсануфия Великого люди изменились, стали гораздо более горделивыми, или по какой-то другой причине. Нам нужно быть чрезвычайно, чрезвычайно осторожными. Потому я и говорю, что при молитве следует искать только внимания. Даже само покаяние признаком

своим имеет внимание при молитве. Покаяние без внимания является, может быть, просто чувственным, а не духовным.

Вопрос. Почему любая другая краткая молитва произносится в уме легко, а Иисусова молитва - с трудом?

Ответ. Мне кажется, что если бы мы поставили перед собою цель чрезвычайно внимательно молиться какой бы то ни было краткой молитвой, например Божией Матери ("Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя, грешнаго") или праведному Симеону Верхотурскому ("Святой праведный Симеоне, моли Бога о мне, грешном"), то при таком понуждении было бы трудно произносить в уме и ее. Но поскольку при этих кратких молитвах мы не понуждаем себя ко вниманию с особенной силой и, произнося их, более смотрим на внешнюю сторону, а не на внимание, то нам кажется, что молиться ими легче. Слова Иисусовой молитвы стали для нас привычными, и мы не рассуждаем, так сказать, о смысле самого молитвословия, а сразу устремляемся ко вниманию. К молитве Иисусовой мы прибегаем всегда, в любых ситуациях, а к кратким молитвам, обращенным к каким-либо угодникам Божиим или к Божией Матери, - в основном, лишь в каких-то особенных случаях. Например, мы молимся святителю Николаю по причине случившейся нужды, из-за чего к молитве присоединяется некоторое постороннее чувство, и мы отвлекаемся, хотя и не видим своей рассеянности. Именно поэтому, как мне кажется, у нас создается впечатление, что краткой молитвой, не Иисусовой, молиться легко.

Вопрос. Бывает, что во время устной молитвы находят такие яркие, сильные помыслы, воспоминания, что они стоят перед глазами и не уходят, хотя при этом с усилием пытаюсь читать молитву. Что делать?

Ответ. Я думаю, что дело тут не только в устной молитве. Вообще, когда человек приступает к молитве, то ей и наше падшее естество, ветхий наш человек, противится, и демоны также нас искушают и возбуждают в нас страсти с чрезвычайной силой. Поэтому и находят такие яркие, сильные помыслы, что они стоят перед глазами и не удаляются. Здесь нужно терпение, надо просто понуждать себя к вниманию и терпеть. Рано или поздно это явление начнет уменьшаться, а потом и пройдет. Вряд ли можно ожидать, чтобы сразу, если ты новоначальный, все это исчезло, "испарилось". Кроме того, нужно отличать состояние новоначального от состояния преуспевшего. Если ты из-за лени, из-за ложного смирения пренебрегаешь умной, умственной, молитвой, как я говорил, и молишься молитвой устной, то, значит, ты сам добровольно выбрал меньшую степень внимания, вознерадел о нем, и потому у тебя появились такие помыслы. Если же ты еще не знаешь этого состояния, если ты только приступил к молитвенному подвигу и для тебя существует лишь устная молитва (собственно, вопрос так построен, что я не совсем понимаю, о чем спрашивается), то здесь необходимо, повторю, терпение и усердие. Постепенно, постепенно все это начнет ослабевать. Это первое самое обычное искушение, которое бывает у людей, приступивших к занятию молитвой Иисусовой.

Часть 4. О памяти смертной

Сегодня мы побеседуем о памяти смертной. Тема очень обширная, и даже если каждое воскресенье в течение целого года мы говорили бы на эту тему, то все равно не смогли бы в беседах исчерпать весь объем сведений, к ней относящихся. Поэтому наши беседы носят характер, с одной стороны, схематический, то есть они очерчивают основы духовной жизни, с другой стороны, касаются некоторых моментов, связанных с проведением духовной жизни именно в наше время. И возможно, как раз это есть самое интересное в наших беседах, потому что обо всем остальном можно было бы с большей пользой, я думаю, прочитать у святых отцов.

Святые отцы говорят, что память смертная - это та добродетель, которая необходима нам, как хлеб. Но что понимать под этой добродетелью? В чем она заключается? В наше время очень многие, как мне кажется, в основном неопытные, христиане рассуждают о кончине мира, о том, что касается Апокалипсиса; о пришествии антихриста, о грядущих бедствиях и, в конечном счете, о Страшном Суде. При этом они позволяют себе высказывать весьма произвольные мнения - иногда свои, иногда людей, не имеющих в данном отношении совершенно никакого авторитета. Конечно, древние христиане, как мы знаем из Священного Писания, в особенности из посланий апостола Павла, размышляли о грядущей кончине мира. Но апостол Павел предостерегал их, чтобы они не думали, что день этот уже наступает. В то же самое время в Священном Писании говорится о том, что истинный христианин жаждет дня пришествия в мир Христа. Как же совместить эти две вещи: во-первых, благоразумное отношение к размышлению об этом неизвестно когда последующем событии, во-вторых, необходимость все же о нем думать? Как раз память смертная является той добродетелью, которая; заменяет нам бесплодные и иногда опасные рассуждения о кончине мира. Когда человек думает, помнит о смерти, он тем самым мобилизуется, заставляет себя к ней готовиться и гораздо более внимательно относится к своей жизни, чем бы он ни занимался, какой бы образ жизни ни вел. Так он готовит себя не только к частному суду, бывающему над всяким христианином по разлучении души его с телом, но и к Суду всеобщему. Таким образом, человек, упражняющийся в этой великой добродетели - памяти смертной, по-настоящему, действительно готов к Страшному Суду, и он не нуждается в том, чтобы специально о нем думать, для него это не является обязательным. Я думаю, что учение о добродетели памяти смертной, в оформленном, разработанном виде, изложено святыми отцами в связи с тем, что они вынуждены были, как и всякий истинный христианин, применять к жизни Священное Писание. И они выработали именно такой безопасный подход к размышлению о будущей участи человека, как память смертная. Этот подход был противопоставлен ненужным, опасным размышлениям о кончине мира.

Многие святые отцы с разной степенью подробности писали о памяти смертной, и о ней можно было бы говорить очень много. Но сейчас я не буду подробнейшим образом пересказывать все, что было написано отцами, а поведу речь о таком виде памяти смертной, который, мне кажется, естественно сочетается с молитвой, поскольку другие я считаю даже не совсем безопасными для нас. Некоторые подвижники размышляли о смерти особо. Есть такой вид духовной деятельности, называемый богомыслие, одним из предметов которого является размышление о смерти. И они представляли себе, как они будут умирать, что будет

после смерти, прохождение мытарств, вечные адские мучения. Они размышляли об этом весьма детально, с этой целью посещали погребения, кладбища, гробницы и таким образом пытались привить себе добродетель памяти смертной. К памяти смертной можно отнести даже размышления о вечных небесных благах, блаженстве, поскольку и это все также имеет отношение к загробной жизни и тоже мобилизует человека. Иногда нужно бывает смирить себя страхом вечных мучений, а иногда - приободриться воспоминанием той награды, которая ждет православного христианина за добродетельную жизнь. Но все эти виды богомыслия, размышления о смерти, представляют для нас, неопытных христиан, некоторую опасность, потому что здесь можно чрезмерно развить в себе мечтательность, воображение. Надо сказать, что сердце человеческое от отсутствия благодати бывает подчас настолько окаменелым, что даже пребывание среди праха умерших, при гробах оставляет человека бесчувственным. Может получиться так, что человек приучит себя мечтать на эту тему, будет представлять себе всевозможные образы: и трупы, и смерть, и муки, и демонов и прочее и прочее, но при этом сердце его останется бесчувственным, каменным. Поэтому лучше и благоразумнее всего было бы соединять память смертную с молитвой Иисусовой, как говорит преподобный Иоанн Лествичник. У него есть такое замечательное изречение: "Иные прославляют больше память Иисусову, иные - память смертную, я же прославляю два естества в одном лице". Иоанн Лествичник обращается к сложному образу. Два естества в одном Лице были в Господе Иисусе Христе. В литературе такой прием называется аллюзия, то есть отсылка к первоисточнику, намек на первоисточник. Здесь отсылкой к богословскому, догматическому пониманию воплощения Сына Божия намекается на то, что как в Господе Иисусе Христе человеческое и Божеское естества были соединены в одном Лице, в одной Ипостаси, так же и добродетель молитвы должна быть соединена с памятью смертной. Память смертная касается земного бытия человека, земного плана его существования, правильнее сказать - телесного, а молитва - духовного. Но вместе они действуют как одна добродетель. И когда нам удастся соединить их, удастся творить молитву Иисусову в соединении с памятью смертной, тогда действительно появятся обильные плоды, и такое делание будет безопасным. Если не ошибаюсь, в книге "Откровенные рассказы странника" имеется следующий эпизод: странник обнаружил одного подвижника, жившего необычайно строго. Человек этот был мирянином, не имел монашеского пострига, но подвизался в очень суровых условиях. Жил в землянке, питался необыкновенно скудной пищей: сухарями, какими-то дикими растениями - и постоянно размышлял о вечных адских муках. Когда-то он был тяжким грешником, но потом Господь призвал его к покаянию и он удалился от людей и пребывал в таком подвиге. Несмотря на размышления о вечных муках, он, тем не менее, поддавался всевозможным греховным помыслам - даже скверным и блудным. Хотя страхом вечных мук он удерживался от совершения греха на деле, но очистить свою душу, свой ум и вообще хоть как-то справиться с собой он не мог. Причина тому - отсутствие малейшего понятия об Иисусовой молитве, иначе говоря, об умном делании. Из этого примера мы видим, что память смертная в чистом виде может предохранить человека, в лучшем случае, только от тяжких грехов. А когда мы присоединяем ее к Иисусовой молитве, тогда и молитва приобретает необыкновенную силу и искренность, и память смертная в Иисусовой молитве становится безвредной, делается хотя и безвидной, но очень действенной. Что значит "безвидной"? Говоря о том виде памяти смертной, когда

человек предается всевозможным размышлениям, то есть о памяти смертной как о разновидности богомыслия, я сказал, что от этого может развиваться мечтательность. Здесь же, при соединении с Иисусовой молитвой, память смертная присутствует безвидно, как бы некое чувство, не имеющее даже какого-то конкретного выражения. Тут нет представлений о гробе, или о разлагающемся теле, или о мытарствах, или о вечных муках и тому подобном - все это отвлекает от молитвы. Само же чувство вечности, само предчувствие того, что ты когда-нибудь перейдешь в вечность, переступишь порог этой жизни, - оно действует в молитве Иисусовой. И мы должны, с одной стороны, себя к этому понуждать, развивать в себе такое воспоминание смерти, с другой стороны, понимать, что на самом деле в полной мере оно приходит к человеку именно от молитвы Иисусовой, от Господа - не столько от собственных усилий, сколько от действия благодати Христовой, благодати Божественной. Конечно, иногда, взирая на погребение, или на кладбище, или на гробы и тому подобное, мы можем в себе память смертную несколько оживить. Но это только вспомогательное средство. В прошлой беседе я, кажется, приводил пример, как люди, работающие на кладбище (гробокопатели, сторожа), а также изготовители памятников, работники морга и прочие даже впадают в цинизм. И то, что они каждый день помногу раз видят перед собой человеческую смерть, отнюдь не побуждает их к размышлению о вечности, потому что если нет благодати, как я говорил, то и само это постоянное пребывание среди предметов, напоминающих о смерти, ничего не даст. Человек может относиться к смерти цинично: есть и палачи, и убийцы, есть и солдаты, воины, которые во время войны привыкают даже к гибели своих близких друзей - человек как-то ко всему приспособливается. И есть подвижники. Вероятно, иногда подвижнику и приходится видеть смерть, когда в монастыре умирает кто-то из братьев, а возможно, он долгое время вообще не видит ни людей, ни смерти человеческой, но весь погружен в память смертную. Поэтому дело не в том, чтобы ты пребывал среди предметов, напоминающих смерть, а в том, чтобы у тебя душа была настроена определенным образом. И это как раз доказывает, что без молитвы Иисусовой или память смертная окажется чем-то формальным, просто мечтанием о смерти и даже прелестью (как это было, скажем, у знаменитого основателя ордена иезуитов, человека, пребывавшего в глубокой прелести, Игнатия Лойолы), или память смертную мы вообще не приобретем. Как бы мы ни старались, как бы ни ходили на кладбища, хотя бы и каждый день, наши усилия будут напрасны. Я приведу пример, возможно, неуместный, несколько смешной. Есть у Высоцкого одна песня, - наверно, вы помните, как он поет, что на кладбище все "спокойненько", там, мол, выпивать хорошо. Вот такой страшный цинизм. Человек говорит о кладбище, но для него это смешно. Конечно, это может быть и смешным, пока сам на кладбище не попадешь. Поэтому не всякое размышление о смерти есть собственно память смертная.

Под памятью смертной подразумевается не столько воспоминание самой смерти, сколько чувство того, что будет после нее. Не потому мы боимся смерти, что она является для нас гибелью, исчезновением, а потому, что для нас страшно, ужасно то, что за ней последует - будущая загробная и, как это ни странно звучит, посмертная жизнь. Вот в чем отличие собственно добродетели памяти смертной от обычных размышлений о смерти и даже страха смерти. Мы думаем о смерти, вспоминаем о ней потому, что для нас она - порог, дверь, за которой перед нами открывается некая совершенно новая, страшная, ужасная

область. Ужасная как по причине того, что жизнь загробная в целом непостижима и странна для нас, так и по той причине, что мы не знаем, какая участь нас ждет. Не знаем не в том смысле, что нам неизвестно происходящее с человеком после смерти, и нас пугает не неизвестность вообще: это значило бы, что мы не имеем определенной веры и совсем не знаем участи человека за гробом. Но устрашает нас именно наша собственная судьба, что именно меня ждет: вечное блаженство или вечная мука. Поэтому правильнее было бы говорить не о памяти смерти, а о памяти вечности. И для того чтобы воспоминание о самом факте смерти действовало на нас таким образом, необходимо, конечно, иметь веру. Чем больше, чем тверже вера, тем сильнее становится в человеке память смертная, по той причине, что он верит в вечность, в загробную жизнь, в бессмертие души. В связи с этим воспоминание факта смерти как бы открывает ему дверь в размышление о вечности, о своей вечной участи. Отсюда делаем следующий вывод: память смертная может увеличиваться, усиливаться у человека тогда, когда у него усиливается вера. Чем глубже вера, тем, естественно, больше человек верит в вечность, в бессмертие души и тем больше начинает бояться смерти не как смерти, а как суда над своей бессмертной душой. Отчего эта вера может в человеке усугубляться? Если демон неверия изгоняется постом и молитвой, по слову Самого Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа (см. Мф.17:21), то, значит, вера укрепляется также постом и молитвой. И поэтому я говорю, что настоящая память смерти, истинная, глубокая, безопасная, проистекает из молитвы. Поскольку человек в настоящей, внимательной, искренней молитве умом соприкасается с вечностью, то от этого ощущения у него не может не возникнуть память смертная. Есть, правда, и другие источники укрепления веры, а потому и углубления, усиления в человеке памяти смертной. Это чтение Священного Писания, в особенности Евангелия. Как ни странно это может показаться с первого взгляда, но добродетель памяти смертной очень усиливается от внимательного и обильного чтения Евангелия. Поскольку ничто не может даровать душе человека веру в такой степени, как Евангелие, постольку именно от чтения его и возникает память смертная.

Память смертная усиливается, развивается в человеке, во-первых, от молитвы, во-вторых, от чтения Евангелия, в-третьих, от чтения святых отцов. Даже если отцы и не касаются непосредственно вопроса добродетели памяти смертной, тем не менее, поскольку чтение их писаний обращает умственный взор человека на самого себя, то заставляет его думать и о душе, и о ее бессмертии и таким образом приводит его к памяти смертной. Но в основном бывает это от Иисусовой молитвы. Само Евангелие не будет вызывать в христианине должных чувств и останется для него мертвым, также и святоотеческие писания останутся для него мертвыми, если от действия благодати, проистекающей от молитвы Иисусовой, душа в нем не начнет как бы оживать, не начнет воспринимать все с чувством. Действительно, почти все люди, в том числе даже многие и многие православные христиане, часто бывают боримы страстью сердечного окаменения, окамененного нечувствия. Для того чтобы эту страсть преодолеть, уничтожить в себе, необходима именно усиленная молитва, необходимо, в особенности, действие Божественной благодати. И по мере того как окамененное нечувствие проходит, в человеке появляются страх Божий, страх смерти и покаяние. Это бывает неожиданно. Как бы много человек об этом ни читал или, может быть, слышал от своих духовных наставников, но это всегда происходит внезапно. Соприкосновение с духовным миром для любого человека бывает неожиданным потому, что

теоретическое представление о нем у нас одно и совсем иначе мы его воспринимаем, когда сами с ним сталкиваемся.

Чаще при молитве, а иногда и при чтении Евангелия пронзает чувство вечности, - можно сказать, пронзает чувство, что все, во что мы верим и о чем мы читали, - реальность. От этого на человека нападает страх. Потом ощущения эти постепенно развиваются (но могут, конечно, и угаснуть, если мы будем неправильно себя вести), и тогда на нас начинает действовать размышление о смерти или любой вид воспоминания о ней. Вспоминаем ли мы о том, что умерли некоторые из наших родственников, друзей, или о смерти вообще, или о конкретном случае чьей-то кончины, или то, что пишут о смерти святые отцы, или описания каких-нибудь откровений, например о мытарствах. А до появления этих ощущений мы бываем совершенно безразличны и бесчувственны, потому что память смерти (собственно, даже не память смерти, поскольку это определенный термин, подразумевающий целый, так сказать, комплекс духовных ощущений и явлений), правильнее сказать, воспоминание о смерти - в точном, буквальном смысле - тогда приносит пользу, когда мы в своем внутреннем духовном опыте уже столкнулись с вечностью, когда мы уже почувствовали, что наша душа бессмертна, что наша жизнь не окончится, что есть нечто безграничное, непостижимое и в то же самое время не менее реальное, чем та жизнь, которая нас окружает (а, может быть, в иные моменты, когда мы углубимся в чтение Евангелия или в молитву, нам это кажется даже более реальным, чем наша телесная жизнь). Тогда напоминание о том, что существует смерть, обращает наш взор на вечность, собственно, заставляет нас подумать о вечности и, в связи с этим, о Страшном Суде, о будущей жизни, о воскресении из мертвых и прочем. Только тогда все это начинает действовать. Потому я и говорю, что без молитвы размышление о смерти может оказаться пустым мечтанием. Человек - такое лукавое существо, такое живучее, так сказать, наподобие крысы, выживающее везде и приспособляющееся ко всему, что он и здесь найдет лазейку для себя, чтобы и при размышлениях о смерти жить спокойно. Он превратит все это в пустое. Он будет думать и о покойниках, и о смерти, и о мытарствах, а в душе у него будет спокойно, сухо, пусто. Никто не хочет сам себя мучить. И если дело зависит только от наших собственных усилий, то мы выкрутимся, приспособимся, притом нам будет казаться, что мы совершаем добродетель, а на самом деле мы играем роль. Так мы ведем себя даже в таком, казалось бы, страшном деле, как размышление о своей кончине. Чтобы этого не было, сердце должно ожить. Оживает оно тогда, когда мы чувствуем, что вечность реальна, действительна. А это бывает, конечно же, не от размышлений, не от самого по себе чтения, но от действия благодати - или через молитву, или через чтение, в особенности Евангелия. Это действие благодати, а не результат нашего собственного усилия. Только тогда, когда мы "столкнемся" с вечностью, сможет на нас подействовать и воспоминание какого-нибудь трагического, несчастного случая, неожиданной смерти или воспоминание учения святых отцов, скажем, о мытарствах, о частном суде. Самые православные догматы о будущей жизни человека, бессмертии души, о воскресении из мертвых, о вечном блаженстве и вечных муках оживут для нас в то время, когда мы сами приобретем хоть какой-то незначительный, хотя бы частичный, опыт познания вечности. Бывает это, еще раз повторю, более всего от молитвы, а если, как тоже часто случается, - от чтения Евангелия и отцов, то все равно начальная причина здесь - молитва. Она заставляет нас правильно воспринимать и

Евангелие, и святых отцов, и даже собственные размышления или догматическое учение Церкви. Молитва все для нас оживляет.

Некоторые из святых отцов советуют специально упражняться в памяти смертной. Может быть, я человек весьма типичный для нашего времени, в смысле окамененного нечувствия, но из своего опыта - отрицательного опыта - скажу, что без молитвы Иисусовой на меня ничего не действовало. Чего я только не перепробовал, но одна молитва Иисусова делала меня восприимчивым к чему-либо духовному, все остальное без молитвы мне не помогало. И если исходить из своего собственного опыта, то, конечно же, я и вам должен дать совет не отделять эти две вещи, не заниматься отдельно памятью смертной, размышлением о смерти и отдельно молитвой, не посвящать специально какое-то время размышлениям о смерти. Я бы посоветовал в то время, которое вы отводите для молитвы, в час келейного правила, особенно возбуждать в себе, по возможности, воспоминание о будущей жизни и о нашем исходе из этой жизни. "По возможности" - почему я так говорю? Потому что человек не может выжать из себя то, чего в нем еще нет. Поэтому в отношении памяти смертной правильнее было бы сказать не "понуждать" - понуждать себя надо к внимательной молитве, - а "как бы настроиться в этом направлении, искать этого". И если от действия молитвы в вашем сердце начнет возникать и развиваться воспоминание о смерти, то вы будете знать, что это правильно. Постарайтесь его усвоить, сделать своим качеством, постоянно вам присутим. Когда же мы чересчур напрягаемся (сказанное не относится к молитве Иисусовой), то возникает опасность, что память смертная превратится у нас из действительной добродетели в какую-то мечту. Нам будет сниться, что мы бежим, а мы на самом деле - спим. Нам будет представляться, что мы размышляем о смерти с пользой для души, а в действительности это пустое. Мы вообразим, что внутренне подготовились, скажем, к терпению скорбей, а на самом деле при малейшем испытании вдруг окажется, что мы и малой неприятности не в состоянии выдержать; и при небольшом искушении мы забудем и о смерти, и обо всем остальном, все это "испарится" из нашего ума. Отсюда можем заключить, что это все искусственно. Понуждать себя нужно, но с большой осторожностью, чтобы не превратиться в актеров, играющих роль даже не для других людей, а для самих себя. Здесь надо двигаться с чрезвычайной осмотрительностью, знать меру своего преуспеяния и, скорее, не понуждать себя к памяти смертной, а понуждать себя к молитве и ожидать от молитвы памяти смертной. Не понуждать себя, скажем, к терпению скорбей, то есть не настраиваться внутренне - я имею в виду не конкретную жизненную ситуацию, но внутреннее духовное состояние, - а понуждать себя к молитве и ожидать, что через молитву мы получим добродетель терпения скорбей. Не смиряться нарочито, не играть роль смиренного, ничтожного человека, а понуждать себя к внимательной молитве и ожидать, что через молитву мы получим смирение. Ожидать! Но мы должны знать, чего нам нужно ожидать от Бога и что надо отвергать, что есть действительная добродетель, что полезно и что - кажущееся, мнимое. Все это необходимо различать, потому что в духовном, внутреннем мире человека действует, конечно же, не только один Бог, но и дьявол. И он прельщает, обманывает человека не единственно какими-либо видениями, образами, но он может и под видом смирения подсунуть человеку какое-то лицемерие, например смиреннословие, когда человек начинает о себе смиренно говорить: "Я великий грешник", "Я великая грешница", "Я хуже всех" - и так далее. Но он делает это не потому, что на самом

деле так о себе думает, а просто потому, что знает, что так о себе говорить - хорошо. Таким образом, это - лицемерие, тщеславие и гордость, прикрывающиеся смиренными словами. И поскольку в нас все извращено, поскольку мы очень лукавые существа, то трудно бывает самому правильно разобраться, где ты правильно смирился, по-настоящему, а где была игра, где действительно память смерти, а где просто пустая мечтательность, игра в память смерти. Поэтому лучше, чтобы все это было даровано нам Богом, дарованное Им уже точно будет правильным, истинным и естественным. Пусть этого будет немного, но, по русской поговорке, "мал золотник, да дорог". Иначе возникнет опасность далеко уйти и запутаться. Есть много разных прекрасных добродетелей, например: самоукорение, терпение скорбей, память смертная, покаянный плач, - можно было бы перечислить и многие другие. Никто не скажет, что они плохи, но если мы отделим самоукорение от молитвы, то можем превратить его в игру. Если мы отделим память смертную или терпение скорбей от молитвы, то эти добродетели также превратятся у нас в игру. По крайней мере здесь есть большая опасность превратить все это в лицемерие, в показуху, так сказать, и не только для людей, но и для самих себя. Поэтому лучше воспринимать все непосредственно от Господа - через молитву, тогда все будет точно и правильно. Некоторые увлекаются и ставят на первое место не молитву, а ту или иную добродетель, например покаяние. Казалось бы, кто скажет, что оно плохо. Кто из христиан осмелится утверждать, что покаяние - это неправильно и плохо? Но без Иисусовой молитвы оно может оказаться ложным покаянием, его видимостью, даже истерикой, экзальтацией, а не покаянием. Кто из православных христиан скажет, что укорять себя нехорошо? Никто, разве что полный невежда. Но если мы самоукорение отделим от молитвы, то оно превратится в игру; мы будем просто говорить о себе плохо, ругать самих себя, но никакого смирения не достигнем. То же самое скажем и о памяти смертной: если мы отделим ее от молитвы и поставим на первое место, то память смертная может сделаться пустой мечтательностью, некой мизантропией, мрачностью. Человек будет постоянно думать о гниющих, разлагающихся трупах, о червях и так далее, но ничего собственно духовного в этом не будет. Многие рокеры ходят с изображениями черепов, представляют из себя что-то адское, но это отнюдь не наводит на память смертную. Возможно, я имею неправильный опыт или у меня почему-либо что-то не так, все это допустимо, но я не могу сказать вам то, чего не знаю, не могу говорить чисто теоретические вещи. По моему мнению, современный человек настолько изолгался, извратился, испортился, что без молитвы, без чрезвычайного упования и надежды во всем, до мелочей, не на себя, а на Бога он обязательно запутается, в том числе и в памяти смертной. Поэтому истинная память смерти, неподдельная, искренняя, настоящая, естественная, происходит, я думаю, прежде всего от молитвы Иисусовой, а другими средствами - размышлениями, созерцанием каких-либо событий, относящихся к смерти, или воспоминанием этих событий, чтением тех или иных святоотеческих книг, даже Евангелия - она только укрепляется и усиливается, но происходит настоящая память смерти от молитвы. Может быть, это утверждение и не всегда правильно и бывают другие разные случаи (несомненно, люди идут ко спасению разными путями), но описанный мною путь кажется мне наиболее безопасным, в особенности для нас, людей гордых, лукавых и к тому же не имеющих постоянного руководства. Значит, нам нужно избирать пути самые безопасные, простые и, как выражаются святые отцы, непадательные, то есть такие, на которых вероятность упасть

самая малая.

Это все, что я хотел сказать о памяти смертной. Конечно же, еще раз повторяю, о ней немало написано у Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина и у многих других отцов. Они так или иначе касаются этой добродетели, пишут о ней более или менее подробно. Есть замечательное произведение "Слово о смерти" у святителя Игнатия Брянчанинова, который собрал почти все, что было сказано святыми отцами об этом предмете. Но как я говорю о чтении всех вообще святоотеческих книг и даже Священного Писания, так могу сказать и о чтении на тему о памяти смертной: все прочитываемое останется для нас "китайской грамотой", если мы не будем молиться.

Вопрос. Что такое смиреннословие?

Ответ. Смиреннословие - очень распространенная мнимая добродетель, когда человек на словах унижает себя, а в душе таким себя не почитает. Настолько распространен этот порок, что трудно им не заразиться. Святитель Игнатий приводит такой замечательный пример. Один монах говорил о себе очень смиренно, обличал себя в каких-то грехах, и так убедительно, что его слушатели поверили ему, и когда они поверили, монах огорчился. Понимаете? Представьте себя на его месте, ведь у всех нас бывают подобные ситуации. Мы говорим: "Да, я грешный человек" - казалось бы, это скромно, или: "Я малограмотный, мало читаю". Если тот, к кому мы обращаемся, действительно поверит, что мы такие, то мы ведь огорчимся, нам это не понравится. На самом деле мы называем себя грешными, малограмотными и говорим о прочих своих недостатках для того, чтобы возвыситься перед теми людьми, которые смирение почитают добродетелью. То есть мы хвастаемся, так сказать, с примитивной мужицкой хитростью, вроде: "Я плохой", а человек, с которым мы общаемся, должен сказать: "Да нет, ты хороший". - "Нет, я плохой". - "Да нет, ты хороший". - "Нет, я грешник". - "Да нет, ну что ты". Нам это приятно, очень трудно от этого отказаться. Мой духовник - покойный отец А. не говорил так о себе никогда. Не было случая, чтобы он сказал о себе плохо, например: "Я грешник" - или что-то подобное. Но когда его оскорбляли, или унижали, или обращались с ним как с каким-то простым, ничтожным человеком, он на это никак не реагировал. Один раз его ужасно, страшно оскорбили. Он был уже в сане игумена (не возглавлял монастырь, а просто имел сан игумена). Однажды ему нужно было ехать на потребу - причащать больного, но те люди, которые должны были за ним приехать, немного задерживались. Было утро и по уставу в монастыре служили полунощницу. Шел пост. Пели тропарь "Се Жених грядет в полунощи...", и все братья выходили и выстраивались посередине храма. Поскольку отец А. собрался на потребу, то он не взял с собой форму, то есть не взял мантию и даже, по-моему, клобук. Однако надо было уже выходить, люди те задерживались, и, поскольку отец А. был человеком очень братолюбивым, любящим монастырскую жизнь, он тоже вышел на середину храма, но без формы, то есть без мантии. Тут наместник ему сказал: "Ты как Иуда". Представьте себе: при всей братии монастыря сказал такое человеку, которому в то время было больше пятидесяти лет, который с детских лет воспитан в вере, с тридцати лет подвизался в монастыре, причем в знаменитом, где духовная жизнь процветала (речь идет о Глинской пустыни - прим.), имеющему множество духовных чад, ведущему совершенно безупречную жизнь и так далее. Никто ни в чем не мог его упрекнуть, даже в чем-либо внешнем, например в том, что он где-то когда-то выпивал или делал еще что-нибудь подобное. И ему, человеку совершенно безупречной жизни, при

всех братьях говорят: "Ты как Иуда". Об этом случае мне рассказывал потом сам отец А. Я возмутился: "Как же они такое могли сказать?" А он говорит: "Да он немощный" - про наместника, и не видно было, чтобы отец А. рассердился. Можно было бы привести много других примеров того, как его в том монастыре унижали, оскорбляли. Если он иногда и обижался, то ненадолго, обида быстро проходила. Он говорил, что обидеться может и святой, а вот держать зло - уже нехорошо. У отца А. было искреннее смирение, о чем свидетельствовали и другие признаки. Как-то я заболел и мне стали проводить водолечение (я забыл, как точно оно называется). Бывает это так: надевают на человека специальную рубаху, обматывают и так далее. Считается, что благодаря этой рубахе из организма через кожу, через поры, выходят все шлаки. В монастыре, где жил отец А., была одна сестра, разбиравшаяся в этом водолечении, и она мне сколько-то помогала, но ухаживать за мной она как женщина не могла, ведь надо было меня сначала заматывать, а потом разматывать. После такого лечения (извините, что я говорю об этом в церкви, хотя, с другой стороны, ничего здесь плохого не вижу) из организма человека, попросту говоря, с мочой за короткое время выходят все вредные вещества. И отец А. выносил за мной ведро (сам я не мог выходить, поскольку туалета в том месте не было). Он - мой духовник, игумен, духовник монастыря и, главное, человек неизмеримо превосходящий меня по духовной жизни не стыдился это делать, и делал совершенно спокойно. Не знаю, сделал бы я для него такое или нет, а он за мной так ухаживал, причем без всякой рисовки: просто брал ведро и выносил. Я сейчас не припомню других случаев, но о его смирении можно было бы рассказать много интересного. Тем не менее от него никогда нельзя было услышать: "Я грешник", "Я плохой", "Я невежественный". Он и ничего хорошего особенно о себе не говорил, никогда не рассказывал о своей духовной жизни, о своих духовных переживаниях. Я вообще ничего не знаю об этом и уверен, что никто не знает. Единственно косвенные признаки позволяют судить о его духовности. О том, что он переживал в молитве, отец А. никому никогда не рассказывал. То есть он не говорил о себе ничего ни хорошего, ни плохого, но если бывали случаи смириться, он смирялся. Для меня духовник мой на всю жизнь, навсегда останется примером истинного, неподдельного смирения. Это, конечно, было у отца А. уже не человеческим, но от Бога, это было даром Божиим.

Вопрос. Нужно ли готовить заранее одежду к погребению и какую по уставу Православной Церкви полагается готовить одежду для мирян?

Ответ. Одежду готовить можно, - конечно, в этом ничего плохого нет. Готовят все необходимое для погребения и некоторые священники. Священника хоронят в епитрахили, фелони, с Евангелием в руках, с крестом, дьякона - с кадилом, в стихаре. Миряне тоже могут подготовить одежду, и, наверное, полезно даже держать ее на виду, чтобы время от времени на нее посматривать. Если к тебе пришли люди, то это, надо думать, будет неприлично, но иногда, когда тебя никто не стесняет, хорошо было бы смотреть на нее, вспоминать о смерти. Между тем бывало и по-другому. Например, когда умер Димитрий Ростовский, после него осталось буквально несколько копеек, - у него вообще ничего не было, он все роздал. Пришлось собирать деньги на похороны столь выдающегося архиерея. Так же было, если не ошибаюсь, и с митрополитом Иоанном Тобольским. Потому к этому вопросу можно относиться по-разному. Конечно, в наше время, чтобы не обременять родственников, чтобы тебя после смерти, не дай Бог, еще не сожгли где-нибудь и пепел не развеяли по ветру, лучше

заранее все подготовить, для того чтобы тебя хотя бы по-христиански погребли. А то люди не очень-то хотят обременять себя заботой о своих родственниках, и если это было бы допустимо, то тело умершего, может быть, и вообще выбросили бы - лишь бы побыстрее отделаться. Недавно был случай: говорят, что на погребение нет денег. Или не хотят тратиться, или в действительности средств нет и люди не пытаются их отыскать. На водку, конечно, деньги находятся всегда, поминки - это дело "святое". Наесться мяса, напиться водки - нужно обязательно, а совершить погребение, как положено христианам, предать земле - это для них лишняя трата денег.

Вопрос. Почему монахи умирают сидя?

Ответ. Вопрос странный. Я этого не знаю. Я надеюсь, что умру лежа на кровати, если только где-нибудь меня не сразит какая-нибудь болезнь и я не упаду замертво. У греков есть обычай: хоронить сидя епископов. Не знаю, соблюдается ли он сейчас, но в древности именно так и было. До сих пор в Харькове пребывают мощи святителя Афанасия Цареградского. Этот Константинопольский святитель совершал поездку в Москву и на обратной дороге, по-моему, где-то около Харькова умер. Он похоронен сидя. Еще мне известно, что святитель Игнатий Мариупольский (его мощи потом сторели) также был похоронен сидя. Это такой обычай есть, но чтоб монахи умирали именно сидя - такого я не знаю. Серафим Саровский, скажем, почил стоя на коленях - на молитве. Правда, в Синайском монастыре, на горе Синай, есть мощи одного подвижника (имя его я забыл), умершего в сидячем положении. Я видел их на фотографии, этим мощам уже, наверное, тысяча лет или около того. Монах сидит с четками в руках - в каком положении он умер, в таком и остался. Но он умер сидя не нарочно, а, видимо, в час смерти молился Иисусовой молитвой. Чаще всего этой молитвой молятся сидя, так как упражняются в ней весьма подолгу; сколько-то поклонов сделают, какое-то время помолются стоя, а большую часть времени проводят в сидячем положении. Как монах тот скончался, такими и остались его мощи. Однако это исключительный случай. Большинство людей умирают лежа, потому что перед смертью человек болеет, находится в немоци, а для немощного, больного самое удобное положение, разумеется, лежачее.

Вопрос. Что должен делать новоначальный, для того чтобы стяжать память смертную?

Ответ. Новоначальный должен молиться и притом как бы ожидать, настраиваться на память смертную. Не фантазировать, а настраиваться. Словно глядеть умом, духом в эту сторону. Потому что если он будет размышлять на этот счет, то он из-за своих размышлений, скорее, только отвлечется от молитвы и они обратятся у него в пустое мечтание. Вдруг начнет, допустим, наш N размышлять о смерти. Что из этого выйдет? Один смех. Или D-трапезник. Тот, наверно, впадет в уныние - придется еще его веселить, шутить. Поэтому то, о чем я сказал вначале, надо делать с осторожностью, и, ранее я говорил об этом, гораздо лучше иметь память смертную как некую веху, на которую нужно ориентироваться, чтобы знать, правильно ты идешь или нет, чем специально предаваться размышлениям о смерти. Еще раз повторю, что они приносят пользу человеку тогда, когда у него уже есть некоторый опыт общения с вечностью, когда он уже, так сказать, сталкивался с нею. А иначе чем они для него будут? (Батюшка шутит.) Кладбищенские воры тоже в каком-то смысле размышляют о смерти: их интересуется, когда кто умер, им надо это знать, чтобы могилы грабить. Но такие мысли пользы им не приносят. И гробокопатели, я думаю, помышляют: "Хоть бы побольше

покойников было, чтобы побольше заработать".

Вопрос. Я действительно считаю себя грешной и ничтожной тварью...

Батюшка комментирует: Тварь, между прочим, очень хорошее слово. Тварь - это значит творение, и если ты не считаешь себя тварью, то, следовательно, считаешь себя богом. Так что слово "тварь" не нужно, наверно, употреблять в ходячем его смысле.

Я действительно считаю себя грешной и ничтожной тварью и в помыслах постоянно так о себе пишу. Это плохо?

Ответ. Я не думаю, что ты так считаешь. Иначе по поведению это было бы сразу видно. Кто считает себя грешным и ничтожным, тот, конечно, не будет ни осуждать, ни злословить, ни укорять и так далее. То есть одно дело почитать себя таким в уме, и другое дело - на самом деле, искренно, в сердце это чувствовать. Когда преподобный авва Дорофей сказал своему старцу - Варсонофию Великому, если не ошибаюсь, что считает себя хуже всей твари, тот ему ответил: "Это, сын мой, для тебя гордость - так думать". Но Авва Дорофей, в отличие от нас с тобой, был человеком умным и сразу понял, о чем идет речь. Он сознался: "Да, отче, это для меня гордость, действительно, но я знаю, что должен был бы так о себе думать". Тогда Варсонофий Великий сказал ему: "Вот теперь ты стал на путь смирения". То есть авва Дорофей признался, что в действительности не считает себя хуже всякой твари, он просто имеет теоретическое представление о том, что надо было бы ему так думать, но на самом деле такого искреннего о себе мнения у него нет. Это очень важно. Один подвижник утверждал, что он считает себя ослом. В подражание некоему авве Зосиме он говорил: "Я осел". А старец ему сказал: "Ты не имеешь права так себя называть, потому что когда авва Зосима именовал себя ослом, то он имел в виду, что он, как осел, все вытерпит, а ты ведь ничего не выдержишь. Поэтому для тебя гордость - так о себе говорить". Надо научиться смотреть на себя трезво, лучше признать, что у тебя нет смирения. И это будет более серьезное, глубокое смирение, чем такая вот игра: "Я ничтожная тварь". Я тоже могу называть себя разными оскорбительными словами и, может, иногда даже называю, когда никто не слышит, но, скорее, я позволяю себе это для утешения. "Ах ты дурак, что ж ты сделал?" (допустим, я что-то не так сделал). Что с того? Это же не значит, что я считаю себя глупым человеком, я все равно полагаю, что я умнее многих и многих. Если даже таким образом мы сами себя укоряем, мы, тем не менее, делаем это шутя и любя. Не так ли? Очень трудно научиться не играть.

Вопрос. Позволительно ли ради стяжания памяти смертной напоминать себе, что внезапно тебя может настичь смерть: вдруг случится, что ты попадешь в аварию или станешь жертвой убийства?

Ответ. Если у тебя есть живое чувство вечности, если ты испытал его хоть в какой-то степени, то такие вещи могут быть полезны. Что понимать под чувством вечности? Это когда во время молитвы тебя охватывает страх оттого, что ты приближаешься к Богу, оттого, что ты ощущаешь вечность. Или когда при чтении Евангелия чувствуешь, что все, о чем написано, действительно так и было, например воскресение четверодневного Лазаря или какое-нибудь другое чудо. Я думаю, что тогда воспоминание о каких-то внезапных, страшных ситуациях, угрожающих человеку гибелью, и подобные вещи принесут ему пользу - об этом пишет Нил Сорский. В противном случае никакой пользы не будет и все это превратится в игру или, может быть, даже приведет к отчаянию, так что будешь бояться из

дому выйти, думая: "Сейчас в аварию попаду, или на меня упадет кирпич, или бандиты на меня нападут".

Вопрос. Слышала мнение, что Иисусова молитва должна быть для человека как некий фон, то есть даже когда разговариваешь с другим человеком, читаешь ее. Правильно ли это или молитву должно читать только со вниманием?

Ответ. Это зависит от степени преуспевания. Если ты преуспела в молитве, в особенности если у тебя уже началась непрерывная сердечная молитва, то и при разговоре с другими людьми ты будешь молиться. Может быть, не так внимательно, как во время келейного правила, но молиться будешь. Это, конечно, хорошо. Хорошо и в то время, пока я молчу и слушаю своего собеседника, хоть сколько-то, хоть как-то, пусть не совсем внимательно, но читать молитву Иисусову. Делать все это нужно, необходимо понуждать себя, насколько возможно, к тому, чтобы молиться непрерывно. Но сравнение молитвы с фоном не совсем верное. Превратить ее во что-то второстепенное было бы неправильно. Когда человек преуспеет в молитве, тогда она будет его увлекать. О жившей в XIX веке игумений Леушинского монастыря Таисии (есть книга ее воспоминаний) известно, что иногда при разговоре с людьми благодать так ее охватывала и она так погружалась в молитву, что переставала слышать, что ей говорят. И другой пример, который я приводил в сегодняшней проповеди. Отец Григория Паламы, будучи мирянином и будучи министром при византийском императоре, тоже имел необыкновенную благодать непрерывной молитвы. Даже во время разговора с императором он внезапно так увлекался умом в молитву, что не слышал слов самого царя. Царь знал об этом его состоянии. Когда министры жаловались ему на Константина, император говорил, что Константин имеет Собеседника гораздо лучшего, чем они. То есть порой молитва становится для нас "фоном" по необходимости, а вообще-то, она всегда является самым главным. Другое дело, что надо иметь здравый смысл. (Батюшка шутит.) Если отец Б., когда везет отца П. на машине, вдруг еще углубится в умное делание, хотя он и без того своим вождением вызывает у отца П. память смертную, то у того может возникнуть такая память смерти, что с ним случится сердечный приступ. Поэтому надо знать, когда и где углубляться в молитву.

Вопрос. У меня сомнение, правильно ли я пишу исповедь. Назовите основные принципы составления исповеди, порядок исповедания грехов и насколько подробно и досконально должна исповедоваться послушница?

Ответ. Если речь идет об откровении помыслов, то нужно рассказывать все: и хорошее, и плохое, - и с такой степенью подробности, чтоб была понятна ситуация. Можно записывать так натуралистично, так подробно, что из описания одного маленького греха получится целый роман. Было в литературе такое течение - французский роман 50-х годов, так называемый вещизм. Все обрисовывалось очень подробно, например: "Я беру вилку, вилка такая сякая", и описывается, какая это вилка, как я ее беру, как я накальваю, допустим, колбасу, как подношу ее ко рту, как я жую. Все было таким вот утрированным. Можно и так описывать грехи, но если духовник не является большим любителем авангардистской литературы, то ему может наскучить читать подобную исповедь. Поэтому грехи нужно записывать, как я когда-то уже говорил, точно - это самое подходящее слово, хотя, может, и непривычное. Писать точно. Ни чересчур подробно, ни слишком кратко, а именно точно, чтобы было ясно, о чем ты говоришь, какова ситуация, где, почему ты так

подумал или сделал, чтобы можно было дать тебе тот или иной совет или по крайней мере просто понять, в каком ты находишься состоянии. Так нужно писать исповедь и послушнице, и схимнице, и всем.

Вопрос. У меня никогда нет "золотой середины" в отношении к наставнице: то мучают хульные помыслы, то появляется такая восторженность, что незаметно примешивается что-то чувственное. Наставник видится чуть ли не святым.

Ответ. И прекрасно! "Золотой середины" в данном случае быть не должно, потому что благодать Божия устраивает так, что человек становится слепым на недостатки своего духовного руководителя. Это действие благодати Божией. Отсюда не следует, что я должен требовать, чтобы вы меня почитали святым. Но если человек получает пользу от исповеди, то у него как раз такое отношение к наставнику и будет - поневоле. А когда ты начинаешь видеть недостатки своего духовника, или старца, или старицы, то это уже действие дьявольское. Конечно, разные бывают духовники и старцы, но мы говорим о правильном ходе дела. Встречаются и исключения, которые, к сожалению, часто становятся правилом. Скажем, в житии схиархимандрита Захарии рассказывается, что его старец был сребролюбцем, как и многие монахи Троице-Сергиевой Лавры в то время (дело было до революции). Он накопил большую сумму денег и вообще вел жизнь не монашескую. Этот старец никому не доверял, так что исповедал все свои грехи своему послушнику, когда тот не имел еще даже пострига, а тем более священного сана, и сказал: "Когда станешь священником, ты мне разрешишь эти грехи". Через много лет, уже после смерти своего старца по постригу, схиархимандрит Захария, которого в то время, до схимы, звали Зосимой, разрешил ему грехи - на голове другого монаха. То есть бывает и так, что старец только формально остается старцем, числится, так сказать, а на самом деле духовным руководителем не является. Но мы ведем речь о действительном духовном руководстве, когда ты - в том случае, если слушаешься - чувствуешь от него пользу. Именно если слушаешься, потому что иначе пользы никакой не будет и не может быть, хотя бы твоим старцем был Антоний Великий. И если, благодаря своему послушанию, ты чувствуешь, что получаешь пользу от своего руководителя, то, следовательно, истинное отношение к нему-видеть в нем святого человека и совершенно безупречного Ангела. Это значит, что действует благодать Божия, и даже не нужно думать, является ли наставник таким на самом деле или нет. Когда же ты начинаешь видеть, что он и то не так делает, и это не так, то здесь уже имеет место действие бесовское. Если мы чувствуем пользу от руководства старца, опять же подразумеваются те только случаи, когда он достоин хоть какого-то доверия, то у нас и появляется отношение к нему как к человеку святому, и такого отношения нужно, так сказать, искать. А если мы начинаем замечать недостатки, грехи, пороки своего старца, иногда, может, и соответствующие действительности, то, следовательно, нам открывает на него глаза дьявол. Как он искушал Адама и Еву, обещая, что откроются их глаза и они будут как боги, познавшие добро и зло, так и здесь он с нами поступает.

Вопрос. Мне кажется, что, конечно, лучше видеть наставника святым. Но как избавиться от ненужных, неправильных чувств?

Ответ. Не знаю, что подразумевается под неправильными чувствами. Многие люди не понимают, что такое нехорошее плотское пристрастие, и не отличают его от простейших, детских проявлений настоящей, чистой любви. Объятия могут быть братскими, а могут быть

страстными. Если у тебя чистое чувство и ты испытываешь любовь к своему наставнику (или наставнице), так что возникает желание обнять, то это не значит, что ты имеешь плотское пристрастие. Бывает иногда, что любовь к ближним, вообще ко всем людям, выражается в том, что нам хочется всех обнять и всех поцеловать, хотя делать этого мы, конечно, не будем, потому что нас просто не поймут. Но поскольку людям привычно выражать любовь через такие внешние знаки, то нам, естественно, и хочется так сделать. Не нужно путать это с плотским пристрастием. О плотском пристрастии свидетельствует не только сам факт объятий, но, наверно, и другие какие-то вещи. Объятия объятиям рознь. Здесь, конечно, надо советоваться и быть осторожным, но в то же самое время чрезмерная осмотрительность как бы сбивает пыл и приводит человека к черствости и холодности. Под предлогом страха возникновения пристрастия к духовнику, или старице, или старцу мы избавляемся и от настоящей духовной любви, приводим себя в состояние безразличия и думаем, что это бесстрастие. Мы не буддисты, не йоги. Под бесстрастием православные христиане понимают не полное бесчувствие, которое является самой страшной и самой губительной страстью - окамененным нечувствием, а чистоту чувств, в том числе и таких, как гнев, вожделение. Гнев должен быть направлен против заблуждений, против греха, вожделение должно испытывать к душе ближнего, а не к его телу, плоти, вожделение должно быть по отношению к Богу. И так далее. Чистота чувств, но не бесчувствие! И чувства эти могут быть необыкновенно сильными. Иногда люди скучают друг по другу. Вспомним апостола Павла. Никто, конечно же, не станет подозревать, что у него было плотское пристрастие. Он говорил в одном из своих посланий, что когда он пришел в город Афины, если не ошибаюсь, и не нашел там Тимофея, то дух его очень смутился. А Тимофей был одним из любимых его учеников. Сам Господь просил молитвенной поддержки у трех Своих учеников. Что могла сделать молитва этих трех людей? Однако же Он нуждался в какой-то человеческой поддержке - Петра, Иакова и Иоанна, когда молился в Гефсиманском саду. Он позволил Иоанну Богослову припасть к Своей груди и этим показал, что любит его. Он открыл ему, как любимому ученику, кто предатель, и указал через него предателя и апостолу Петру, а апостол Петр дружил с Иоанном Богословом. Посмотрите, какие личные были среди них отношения. Тайная вечеря. Спаситель сказал: "Один из вас предаст Меня", но не сказал, кто. Ученики спрашивают: "Не я ли? Не я ли?" Петр был уверен, что он не совершит предательства, что эти слова Господа его не касаются, и он, может быть рукой или головой, сделал знак возлежавшему на груди Спасителя апостолу Иоанну Богослову, чтобы тот спросил, кто есть предатель. И видимо, Петр внимательно смотрел - естественно предполагать это. Апостол Иоанн Богослов спросил, Спаситель ответил: "Тот, кому Я, омочив хлеб в солило, подам, предаст Меня" - и омочил хлеб, и дал Иуде. Итак, смотрите: во-первых, дружба Петра с Иоанном - плохо ли это? Мы не видим, чтобы это было плохо. Во-вторых, Иоанн, как близкий ученик, воспользовался этим, как бы мы сейчас сказали, пристрастием к нему Спасителя и узнал то, что не было открыто другим. Снова получается, что пристрастие не имеет в себе ничего плохого, если Спаситель имел особенное пристрастие к Иоанну Богослову. Значит, не всегда нужно этого бояться. Страшиться надо пристрастия нечистого, а любить друг друга и любить некоторых людей, по особой душевной расположенности, больше, чем других, - это не является нарушением евангельских заповедей.

Вопрос. В аскетической литературе часто употребляются понятия "дух", "душа" и "сердце". В чем состоит их различие?

Ответ. Я думаю, что это, наверное, почти одно и то же. Когда мы говорим "сердце", то имеем в виду не собственно сердце человека, а именно дух, находящийся в том месте, где расположен этот телесный орган. Потому что иначе надо было бы предположить, что тем людям, которым сделали пересадку сердца, пересадили и дух другого человека. Сердце - орган, конечно, гораздо более сложный и важный, чем рука, скажем, но вместо сердца так же, как и вместо руки, может быть протез. Поэтому под "сердцем" мы подразумеваем собственно дух, названный тем же словом, что и человеческий орган, который имеет такое же местоположение в человеке. Что касается души, то это понятие также можно отождествить с духом. Иногда их различают, говорят: "дух и душа", иногда говорят просто "душа", потому что дух является высшей способностью души - ее разумной способностью. Святитель Григорий Нисский, например, как и некоторые другие богословы, утверждает, что у животных и у растений души нет, что та жизненная сила, которая в них присутствует, названа душой по той причине, что она имеет лишь некоторые ее признаки, но собственно души у них нет. Она есть только у человека. Мы могли бы сказать, что душа есть у ангела, но ангел, так сказать, весь душа, у него, наоборот, тела нет. Поэтому когда мы говорим о духе, душе и сердце, то, наверное, подразумеваем почти одно и то же. Правда, различают ум и сердце (говорят еще "память и сердце") - здесь уже можно уточнить, потому что ум и сердце - это разные способности, свойства человеческого духа. Сердце является источником чувств, а ум - источником мыслей. В каком смысле сердце является источником чувств? В том смысле, что в нем возникают помыслы в самом общем виде, не оформленные и не принявшие конкретного выражения. Они принимают его уже в уме. Недаром почти все органы чувств, кроме осязания, находятся у человека в голове. В уме все, так сказать, конкретизируется. Например, возник у нас помысел гнева (может быть, некоторые из вас, наиболее внимательные, замечали, что гнев бывает и без всякой причины, таковой ищет только пищи себе), и вот мы видим, что какая-то вещь не так лежит. И оказывается, что я сержусь на то, что она не так лежит. Но в действительности дело не в вещи, а в помысле гнева, вышедшем из нашего сердца и искавшем конкретного выражения через ум. Я понимаю так. Поэтому когда мы боремся с греховными помыслами, мы стараемся разъединить, так сказать, ум и сердце. Когда конкретная мысль или какой-то определенный образ соединяется с чувством, тогда они обретают силу. Если мы разъединяем мысль и чувство, то и чувства ослабевают, и мысль, так сказать, удаляется из нашего ума. (Сейчас я говорю абстрактно, на деле все это совершается при помощи молитвы). Можно даже нарисовать такую примитивную схему: ум человека находится как бы между сердцем и внешними впечатлениями, вообще всем внешним. Под внешними внушениями, впечатлениями можно понимать не только то, что приходит через чувства, но и то, что дьявол вкладывает в нас непосредственно - через наш умственный взор. И когда мы отвращаем ум от этого внешнего и направляем его внутрь себя, то мы, во-первых, ослабляем и истребляем порочную умственную деятельность, во-вторых, уничтожаем грех, который исходит из нашего сердца. Уничтожаем молитвой. Если же мы даем уму соединиться с внешними впечатлениями (под ними надо понимать, повторюсь, не только то, что приходит через чувства, например зрение или слух, но и бесовские внушения через ум), то, оттого что

мы обращаем на них внимание, греховный помысел все усиливается и усиливается, молитва же уничтожается, так как лишается внимания и теряет всякую силу, а иногда она и вовсе оставляется, и тогда греховный помысел, греховное внушение или впечатление соединяется с чувством в сердце и мы уже пылаем страстью. Это, конечно, происходит не так схематично, как я нарисовал, потому что степени страстности, силы действия страстей бывают разными. Можно чуть-чуть оскверниться грехом, можно поддаться ему до такой степени, что не владеть собой. Но в любом случае принцип именно такой, как я объяснил.

Вопрос. Страстей, главных грехов, восемь, а мытарств двадцать. Не могли бы Вы объяснить, почему мытарств больше?

Ответ. Я думаю, деление на восемь страстей не является безусловным. В прошлой беседе я говорил, что оно условно и необходимо нам для удобства. Некоторые святые отцы, Григорий Богослов скажем, полагали, что главных страстей семь, так как гордость и тщеславие считали за одну страсть. Мне кажется, что Григорий Богослов более прав - страстей семь, но чтобы не нарушать порядок, установленный отцами прежде меня, я говорю о восьми страстях. Деление это - условность. На самом деле страстей не восемь, не девять, не двадцать, а тьма. Произведено оно только для удобства, ради того чтобы бороться со страстями. Что же касается мытарств, то надо думать, что хотя шествие души через мытарства на Небо, как и вообще будущая жизнь, - тайна и здесь тоже не все до конца ясно, не все нам, людям, открыто, но все-таки мытарства - это вещь действительно, реально существующая. А деление на восемь страстей - некоторая условность, схема для удобства ведения борьбы с ними. Некоторые отцы считали, что основных страстей три, то есть сребролюбие, славолубие и сластолюбие. Иные полагали, что страстей только две: славолубие и сластолюбие, потому что сребролюбие является средством для удовлетворения других страстей.

Вопрос. От памяти смертной не могу находиться с людьми, хочется "уползти" в угол и непрестанно изо всех сил умолять Бога о спасении. Это прелесть?

Ответ. Нет, это не прелесть, но нормальное чувство. Однако иногда мы должны умерять свои душевные порывы, в зависимости от обстоятельств. Приходится подчас смиряться и не следовать тому, что внушает сердце. Конечно же, описанное состояние надо исследовать, в этой записке написано слишком мало, чтобы сделать определенный вывод, но именно то, что сказано, не противоречит учению святых отцов о памяти смертной. Действительно, память смертная заставляет человека от всего отрешиться, так что ему уже ни до чего нет дела, он как бы умер, ему все кажется пустым, ненужным, эфемерным, призрачным. Но иногда приходится терпеть и общество людей и исполнять свой долг, или в монастыре по послушанию, или в миру - где угодно.

Вопрос. Что это за чувство, когда во время молитвы появляется удивление и желание спросить: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, кто Ты?"

Ответ. Я не знаю, кто задал мне вопрос и что он подразумевает под этими словами, но в принципе чувство это - когда человек приходит в изумление оттого, что приближается к Богу, - похоже, истинно. Во-первых, раз ему хочется так спросить, значит, он чувствует присутствие Божие, и это уже хорошо. Во-вторых, он изумляется Тому Существо, с Которым сталкивается, начинает понимать, что Иисус Христос действительно Сын Божий и Бог. Потому вообще это, наверное, правильно, и это начало познания. Однако надо стараться

избегать таких выражений, не нужно молиться своими словами, но если чувство подобно тому, которое я сейчас описал, то оно, может быть, правильно. Необходимо, опять же, проверить, потому что при таком простом объяснении этого внутреннего явления нельзя понять: или это экзальтация, или действительное приближение к Богу, и познание Его, и уже начало настоящего общения с Ним.

Вопрос. Прошу в Иисусовой молитве смирения. От сильного желания смириться молитва почти всегда искренняя, отчего хочется постоянно просить, желать только этой добродетели. Может ли со смирением прийти и память смертная?

Ответ. Безусловно. Мой духовник отец А., будучи человеком очень простым, говорил... (я, конечно, не утверждаю, что все его высказывания неоспоримы, но просто приведу пример человека, который опытно, на деле познал духовные истины) он говорил, что и смирение, и любовь к ближнему, и простота - все это одно и то же. Я спрашиваю: "Чем отличается простота от смирения?" Он отвечает: "А это одно и то же". - "А чем любовь отличается от смирения?" - "Это одно и то же". И потому можно сказать, что благодать, когда она приходит в душу человека, оборачивается разными гранями. Иногда кажется, что это смирение, иногда - любовь, и все добродетели перемешаны и соединены. Не будет смирения - не будет и любви, не будет покаяния - не будет ни простоты, ни смирения и так далее. Я сейчас говорю неточно, но в принципе все это приходит в душу, может быть, и не сразу, однако почти вместе. Одна добродетель влечет за собой другую (так же, как и одна страсть вызывает другую), потому со смирением вполне может прийти и память смертная. И обязательно придет.

Вопрос. У меня очень много тщеславных помыслов и в душе ощущаю гордость; кажется, что от молитвы эти помыслы не уходят. Позволительно ли еще прибегать к мыслям смиренным, думать, что все от Бога, а я ничто? Или только терпеть и молиться?

Ответ. Подобные мысли - о том, что все от Бога, - иногда помогают. Мой духовник любил повторять такие слова: "Все Божье, и мы тоже". Но он имел право так говорить, я же, судя по себе, еще раз скажу, что при отсутствии Иисусовой молитвы можно все подделать, во всем притвориться. Здесь также существует эта опасность. Потому с некоторой осторожностью, быть может, и позволительно прибегать к смиренным мыслям, но тут надо бояться игры, мечтательности, воображения. Лучше понуждать себя к покаянию. А то, что у новонаначального монаха или новонаначальной послушницы есть помыслы тщеславия, - в этом ничего удивительного нет. У кого их нет? Нужно молиться, каяться в них; поддалась помыслу - кайся, поддалась - вновь кайся. Надо ли говорить себе, что все от Бога? Конечно, все от Бога, а что особенного у тебя есть, чтобы ты так говорила? У тебя, может, и нет ничего, а ты уже начинаешь себя успокаивать, что все от Бога, как будто что-то приобрела. Выходит, что человек вроде бы смиряется, однако это, возможно, не смирение, а лишь прикрытие своей гордости. Когда у человека уже действительно есть какие-то дарования: непрестанная молитва, бесстрастие или какие-нибудь великие, явные, откровенные добродетели, - тогда ему бывает нужно приписывать все Богу. А если он только начал свою духовную жизнь и весь опутан страстями, то о чем и говорить.

Вопрос. В Библии сказано, что Бога не видел никто. Но мы знаем, что видели Бога Иоанн Богослов, Иеремия, Исаия. Как разрешить это будто бы противоречие?

Ответ. Бога в существе Своем никто не видел и видеть не может. Но угодники Божии,

апостолы, пророки видели Бога духом, то есть приобщались к Божественной энергии, или, по-русски, к Божественному действию, потому что Бога можно видеть только в Его действиях. Обычно в душе человека это ощущается как некоторый таинственный, неземной свет. И можно видеть Бога в видениях. Бог показывал Себя, например, пророку Даниилу в виде Ветхого деньми и в виде Сына Человеческого (см. Дан.7:9,13). Все это - видения, образы, показанные с какой-либо целью. Бог беседовал с человеком через какой-то образ ради того, чтобы открыть те или иные истины. А в существе Своем Бога никто не видел. Поэтому никакого противоречия здесь нет.

Вопрос. Почему в Вифлееме на Рождество Христово священство облачается в красные, а не в белые одежды?

Ответ. Потому что красная одежда также считается праздничной. Мы и на Пасху облачаемся иногда в белые одежды, а иногда - в красные. Белая одежда - символ чистоты, света, а красная - символ радости. Так что, я думаю, это не принципиально, не имеет большого значения. К тому же в каждой поместной Церкви свои обычаи.

Вопрос. Можно ли иногда к Иисусовой молитве добавлять название того греха, который совершила. Например, произносить молитву так: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную, ехидную".

Ответ. Я думаю, что иногда, в виде исключения, можно. Но если мы будем все время прибавлять к молитве разные слова, то это будет мешать нам молиться. Сначала прочтешь пятьдесят молитв "Помилуй мя, грешную, ехидную", потом - "Помилуй меня, грешную, лукавую", и так будешь беспрестанно развлекаться. Иногда, в чем-нибудь согрешивши, прибавить один-два раза какое-то слово, чтобы вызвать сокрушение, - это позволительно. Но заниматься этим постоянно бесполезно, потому что ты лишь будешь отвлекаться от молитвы.

Вопрос. Я прочитала у старца Силуана, что нужно исполнять, не переспрашивая, первое слово наставника: Господь не осудит за послушание. Можно ли иметь такую веру к своим наставникам, верить, что за послушание все будет правильно? Хочется довериться им и не беспокоиться. Или эти слова старца Силуана относятся к святым наставникам?

Ответ. То, что нужно верить с первого слова, ко мне, по крайней мере, не относится. Правда, иногда бывает, что я скажу что-то, а меня не хотят слушаться. Я начну настаивать, потом говорю: "Делайте как хотите" или "Делайте так". Порой случаются искушения. Но все-таки я думаю, что приведенное наставление старца Силуана нельзя применить к людям, находящимся на таком уровне, как я. Первое слово я могу сказать неправильно, а второе или третье - правильно, по той причине, что я сразу, с первого раза, не разобрался, может быть даже по вине того, кто мне о себе рассказывает. Допустим, он рассказал не полностью, неточно, потом прибавил еще какую-то подробность, а она имеет существенное значение. И окажется, что со второго раза я скажу правильно, с первого же раза - неправильно. По моему мнению, у нас в монастырях нет таких людей, которых надо было бы слушаться именно с первого слова. Разве что тебе говорят что-то совершенно очевидное или простое, элементарное, относящееся, скажем, к работе. Здесь ради упражнения в послушании нужно стараться делать все беспрекословно. А когда дело касается важных вопросов, то необходимо, пожалуй, все подробно рассказывать и объяснять. С первого слова нужно слушаться таких великих старцев, как отец Николай Гурьянов с острова Залит, потому что они говорят от Бога. Отец Николай может и не выслушать тебя до конца, так как Бог ему уже

все открыл. Батюшка не нуждается в твоих человеческих рассказах. Если же наставник действует, опираясь на здравый смысл, на рассуждение (я сам так действую), и не имеет непосредственного внушения Божия, то, наверное, приведенное наставление старца Силуана применить к нему невозможно.

Вопрос. У меня, кажется, слишком сильное пристрастие к сыру и шоколадным конфетам, так что даже иногда во сне вижу, как их предлагают на трапезе, а я ем. Очень навязчивы подобные помыслы, я как бы жду, когда будет на столе сыр. Пыталась с ними бороться - не получается. Батюшка, это очень плохо - иметь такое пристрастие, пребывая в монастыре? Надо ли рассказать об этом на исповеди и на помыслах наставнице? Мне стыдно, представляется, что мне будут говорить: "Какая глупая! Столько лет в монастыре и признается в такой глупости, не может с собой справиться". Еще кажется, что для исповеди это слишком глупое, мелкое, смешное пристрастие. Надо ли говорить о нем?

Ответ. Я считаю, что нужно. От частой исповеди оно может ослабеть и пройти. Мелкое перестает быть мелким, когда оно нами владеет. Кроме того, ради упражнения в беспристрастии, пожалуй, можно было бы нарочно отказаться именно от тех вещей, которые тебе кажутся наиболее вкусными. Если ты ешь конфеты и сыр только тогда, когда их подают на трапезе, а не самовольно, украдкой где-то достаешь их (искать их специально - это, конечно, уже чересчур), то большого вреда в том нет, но можно было бы получить немалую пользу, начав упражняться в воздержании от этих видов пищи. Отказаться от них ради того, что они тебе очень нравятся. Сыр-то еще есть позволительно, а без конфет можно прожить. Монах, наверное, в состоянии жить и без конфет, Антоний Великий, надо думать, не ел их.

Вопрос. У меня часто так бывает, что я (сама не понимаю, из-за чего) вдруг не могу молиться, даже умная молитва не дается. Я не нахожу тому причин, не в силах исправить это, начинаю унывать, метаться. До исповеди и Причастия еще далеко, и как жить все это время? Оставляет молитва, оставляет и благодать, я себя чувствую такой беспомощной, нет сил бороться с помыслами, одолевают ропот, нетерпение, злость. Послушания кажутся невыносимо тяжелыми, наставники, сестры - все раздражают. Как выйти из этого состояния? Не нахожу никакого выхода, а сразу исповедать помыслы нет возможности. Что делать, как тогда жить?

Ответ. Ничего особенного здесь нет. Я думаю, нужно просто понуждать себя и все. Понимаешь ли ты причину, из-за которой благодать тебя оставила и в душе водворилась сухость, или не понимаешь, но понуждать себя к молитве надо. А если при наступлении каких-то перемен сразу задаваться вопросом "Как жить?", то от одного этого вопроса уже жить не захочется. Необходимо понуждение. Будешь заставлять себя молиться - тогда, может быть, Господь тебе и откроет причину, по которой ушла благодать. Пусть даже и не откроет, но ради того, что ты понуждаешь себя к покаянию через молитву Иисусову, благодать может вернуться. Если же ты будешь сидеть и думать, как жить, то лучше тебе не станет.

Вопрос. В одном из поучений старцев говорится, что нам не должно обижаться на тех, кто нас ругает, оскорбляет, так как они являются лишь орудиями дьявола. Я все равно обижаюсь на человека, меня оскорбляющего. Как все-таки не обращать внимания на обижающего?

Ответ. "Семь бед - один ответ". Нужно молиться Иисусовой молитвой и постепенно победить в себе эту страсть обидчивости. Совет, как не обижаться, не поможет, если у тебя

нет благодати. Благодать же приобретается через покаяние, через борьбу с греховными помыслами. Оттого только, что ты прочтешь или получишь от старца или старицы какой-нибудь совет, тебе не станет лучше. Совет нужно исполнить. А мы хотим лишь выслушать что-то, как будто от одного этого слушания уже изменимся.

Вопрос. Много раз возникала перед глазами такая картина: на стылой земле вижу себя замерзшего, с заиндевевшими волосами. Это продолжается уже несколько лет. Имеет ли это какое-то отношение к памяти смертной или это просто наваждение, как у человека с нездоровой фантазией и маловерующего?

Ответ. На мой взгляд, это вообще не похоже на память смертную, совершенно не похоже, и я думаю, что при этом бывает и какое-то мрачное чувство. Если бы возникало чувство, заставляющее молиться, каяться и как-то связанное с воспоминанием, правильное сказать, с чувством вечности, то можно было бы полагать, что в являющемся образе есть что-то полезное, что он от Бога. В данном же случае, я считаю, это просто наваждение, для того чтобы смутить и привести в отчаяние. Иногда и дьявол внушает нам какие-либо образы, связанные со смертью, чтобы ввергнуть нас в уныние и отчаяние. Не нужно думать, что всякая мысль о смерти - от Бога, порой такие мысли бывают и от дьявола, также бывают от страсти отчаяния.

Вопрос. Когда сильно болит голова, надо ли понуждать себя делать поклоны?

Ответ. Смотри отчего она болит. Если у тебя повышенное давление, то от поклонов, наверное, будет только вред. Мне кажется, нужно просто посоветоваться с врачом. Я не могу дать определенный ответ, поскольку для этого необходимо знать причину головной боли. В принципе, из-за болезни позволительно несколько ослабить свои телесные подвиги. А для того чтобы сделать вывод о том, следует ли оставлять поклоны в данном случае и если да, то в какой именно степени, надо посоветоваться с врачом, который поставил бы тебе диагноз и сказал бы, отчего болит голова.

Вопрос. Часто после откровения помыслов, исповеди и, в особенности, после Причастия ощущаю необыкновенную легкость, радость; для меня это бывает утешением. Все кажется хорошим: весь наш монастырь, все сестры. И слушаться, и молиться очень легко, чувствую себя ребенком. Возникает такая радость, такой восторг, что все радуется, и потому всех сестер обнять готова. От легкости и радости хочется смеяться. Сначала это не мешает помнить о молитве, но потом незаметно начинаю много говорить, шутить, смеяться без меры, оттого рассеиваюсь и согрешаю в помыслах, молитва оставляет, а потом еще появляется и какая-нибудь брань. Как же удерживаться в этой радости, чтобы не выходить за пределы дозволенного? Кроме того, мне кажется, в монастыре подобное легкомысленное поведение и неумеренная радость неуместны. По этой причине чувствую себя дурочкой, однако ничего изменить не в силах. Может, мне вообще нельзя смеяться?

Ответ. От запрещения смеяться человек не перестал бы смеяться. Я думаю, что эта радость хорошая, правильная, но она переходит в радость человеческую, чего допускать нельзя. Нужно стараться сохранять молитву. Допустим, после службы, после нескольких часов молитвы, тебе трудно сделать это и хочется отдохнуть, тогда возьми почитай книгу. Таким образом, избегая людей, а именно избегая ненужного общения, занимая свой ум, свою душу духовными занятиями, ты эту радость и удержишь. Одна хорошая монашеская поговорка говорит: "Всех люби и всех беги". Вот тогда радость и сохранится - и даже, может

быть, умножится. А по поводу того, что вообще нельзя смеяться, скажу, что, возможно, и лучше было бы, если бы мы всегда плакали, подобно Арсению Великому, но мы для этого очень немощны. Конечно, излишний смех вреден и опустошает, однако иногда, по немощи, лучше пошутить, чем поддаться какой-нибудь гораздо более плохой страсти, например унынию, отчаянию или гневу. Шутки, разумеется, должны быть безобидными, не колкими, не едкими, не оскорбляющими, не обижающими сестру или брата. Безобидные, невинные, умеренные шутки, может быть, в отдельных случаях даже полезны.

Вопрос. У меня не бывает браней, чувствую себя спокойно, как ребенок на руках у взрослых, всегда есть некое чувство защищенности. Это плохо - что нет браней?

Ответ. Когда человек изо всех сил слушается, отсекает во всем свою волю, открывает свои помыслы, старается молиться, то и бывает такое чувство беспечалия. Об этом говорит преподобный авва Дорофей. Конечно, все равно возникнет какая-нибудь брань, появятся какие-то искушения, но в основном у настоящего, истинного послушника должно быть именно такое чувство. Оно совершенно нормальное.

Вопрос. В Четвертой книге Царств есть такой эпизод. Илия сказал Елисею: "Что сделаю тебе, прежде нежели я буду взят от тебя?" И сказал Елисей: "Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне" (см. 4Цар.2:9). Батюшка, можно ли, подобно Елисею, желать прийти в ту же меру, что и твой духовный наставник или духовный отец? Если и не вдвойне преуспеть, то хотя бы той же меры достичь. Это не дерзость? И как быть, если есть такое сильное желание?

Ответ. Смотря о ком идет речь. Если речь идет обо мне, то я никому не желаю прийти в такую меру, как я. Не потому, что я подобен Илие пророку, а потому, что я немощный человек. Учужу я, как мне кажется, в основном правильно, но, к сожалению, сам часто не могу всего исполнить. Я не хочу оправдываться, но и обвинять себя не желаю... В общем, на самом деле я, конечно, отнюдь не являюсь образцом для подражания. Подражать надо угодникам Божиим, таким людям, как отец Николай Гурьянов, хотя, опять же, он человек скрытый от нас. Он живет втайне, все его добродетели тайные. Что же открыто для нас? - Его прозорливость и необыкновенная доброта, она сквозит во всем его виде. А как он живет и в чем ему подражать - мы ведь этого не знаем, такие люди утаивают свою внутреннюю жизнь. Я думаю, есть здесь среди нас один человек, достойный подражания, но я не буду говорить, кто, потому что при публике, так сказать, это невозможно. Вообще, нас нельзя ставить в пример, на то есть угодники Божии. Не будем много мечтать о себе. Подражать, наверное, можно в каком-то определенном отношении. Допустим, с отца А., быть может, позволительно брать пример в том, что он является ревнителем Православия, сколько-то начитан в святых отцах. Какой-нибудь сестре можно подражать в трудолюбии, например, а другой в том, что она очень послушная. Это будет разумно, так нам советует делать святитель Игнатий Брянчанинов - видеть в каждом какую-нибудь добрую черту и стараться перенимать ее.

Вопрос. Святые отцы дают совет во время поношения воспринимать бранные слова так, как будто они относятся не к тебе. Но мне кажется, что так можно впасть в пренебрежение к ближним. Видимо, это применимо не ко всякому случаю. Объясните, пожалуйста, как правильно понимать этот совет?

Ответ. Имеется в виду не то, чтобы в буквальном смысле воспринимать поношение так,

как бы оно относилось не к тебе, а что нужно сохранять такое же спокойствие в душе, как будто говорят не тебе. Вот что, мне кажется, имеют в виду святые отцы. Потому что иначе это действительно было бы пренебрежением. Такое восприятие - это, скорее, результат, чем средство. Средство здесь - молитва, унижение себя, смирение перед ближним, результат же - при поношении пребывать таким спокойным, будто говорят не мне, а кому-нибудь другому. Допустим, благочинный ругает какого-нибудь послушника за то, что он во время службы вел себя не как подобает. А он говорит: "Это ко мне не относится" - и пребывает совершенно спокойным. Такое поведение, я думаю, неуместно. Или экононом на кого-нибудь кричит: "Что ж ты сделал? Я же тебе сказал вот то сделать, а ты сделал это, неужели не понимаешь, что от тебя требуют?" А тот отвечает: "Ко мне это не относится" - и продолжает делать то, что делал раньше. Эконом в бешенстве убегает, а человек тот пребывает совершенно спокойным и думает: "Вот какой я бесстрастный". Довел всех вокруг себя "до белого каления", а сам остается невозмутимым и полагает, что он бесстрастный. Это говорит отнюдь не о смирении, но, скорее, о гордости. Конечно, тому человеку хорошо, а нам-то каково?

Вопрос. Вероятно, я неправильно понял, но мне показалось, будто Вы сегодня утром говорили, что сейчас не надо благодарить Бога.

Ответ. Я не говорил, что сейчас не надо благодарить Бога. Бога надо всегда благодарить. Литургия, точнее, Евхаристия - это значит благодарение. Как я могу такое говорить, когда я во время Литургии, воздевая руки, всех вас призываю: "Благодарим Господа". Как же после этого я скажу, что сейчас не надо благодарить Бога? Речь шла о том, что нужно смиряться и упор делать не столько на благодарении - потому что здесь можно впасть в гордость, - сколько на покаянии, но я не говорил, что сейчас не надо благодарить Бога. Нужно всегда Его благодарить за те бесчисленные благодеяния, которые Он на нас изливает. В литургической молитве есть такие слова: "...о всех явленных и неявленных благодеяниях, бывших на нас". Мы должны за все непрестанно благодарить Бога, и кто Его не благодарит, тот просто безумный, почти что лишившийся рассудка человек. Я считаю так. Речь шла просто о том, что больше стараний надо прилагать к покаянию, необходимо придавать ему кардинальное, первостепенное значение. Можно сказать, что от покаяния возникнет и настоящее, неподдельное благодарение.

Вопрос. Как-то во время молитвы мне вдруг стало казаться, что я умираю, как будто наступили последние минуты жизни. Может быть, это бесовское наваждение?

Ответ. По моему мнению, это действительно похоже на бесовское наваждение. Еще раз говорю: лучшая и полезнейшая память смерти - безвидная, не отвлекающая от молитвы. Человек может размышлять и представлять себе, допустим, что он умирает при каких-то обстоятельствах, например дома на кровати или в больнице, или еще что-нибудь подобное. И это, полезно или бесполезно, хорошо или плохо, является естественным проявлением силы человеческого воображения. А когда вдруг сама собой является перед глазами какая-то картина, то это уже очень подозрительно, и я бы посоветовал не принимать подобного рода образы, потому что прелесть может действовать "под каким угодно соусом", под любым видом, даже под видом памяти смертной. Так было у упомянутого мною основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы. Он одним действием ума способен был представить себе вечные адские муки, огонь или, с такой же легкостью, вечное блаженство. А он был в глубочайшей прелести! Раз он изобрел такой принцип, как "цель оправдывает средства" (этим принципом

по сей день руководствуется орденом иезуитов), то, конечно же, он не мог быть святым человеком. Потому что служение Христу, угождение Богу требует соответствующих средств, но невозможно служить Богу при помощи каких-то преступных средств. Несомненно, Игнатий Лойола был прельщенным, и сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться в этом.

Вопрос. Один батюшка сказал мне, что в последние времена бесы не будут бояться святой воды и крестного знамения. Чем же тогда защищаться?

Ответ. Я думаю, что все зависит от нашей веры. Бесы, может быть, не будут бояться святой воды и крестного знамения из-за нашего маловерия. Святая вода или крестное знамение не потеряют силу, но бесы перестанут их страшиться потому, что мы не будем иметь должной веры. Расскажу такой эпизод. В Глинской пустыни (это было уже в наше время, в пятидесятых годах) некая колдунья тайно подсунула монаху, кажется, молоко или что-то подобное - заколдованное. Старец, который был соседом по келье того неопытного монаха, прозрел это и, прежде чем тот выпил заколдованное молоко, пришел к нему и сказал: "Ты его не пей". Монах спрашивает: "Почему?" Старец объяснил ему, какова причина. Тот говорит: "А я его перекрестил". "Нет, - возразил старец, - этого мало". Потом он сам перекрестил молоко и сказал: "Теперь можешь пить". Крестное знамение, понятно, одно, но различна сила веры и действие благодати, зависящее от этой веры. Поэтому, может быть, и не будут бесы бояться святой воды и крестного знамения - из-за нашего маловерия. А чем защищаться? Опять же, крестным знаменем, молитвой, святой водой и всем, что нам предлагает Святая Церковь. Если же оставим крестное знамение под предлогом того, что бесы его уже не боятся, то, пожалуй, придется идти в баптисты. Святой воды нет, крестного знамения нет - так мы и от баптистов ничем не будем отличаться. Я думаю, что мои слова вы не воспримете буквально.

Вопрос. При воспоминании о смерти в транспорте, например, охватывает страх, что могу умереть без покаяния и Причащения. Молитва в тот момент творится, но она не очень внимательная. Если произойдет авария и я погибну, то с какой душой предстану перед Богом? Простятся ли грехи, если у меня такая невнимательная молитва? Может быть, я не спасусь? Подобное происходит со мной и в течение дня, и перед сном.

Ответ. Я полагаю, что если все эти размышления отвлекают от молитвы, я бы даже сказал, не усугубляют молитву, не делают ее более внимательной, истовой, покаянной, то, значит, они чисто человеческие; и нужно думать не о том, что можешь умереть без Причащения, - о таких вещах, по-моему, размышлять не стоит. Не всякий человек, умерший с Причащением, обязательно спасается, и не всякий, умерший без него, непременно погибает. Надо просто думать о покаянии и, конечно, желательно помышлять, что ты уже как бы умер, предстоишь перед Господом и умоляешь Его о прощении грехов и что, когда ты на самом деле предстанешь перед Ним, у тебя уже не будет времени умолять о помиловании и нужно молить об этом заранее. А где ты умрешь: в аварии или на своей кровати у себя дома - это даже не столь важно. Я считаю, нужно постоянно молиться, Господь даст время для покаяния, если только мы действительно его ищем.

Вопрос. Иногда при молитве приходит, но ненадолго, воспоминание о смерти и размышление о ней. Что сделать, чтобы продлить эти размышления? Или это только действие благодати, а не результат своего понуждения?

Ответ. На мой взгляд, это более действие благодати, чем следствие понуждения, и искусственно продлевать воспоминание о смерти не надо. Постепенно, постепенно оно будет развиваться. Правильнее воспринимать его как веху, как ориентир. Понуждать же себя к этому нужно с некоторой осторожностью.

Вопрос. У Нила Мироточивого в "Посмертных вещаниях" все описано так выразительно, что даже появляется уныние и спасение кажется уже невозможным.

Ответ. Унывать не нужно, читаем мы книги не для того, чтобы унывать, а чтобы исправляться. Есть такая русская поговорка: "У Бога милости много". Вот на что мы должны надеяться, а если мы будем думать только о своих делах, то, пожалуй, все отчаемся.

Вопрос. Я сама в себе путаюсь, - например, порой мне непонятно, действительно ли я согрешила осуждением, так как все было как-то неявно, но все же чувствую, что это было неправильно.

Ответ. Я думаю, надо исповедать это. Если сомневаешься, согрешила или нет, то необходимо о том, что было, рассказать при откровении помыслов и, наверно, на исповеди.

Вопрос. При чтении Евангелия и святых отцов иногда одолевает такая рассеянность, сухость, что трудно понять прочитанное и ничего не запоминается. Как с этим бороться?

Ответ. Как бороться? "Повторение - мать учения". Вот такой простой ответ. Об этом говорит даже Иоанн Дамаскин. В своем труде "Источник знания", в "Философских главах", он рассуждает о том, что мы должны читать и святых отцов, и Священное Писание, и даже философов, но у последних выбирать то, что полезно и может нам, так сказать, пригодиться (сами мы, конечно, делать такую выборку не способны, это удел людей просвещенных Духом). Но он настаивает, что нужно прочитывать и один раз, и другой, и третий. Таким внимательным чтением мы и приобретаем знания. Все очень просто: чтение святых отцов, Священного Писания - это не развлечение (хотя оно и приносит некоторое утешение), а скорее, труд. Мы же привыкли читать книги ради удовольствия. Мы читаем романы, которые отличаются друг от друга только обложками, смотрим подобные же фильмы, и, конечно, отсюда у нас возникает такое потребительское отношение к чтению. К книгам Священного Писания и святоотеческим мы относимся так, как привыкли, и читаем их мимоходом, а их надо, скорее, изучать, чем читать.

Вопрос. Каким подвигам должны особенно прилежать монахи в наше время?

Ответ. Для монахов нашего времени, не имеющих возможности совершать какие-то особенные подвиги, осталось два подвига: непрестанная молитва и послушание. Благодаря им можно даже прийти в состояние совершенства. Преподобный Григорий Синаит говорит, что послушание - это удивительная лестница, состоящая лишь из одной ступени, которая возводит человека на Небо.

Вопрос. Что означают слова святителя Игнатия: "Милосердствует во мне плоть, милосердствует во мне кровь, милосердствует пристрастие, тщеславие. Но того, чтобы милосердствовала заповедь Божия, - этого не нахожу в себе". Это значит, что надо делать добро ради заповеди и каяться, если поступаешь иначе, или делать его тогда, когда не хочется, и тому, кому не хочется?

Ответ. Святитель Игнатий здесь имеет в виду мнимое милосердие, то, которое происходит от падшего человеческого естества. Во всех нас оно есть, иногда оно бывает сравнительно невинным, допустим когда мы кошечку гладим. Иногда - более вредным, когда

мы, например, жалеем своих родных и под предлогом этой жалости думаем, что нам не нужно идти в монастырь или что мы уйдем из монастыря, так как в противном случае наши родные будут огорчаться и, возможно, заболели и умрут. (И они действительно могут заболеть и умереть, все может быть). Все это и есть милосердие, когда милосердствуют плоть, кровь и прочее. Милосердствует страсть. Бывает такое милосердие, которое мужчина проявляет почему-то именно к женщине, а женщина - к мужчине, здесь тоже милосердствуют плоть и кровь. То же самое скажем и о милосердии к людям одной с тобой национальности, если ему сопутствует ненависть к людям другой национальности. Были приведены примеры ложного, нехристианского милосердия, милосердия падшего естества. А милосердие истинное - оно чисто христианское, то есть евангельское. Иногда оно приобретает такой вид, что кажется ненавистью, как Спаситель говорит: "Кто не возненавидит отца своего, мать, жену свою, детей, не может быть Моим учеником" (см. Лк.14:26). Итак, есть добро естественное, смешанное со злом, святитель Игнатий называет его добром падшего человеческого естества. Оно всегда нечисто, хотя в то же самое время благодаря этому добру, которое сохранилось в нашем естестве, мы способны услышать проповедь о добре истинном, чистом, евангельском. Если бы в нас не было остатков истинного добра, то мы и не могли бы ничего услышать; демоны, например, не в состоянии воспринять евангельскую проповедь. Но само по себе оно всегда действует вместе со злом. Например, я делаю добро и тут же этим тщеславлюсь, горжусь или примешиваются так или иначе другие страсти. Может быть, это не во всех случаях очевидно, однако всегда имеет место. А чистое добро - добро собственно евангельское. Объяснить в двух словах, в чем состоит евангельское добро трудно. Оно отсекает, отделяет то, что в нас есть доброго, от злого. Оно проходит "до разделения души и тела", как и Апостол Павел говорит: "Слово Божие проходит до разделения души и тела" (см. Евр.4:12). Вот чему нужно учиться. Но без молитвы, в особенности без молитвы Иисусовой, трудно научиться этому чистому добру. Мы часто путаем добро истинное и добро падшего человеческого естества. Приведу возмутительный, я бы сказал, пример добра падшего естества. Сейчас нередко устраивают разные соревнования инвалидов: олимпийские игры инвалидов, бег инвалидов, состязания альпинистов-инвалидов. И вот мы видим, как они мчатся на своих колясках... Или танцы для инвалидов: какая-нибудь миловидная, красивая женщина танцует с инвалидом. Казалось бы, так проявляют любовь к инвалидам. Какая же это любовь? Отчасти все это делается напоказ: как бы показывают свою доброту. Вместо того чтобы учить инвалидов покаянию, заставлять их больше думать о вечности и смиряться, они возводят их в прежнее состояние и учат гордости. Им как будто внушают: "Вы ничем не хуже нас". Это омерзительно, гнусно, я бы сказал. Однако сейчас это очень распространено.

Вопрос. Постоянно пью кофе, так что появляется к нему привычка и без него уже не обойтись. Не становится ли это обыкновение страстью, как курение, например? И что лучше: сразу попить кофе или сначала побороться со сном?

Ответ. Лично я не пью кофе только потому, что здоровье не позволяет. Я пил и кофе, и чай, но сейчас, к сожалению, нельзя. И мне стало гораздо тяжелее: усугубилась общая вялость и т.д. Боишься, что обыкновение твое - это пристрастие? Если ты пьешь кофе ради бодрости, то это не пристрастие. А если ради удовольствия, то, наверно, какое-то пристрастие есть. Здесь нужно рассудить. Привычка не значит пристрастие, мы ведь и хлеб,

и соль привыкли есть. Кто из нас сядет кушать, если ему хлеб не подадут? Он почувствует, что не наелся, хотя бы он и очень много съел. И такую потребность в хлебе испытывает большинство, по крайней мере у нас в России люди привыкли есть его помногу. Что отсюда следует? Что хлеб стал для нас наркотиком? А если мы не можем есть без соли, то, значит, она тоже для нас является наркотиком? Есть, конечно, такие врачи, которые учат бессолевой диете, но я думаю, что она горю не поможет и мы все равно будем болеть - хоть с солью, хоть без соли. Так что привычка не равнозначна пристрастию. Пить ли кофе сразу или потерпеть? Не знаю, зачем и время тратить, лучше попить кофе сразу. Если ты себя изучил и знаешь, что ты немощный, то и пей немедля. Ради чего "подвизаться" три часа над исполнением дела, которое можно было бы исполнить за полчаса или за час? Будешь бороться с собой, потом скажешь: "Нет, все-таки надо выпить кофе". Так что лучше сделать это сразу и не мучить себя.

Вопрос. Почему в то время, когда Моисей был на горе, а народ израильский бесчинствовал, Аарон все-таки уступил народу и сделал золотого тельца для поклонения? Было ли Аарону за это наказание от Бога?

Ответ. Объясняют его поступок так: видя, что народ совершенно поддался искушению и хотел вернуться в Египет, Аарон пошел на то, чтобы сделать им идола - золотого тельца, лишь бы они не вернулись в Египет. И это было ему извинением; Моисей его, так сказать, извинил, потому что Аарон ради того, чтобы не допустить большего зла, сделал меньшее. Наказания ему за это как будто бы не было.

Вопрос. Зачем Господь заповедал с такими удивительными точностями, как устроить Ковчег Завета?

Ответ. Имеется в виду Ковчег, где хранилась манна? Да? Наверное, для того, чтобы люди ничего не сделали от себя. Поскольку в то время был только один человек, имевший великую благодать и общавшийся с Богом, - Моисей, то через него все, что относилось к устройению Ковчега Завета, было подробно указано. Во времена Нового Завета таких людей уже было много: апостолы, святые отцы, - благодать действовала более полно, и потому не все, касавшееся богослужения, было возведено сразу с такой же степенью подробности. По крайней мере это не было сразу записано, а преподано устно через апостолов. Потом все это постепенно развивалось и совершенствовалось, потому что немало было людей, исполненных благодати. А во времена Моисея требовалось подробное и точное описание, чтобы не было привнесено ничего человеческого, чтоб не дать повода к какому-то человеческому измышлению, допустим к идолопоклонству. Вот почему все было так точно описано. К тому же Ковчег, видимо, имел символическое значение. Ковчег - это прообраз Божией Матери, на что указывает и пророк Давид. Он говорит: "Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоя" (Пс.131:8). "Кивот святыни" - это Божия Мать, Которая содержала в Себе Само Слово Божие, Самого Сына Божия, наподобие того, как в Ковчеге содержались, например, манна и принесенные с горы скрижали. Манна - образ Спасителя, пришедшего в мир и дающего Себя в пищу верным, а скрижали - изображение Его учения. Итак, все, касающееся устройства Ковчега Завета, было точно описано для того, чтобы не дать повода к какому-то искажению. Я понимаю так.

Вопрос. Является ли богомыслием так называемая христианская медитация, в которой упражняются папа римский и многие католики, погружая себя в видения ада, рая и т.п.?

Ответ. Само слово "медитация" - такое загадочное - в переводе означает "размышление". Многие слова иностранного происхождения, если их перевести, оказываются самыми обыкновенными. Конечно, такая медитация является богомыслием, но последнее не всегда полезно. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит, что, вообще, для человека неподготовленного, не знающего православного учения, духовно неопытного оно может принести вред, и не рекомендует иного богомыслия, кроме размышления о смерти, то есть того вида богомыслия, который смиряет. Правда, здесь упоминаются и размышления об аде, но они тоже могут привести человека к прелести. Если он будет представлять себе все чересчур образно, развивать в себе воображение, то это также будет прелесть, хотя человек вроде бы размышляет о смерти, об адских муках. И это будет не смирять его, а лишь приводить в гордость, так как ему будет казаться, что вот ведь он какой: владеет своим умом и может во мгновение ока изобразить перед собой адские муки (такой способностью, как мы уже говорили, обладал основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола). Потому формально эта "христианская медитация" - богомыслие, но поскольку она не наполнена православным содержанием, то она, без сомнения, является прелестью, как бы верным путем к ней. А то, что так делает папа римский, еще более удостоверяет меня в правильности сделанного заключения. Для меня папа римский не является авторитетом.

Вопрос. Когда молюсь Иисусовой молитвой, сначала, от сильного чувства своей греховности, оттого, что молюсь с каким-то огнем в груди и со слезами, испытываю успокоение, тишину, умиление, любовь к Господу. От этого в груди возникает теплое чувство и появляется радость. Но неожиданно все опрокидывают хульные помыслы, тут же все пропадает, теряется, и я ничего не могу вернуть. Что делать? В последнее время хула мучает особенно сильно. Почему?

Ответ. Не надо поддаваться, не следует обращать на нее внимание. А почему мучает? Почему бы ей не мучить? Что тогда должно нас мучить? Мы хотим, чтобы у нас было так: любовь, мир, смирение, покаяние, милосердие и далее все лучше, лучше, лучше. А когда же брань будет? Святые отцы говорят: "Кто не в борении, тот в прелести". Когда приходят хульные помыслы, нужно ими пренебрегать, презирать их, как учат святые отцы. Если будем обращать на них внимание, размышлять о них, разбираться в них, то они будут усугубляться и совсем нас измучат. Конечно, иногда хульные помыслы бывают от гордости. Но даже в этом случае все равно надо стараться относиться к ним пренебрежительно. Если с блудными помыслами нужно бороться, то на хульные - не обращать внимания. Таково лекарство против них. Не знаю, почему человека удивляет, что у него брани. Я бы удивился, если б у меня не было брани. Отсутствие брани, внутренней борьбы почти всегда означает, что человек либо находится в прелести, либо впал в такое глубокое нерадение, что демоны его не искушают.

Вопрос. На общем правиле при совершении земных поклонов ведущий правило читает молитву вслух. Как быть: мысленно повторять за ним или углубляться в слова своей молитвы?

Ответ. Я думаю, что надо примеряться к тому, кто читает правило, а уже тогда, когда начинают молиться молча, можно углубляться в молитву.

Вопрос. Бывают люди с характерами тихими и спокойными, а бывают, напротив, с буйными и строптивыми. Сильно ли характер влияет на умное делание?

Ответ. Это зависит от произволения человека. Человеку с тихим, спокойным характером, но нерадивому, тихий характер не принесет пользы. А если человек с буйным и строптивым характером будет с собой бороться и понуждать себя изо всех сил, то он может получить еще больше благодати, потому что приложил больше усилий к тому, чтобы победить свои страсти. Поэтому в конечном счете все зависит от произволения человека, а произволение - на то оно и произволение, чтобы быть совершенно свободным и не зависеть ни от чего: ни от погоды, ни от воспитания, ни даже от собственного характера. Бывали случаи, как мы знаем из церковной истории, когда страшные разбойники и убийцы калялись, и случалось, что люди добродетельные, воспитанные в христианских семьях, жили нерадиво и не получали от своего христианского воспитания никакой пользы.

Вопрос. Как правильно среди мира сохранять внимание и избегать соблазнов?

Ответ. Это слишком обширный вопрос. Нужно стараться никогда не оставлять молитву и, по возможности, творить ее внимательно, иметь ревность ко внимательной молитве. Во-первых, прикладывать все усилия к тому, чтобы сохранить молитву и приучить себя, насколько это вообще от человека зависит, молиться непрерывно, во-вторых, присоединить к этой непрерывной молитве стремление, старание молиться внимательно, по возможности. Также стараться ни во что постороннее не вникать, не интересоваться ни тем, что вокруг тебя происходит, ни тем, кто что делает, ни тем, кто как одет. Ни к чему не проявлять никакого любопытства, как бы быть ко всему безразличным. С точки зрения падшего естества, с точки зрения гуманистического понятия о том, что такое добро, это кажется нелепым. На самом же деле это весьма полезно - относиться к людям и вообще ко всему, что вокруг тебя происходит, совершенно безразлично, как бы быть эгоистом ради молитвы. Тогда будет сохраняться некоторое внимание. Допустим, ты поведешь себя иначе, будешь думать: "Ой, бабушка упала, ой, дедушка споткнулся, ой, у него из кармана хотят сейчас что-то вытянуть. А эти ругаются, надо им сказать, чтоб они не ругались. Зачем они матерятся? Сейчас я им сделаю замечание". Однако ты никому не поможешь, ничего не исправишь, никакого добра на самом деле не сделаешь, а только развлечешься. Конечно, я не имею в виду, что не надо помогать человеку, когда он нуждается в помощи, например не поднимать упавшего, думая: "Пусть лежит себе, лишь бы я не рассеивался". Я говорил шутя. Есть случаи, когда действительно необходимо помочь, проявить какую-то отзывчивость - это само собой разумеется, но по большей части то, на что мы обращаем внимание, не имеет значения. Главное, никому ничего не проповедовать и не вступать ни в какие споры. Надо хранить глаза, слух и уста. Тогда, насколько возможно, будешь нерассеянным. В особенности же нужно заботиться о том, чтобы Иисусова молитва была непрерывной и внимательной.

Вопрос. Как узнать, правильно ли ты перенесла брань?

Ответ. Если судить по результату, то о правильном перенесении брани свидетельствуют следующие признаки: не очень сильно поддалась помыслам, не слишком осквернилась, в конечном счете не исполнила того, что тебе внушали помыслы. Если же делать заключение по самому действию, то признаки, наверное, будут таковы: сохранилось внимание при молитве, в ней стало, может быть, больше умиления, прибавилось покаяния, смирения. Все это значит, что брань перенесена правильно. Неправильно - если проявила нетерпение, малодушие, уныние. Я думаю, что от правильного прохождения браней в человеке должно усиливаться мужество, в этой борьбе он как бы закаляется. Иногда подвижники, ведущие

брань с дьяволом, приобретают такое мужество, что уже не боятся самой смерти, - такого напряжения требует от них духовная борьба. Вообще-то, вопрос этот очень тонкий. Хорошо было бы все-таки посоветоваться с духовником, рассказать, что происходило в твоей душе, в чем ты согрешила, в чем проявила твердость, мужество, в чем поддалась, в чем сопротивлялась и так далее и каков был результат, - все это надо подробно описать. Трудно, наверное, дать общий, универсальный совет. По крайней мере, я не могу ответить вполне определенно, точно.

Вопрос. Отчего бывает и как преодолеть чувство тяжести, возникающее в душе по непонятной причине?

Ответ. Действительно, иногда по неизвестной причине появляются уныние, сухость, тяжесть. Конечно же, на самом деле это означает, что мы в чем-то согрешили, но не умеем осознать свой грех; не можем понять, вычислить, в чем здесь причина. Думаю, что нужно упорно молиться Иисусовой молитвой, и тогда либо эта тяжесть сама по себе пройдет, либо, может быть, нам откроется причина нашего тяжелого душевного состояния и мы найдем возможность исправиться. Я считаю, в любом случае усердная Иисусова молитва должна помочь, хотя бы мы вначале и не понимали, отчего так с нами происходит.

Вопрос. Чем отличаются смирение, скромность и комплекс неполноценности?

Ответ. Скромность - это понятие вообще не аскетическое. Скромность может быть и в человеке застенчивом, и в человеке воспитанном (то есть воспитанный человек ведет себя скромно), но присутствие в нем этого качества отнюдь не обозначает, что он смиренный. И человек может быть невоспитанным, не знающим правил вежливости, но смиренным. Такой может иногда поступить грубовато, не сказать "простите", "пожалуйста" и вести себя таким образом, что у неопытного человека создастся о нем впечатление как о человеке дерзком. На самом же деле он просто не обучен правилам приличия, но нельзя отсюда делать вывод, что он несмиренный. Наоборот, человек может быть внешне скромным, внутренне же совершенно гордым; такой, однако, умеет себя вести, знает, кому, и когда, и где поклониться, где сказать "спасибо", где сказать "пожалуйста", где скромно улыбнуться, где сделать серьезное лицо; он не выставляет себя, не высказывает откровенно своих мыслей, возможно даже хороших, и таким образом производит впечатление человека смиренного. Но в действительности он таковым не является, он просто воспитанный. Это было сказано о светском понятии скромности. Иногда же скромность бывает частью смирения, одной из его сторон, свойств. В таком случае человек внешне ведет себя смиренно: не выставляет напоказ своих добродетелей, своего образования и других своих каких-то особенных качеств. Здесь скромность - это проявление смирения. Может быть и такое. Что сказать о комплексе неполноценности? Если скромность - понятие двусмысленное, то комплекс неполноценности - вполне однозначное. Оно совершенно светское и, если не ошибаюсь, берет свое начало из учения Зигмунда Фрейда. Фрейд ведет речь о разных комплексах. У кого, по его мнению, нет комплекса неполноценности? Допустим, некрасивая девушка считает себя красавицей, значит, у нее его нет. Она не хочет посмотреть на себя, не желает увидеть, какая она есть на самом деле. Она оденется вызывающим образом, как следует накрадется, воспользуется разными духами и дезодорантами - и вот, у нее уже нет комплекса неполноценности. Или человек со скромными, так сказать, умственными способностями и скромным образованием научится развязно говорить, вовремя, при ком

нужно произносить слова иностранного происхождения, и будет казаться, что он очень умный. Так он победит свой комплекс неполноценности. Мне кажется, что гораздо страшнее комплекса неполноценности - комплекс полноценности. Возникновение его у человека - вот это уже страшно. Ужасно, когда человек уверен, что он во всех отношениях полноценный: красивый, умный, образованный, богатый. Иногда встречаются такие люди, и мне кажется, что очень тяжело с ними общаться. Например, заходит некто с комплексом полноценности в автобус и начинает грубо себя вести, сквернословить и так далее. Получается, что люди неполноценные, по сравнению с ним, не знают куда деться от этого полноценного. Кроме того, что Зигмунд Фрейд разумел под комплексом неполноценности? Человек осознает, что у него есть какие-то недостатки, допустим что он некрасивый, или что он, может, имеет даже какие-то страшные пороки, противоестественный разврат например. С точки зрения фрейдизма это комплекс неполноценности. Какого-нибудь развратника убеждают: "Ничего страшного, что вы гомосексуалист, чувствуйте себя свободно, чувствуйте себя, так сказать, вольготно, это всего лишь особое свойство, просто вы принадлежите к сексуальным меньшинствам". Таким образом, людям с самыми разнообразными страшными пороками, с душевным уродством внушается, что они во всех отношениях полноценны. Это очень распространенная на Западе разновидность психологии. Психоанализ, вместо того чтобы призывать людей к покаянию, внушает им, что, несмотря на все свои недостатки, пороки и прочее, они полноценны. "Ничего страшного. Живите спокойно, не мучайтесь, не страдайте". Это есть нечто противоположное исповеди.

Вот что такое комплекс неполноценности, и со смирением ничего общего он не имеет; отождествлять эти два понятия нельзя. Комплекс неполноценности представляет собой иногда обличение совести, а иногда - ущемленную гордость. Допустим, девушка видит, что она некрасива, и от этого переживает, или какой-нибудь человек чувствует, что он по своим умственным способностям уступает тем, кто его окружает, и оттого скорбит. Или, скажем, кто-то завидует своим соседям или друзьям - богатым, преуспевающим в материальном отношении, ощущает себя по сравнению с ними каким-то неполноценным. Некоторые из-за каких-либо своих пороков чувствуют себя ущемленными по сравнению с людьми нравственными. Смирение же, как говорят святые отцы, это не то, когда совесть тебя в чем-либо упрекает; оно приходит не прежде, чем человек примирится с совестью. Поэтому не нужно путать обличения совести со смирением. А комплекс неполноценности - явление довольно-таки частое. Если брать во внимание нравственную его сторону, то следует видеть в нем либо обличения совести, либо, как я сказал, ущемленную гордость и вообще ущемленные страсти. Я бы посоветовал православному христианину это понятие совсем устранить из своей души и даже из своего лексикона и не употреблять, хотя бы и в самом "ходячем" смысле, такое выражение, как "у меня (или у тебя) комплекс неполноценности". Мы сами не знаем, что говорим.

Вопрос. Верно ли, что человек живет до тех пор, пока может приносить добрый плод?

Ответ. Я думаю, что нельзя относиться к этому так однозначно. Иногда Бог долготерпит человека, хотя уже совершенно ясно, что никакого плода он не принесет, но все же Господь долготерпит, предоставляя возможность покаяться. Кроме того, некоторые люди живут ради других людей, потому что все мы связаны. В сегодняшней притче говорилось о том, как пастух отделяет овец от козлищ; мы также похожи на стадо, которое вперемешку пасется в

этом мире, только в будущей жизни мы будем разделены. Потому существует взаимосвязь и зависимость между некоторыми верующими, благочестивыми людьми и некоторыми неверующими. Иногда это современники, которые так или иначе влияют друг на друга, иногда от нечестивых родителей рождаются люди благочестивые. Об этом можно только догадываться, только одному Богу это ведомо. Бывает, что люди нечестивые живут на земле в благополучии, даже в роскоши, в счастье, ради того чтобы потом они не говорили, что Бог им в этой жизни ничего не даровал, чтобы не упрекали Его, что Он не дал им повода для покаяния, для спасения. Ведь само это благополучие для немощных людей является предлогом для того, чтобы благодарить Бога. Нельзя однозначно сказать, что каждый человек живет только до тех пор, пока может приносить добрый плод. Возможно, к некоторым людям это и относится, а именно к тем, кто духовно развивается; пока такой человек не достигнет, так сказать, своего пика в духовной жизни, Господь его оставляет жить на земле. Иногда кажется, что человек умер преждевременно, на самом же деле он уже находился на вершине своего нравственного развития, для него самого кончина была полезной. В советское время у нас в Н был архиепископ Никон (Петин), человек высокодуховной жизни, милостивый, проповедник, истинный святитель. За некоторое время до его внезапной кончины одной женщине было такое видение. В Успенском кафедральном соборе, верхний храм которого освящен в честь Успения Божией Матери, а нижний - во имя святителя Николая, в левом приделе, она увидела как будто бы виноградные лозы, и из них что-то истекало: сок или вино - я точно не помню этого видения. Словом, увидела она как будто зрелый виноград или нечто подобное. Она не понимала, что это значит. Через некоторое время владыка Никон попал в аварию (видимо, подстроили ее коммунисты), после этого он уже не оправился и умер. Его похоронили в том самом месте, где женщина видела виноградные лозы. Там, где ей казалось, что был виноград, находились две иконы: одна в честь того святого, имя которого владыка носил в монашеском постриге, другая в честь того святого, имя которого он носил в миру. Таким образом она поняла, что означает бывшее ей видение, и другим о нем рассказывала. То есть виноград уже созрел, пришла пора его срывать. Хотя архиепископу Никону в то время было пятьдесят четыре или пятьдесят шесть лет и он был и физически крепким, и совершенно здоровым человеком.

Вопрос. Если все в нас Божье, то и любовь к Нему тоже Его дар. Значит, тот, кто не очень любит Бога, не виновен.

Ответ. Любовь, конечно, дар, но порой случается и так, что Господь нам что-либо дарует, а мы отвергаем. Тогда получается, что мы виновны, так как Господь, может быть, не сразу подает человеку совершеннейший дар любви, но что-то малое все равно ему дарует. Если человек принимает это, то Бог дает ему больше, и так в человеке постепенно развиваются дары Божий. Поэтому тот, кто не очень любит Бога, я думаю, все-таки виновен, а вина его в том, что он поданный ему дар не принял, не усвоил себе, не развил в себе и вообще, можно сказать, не понуждал себя к доброму. "Без понуждения не может быть спасения" - есть такая монашеская поговорка.

Вопрос. Вы сказали, что евангельские слова "Блаженны нищие духом" обозначают, что блажен человек, который ни к чему не имеет пристрастия. Читал в толкованиях, что нищим духом назван тот, кто ничего о себе не думает, то есть нищие духом - люди смиренные. Одно ли это и то же толкование? Вижу между ними тесную связь.

Ответ. Святитель Григорий Палама толкует, что нищие духом - это люди беспристрастные, а святитель Феофилакт Болгарский (не знаю, заимствовал ли он это у Иоанна Златоуста или у кого-то еще) толкует нищету духовную как смирение. Я думаю, что смирение не может прийти прежде покаяния, а у нас заповедь о плаче - "Блаженны плачущие" - стоит на втором месте. Сначала "Блаженны нищие духом", потом - "Блаженны плачущие". Если нищие духом - это смиренные, то о чем тогда им плакать? Поэтому я считаю, что толкование святителя Григория Паламы более правильное, чем толкование Феофилакта Болгарского.

Вопрос. Вы говорили, что человек живущий правильно, а учащий криво Царствия Божия не наследует. Что думать об архимандрите Софронии? Имею в виду его отношение к новому стилю, ведь он проповедовал его.

Ответ. Я уже говорил, что всякий человек может ошибаться, даже высокодуховный. Например, святитель Игнатий рассказывает о священнике, которому всегда сослужил Ангел, и тем не менее священник этот имел некоторые еретические мнения. Если бы дьякон, случайно странствовавший в тех местах и ему сослуживший, не обнаружил этих мнений и не обличил бы его, то он, пожалуй, и продолжал бы так думать. Но все же, несмотря на его ошибку, Ангел во время Литургии от священника того не отступал. Возможно, то же самое было и со старцем Софронием. Необходимо учитывать ту толщу неведения, так сказать, которая поначалу отделяла его от познания истины и которую он преодолел, и поэтому Господь, может быть, оказывал ему снисхождение в некоторых его второстепенных заблуждениях.

Часть 5. О борьбе со страстями

Сегодня мне хотелось бы коснуться темы борьбы со страстями. Конечно, я не смогу полно пересказать Иоанна Лествичника или преподобного Иоанна Кассиана - великих отцов, да, наверное, это и не имеет смысла, потому что их творения лучше прочитать самостоятельно. И нет у меня намерения сказать что-то особенно новое: конечно же, я один из самых немощных, самых, может быть, неудачных учеников этих святых отцов (однако же мнею, что нахожусь в числе их учеников). Поэтому ничего принципиально нового я сказать, разумеется, не могу. Но так как я сам вынужден этим заниматься и поскольку являюсь вашим современником, то, возможно, я скажу что-то интересное именно для нас - людей современных, потому что в каждое время опыт борьбы со страстями, в связи с многообразием пороков и развитием греховности, немного интерпретируется. А в принципе, по сути своей он остается тем же, каким был во времена даже не святых отцов, а святых апостолов, то есть в самые древние христианские времена, в начале Христианства.

Я говорил уже, что учение о страстях несколько условно. Например, преподобный Нил Мироточивый говорит, что страсти тьмочисленны, то есть число их бесконечно. Большинство отцов принимает классическое деление страстей на восемь главных. Некоторые считают, что их семь. Иные, еще более упрощая это деление, говорят, что основных страстей три или даже две. Но когда мы говорим о бесчисленности страстей, то перечислять их, наверное, невозможно и бессмысленно, потому что множество это порождается неисчислимым, бесконечным разнообразием страстей, сочетающихся между собой, действующих с различной силой. Я же скажу о восьми главных страстях. Начну называть их: гордость и тщеславие. Некоторые из отцов почитают эти две страсти за одну, например святитель Григорий Богослов, - он считает, что тщеславие - это только начальная стадия гордости. Далее идут уныние и печаль. Хотя в русском языке слова эти сходны по смыслу, но под печалью подразумевается несколько другое переживание, чем уныние, а именно имеется в виду скорбь о каких-либо несчастьях, болезнях и тому подобном - гонениях, оскорблениях. Поэтому печаль отличается от уныния. Следующая страсть - сребролюбие, которое иные называют любостыжанием. Это разные названия одной и той же страсти. Понятно, что когда речь идет о сребролюбии, то совсем необязательно, чтобы человек сребролюбивый собирал одно только серебро или деньги. Сребролюбие - это страсть к накоплению имущества в любом виде. И наконец, - гнев, блудная страсть и чревоугодие. Те, которые разделяют все эти немощи, пороки человеческие на три раздела, на три страсти, называют славлюбие, сребролюбие и сластолюбие. Таким образом, они считают их источниками всех других страстей. Иные же, еще более упрощая, считают, что посредством сребролюбия человек осуществляет, исполняет на деле свои страсти славлюбия и сластолюбия, и поэтому видят всего два греховных порока, от которых происходят все другие, - славлюбие и сластолюбие. Конечно, вся эта классификация не имела бы никакого значения, если бы не представляла для нас практической пользы. Не для того мы классифицируем страсти, чтобы уподобиться каким-то ученым, занимающимся исследованиями человеческой психологии, а для того, чтобы победить страсти.

Вначале, прежде чем высказывать свои мысли или приводить понравившиеся мне изречения святых отцов, так сказать усвоившиеся, близкие мне, я хочу сделать некоторое

примечание. Что значит бороться со страстями? Один мой старый друг и духовный сын нашего общего духовника - отца А., ныне уже покойного, прочитав Иоанна Лествичника (мы тогда только начинали знакомиться со святоотеческими книгами), выразил желание бороться со страстями, на что отец А. ему сказал: "Если будешь со страстями бороться, то с ума сойдешь". Это не значит, что не нужно бороться со страстями, - разумеется, надо понимать тот жизненный контекст, так сказать, в котором была дана эта рекомендация. Если человек желает бороться со страстями своей собственной силой, лишь посредством самопонижения и без сверхъестественной помощи, иначе говоря без молитвы, то, бесспорно, это будет безумным занятием и действительно окончится вполне откровенным сумасшествием. Как можно победить гордость тому, кто даже ее не видит и не понимает, в чем она состоит? И так лукавые страсти нас обманывают, что мы, не умея их различить, не имея средств для борьбы с ними, можем, конечно же, впасть в какую-то мечтательность. Нам будет казаться, что мы бежим, а мы будем спать. Как спящему человеку может присниться, что он бежит, хотя на самом деле он пребывает в самом неподвижном состоянии, так и мы можем впасть в мечтательность и думать, что боремся со страстями, побеждаем ту или иную страсть, а в действительности мы будем лишь питать свои гордость и тщеславие. Все это может привести к прелести, которая в самом крайнем, в самом последнем своем проявлении заканчивается просто умопомешательством.

В предыдущих своих беседах я говорил (и сейчас повторяться не буду) о средствах борьбы с грехом и одновременно о средствах для стяжания благодати. Сначала речь шла о вспомогательных средствах, таких, как пост, уединение, молчание, уклонение от общения с людьми, послушание, если есть опытный духовный наставник (такое примечание обязательно). И самое главное, основное средство в борьбе с грехом - это молитва, в особенности молитва Иисусова, умное делание. Никакой пост, никакое строжайшее послушание самому высокодуховному отцу, никакая образованность - в смысле знания святоотеческого предания - не смогут помочь человеку, если не будет у него этого самого главного. Тогда все прочее окажется бессмысленным и, более того, оно даже будет не настоящим. Это будет подобно тому, как дети, не знающие грамоты, читают книги. Порой, сделав умный вид, ребенок берет книгу и, перевернув ее "вверх ногами", водит глазами по странице. И он воображает, что читает, а если ему кто-то уже рассказывал содержание книги и он хорошо его запомнил (как это бывает у детей: память у них свежая, да и книги им обычно читают простые), то он говорит: "Жили-были старик со старухой". А он-то совсем не читает: книга открыта на другой странице, да и буквы "вверх ногами". Так бывает с нами тогда, когда мы не имеем этого ключа - молитвы Иисусовой, этого шифра к святоотеческому преданию, изучаем ли мы его по книгам или нас наставляет какой-то опытный подвижник. Для нас оно пребывает мертвым, кажется нам "китайской грамотой". Поэтому именно умное делание является самым необходимым, самым важным средством - если вообще можно назвать его средством, правильнее было бы назвать его самой жизнью, - для того чтобы победить страсти и стяжать благодать. Что такое страсти? Что такое добродетели? Что такое заповеди? В каком соотношении между собой находятся все эти понятия?

Человек создан Богом - Существом совершенным и по нравственности, и во всем остальном. Когда человек пал, его сущность исказилась, но не окончательно, не так, как у демонов, превратившихся в существа совершенно злые. Осталось в человеке и нечто доброе,

сохранился, так сказать, добрый корень, потому что человек преступил заповедь по неведению, был обманут дьяволом. Если дьявол и демоны согрешили против Бога вполне сознательно, это был сознательный бунт против Творца, то люди согрешили в неведении, и поэтому не все их существо повредилось. Когда пришел Господь Иисус Христос и обновил человеческое естество (я говорю очень кратко, для того чтобы не отвлекаться от главной темы), Он воссоединил человека с Богом, душу человеческую с благодатью Святого Духа. Но в то же самое время Он не лишил человека свободы. И если бы мы всей душой, всем своим существом последовательно восприняли учение Христово и, подготовившись, достойно приняли бы Таинства, начиная с Крещения, то, может быть, борьба со страстями была бы и не нужна, потому что благодатью Божией они были бы изгнаны из сердца человеческого и оно было бы очищено. Но мы, приняв Таинства и очистившись, добровольно возвращаемся к прежним своим грехам, страстям, подчиняемся старым привычкам и вновь им порабощемся. Будучи внутренне обновленными, имея власть и свободу, мы вновь добровольно покоряемся греху. Вот здесь-то и возникает необходимость бороться со страстями и противиться тому злу, которое мы иногда с удивлением обнаруживаем внутри самих себя. Как мы его обнаруживаем? Если мы не будем понуждать себя к исполнению заповедей, не будем предъявлять к себе строгие евангельские требования, то, конечно же, мы будем ошибочно полагать, что у нас все в порядке. Тот, кто удерживается от каких-то грубых, тяжких грехов, а строгих требований к себе не предъявляет, кажется сам себе вполне благоприличным, хорошим человеком. Например, он знает, что блуд творить - это плохо, а блудные помыслы считает вполне извинительной вещью, или понимает, что воровать грешно, а в том, чтобы завидовать богатым или в каком-то ином отношении благополучным людям, ничего страшного не видит. Когда же мы начинаем требовать от себя исполнения евангельских заповедей и "втискиваем" свое естество, искаженное грехом, в эти узкие врата, надеваем на себя это ярмо, порабощем себя игу Христовых заповедей, то тут обнаруживаются наши страсти, противящиеся всему этому, они выходят наружу, объявляются. Поэтому часто бывает, что человек внимательный чувствует себя великим грешником, а рассеянный кажется самому себе хорошим. Эти обнаруживающиеся при понуждении себя к добру отклонения и называются страстями. Еще раз скажу, что большинство отцов разделяет их на восемь главных условно, для удобства.

Евангельские заповеди не являются чем-то совершенно чуждым для нас, навязанным извне. Они, в понимании Православной Церкви, по мысли святых отцов, возобновляют в человеке ту добродетель, которая была дарована ему Богом при сотворении, и потому естественно воспринимаются совестью. Если бы человек прислушивался к своей совести и беспрекословно, искренно повиновался ей, то заповеди были бы и не нужны, он жил бы только по законам совести, которые полностью соответствуют тому, чему учат заповеди Божии. Если нам кажется, что какой-то магометанин, или атеист, или убежденный коммунист, совершая преступление с точки зрения Христианства, при этом следует своей совести, то мы просто не понимаем, что иное дело - совесть, и иное дело - стыд, иное дело - совесть естественная, и иное дело - совесть, искаженная каким-нибудь неправильным учением. Поэтому если бы магометанин всегда действовал по совести, то он бы в иные моменты чувствовал, что она противоречит тому, чему учил лжепророк Магомет. Также и коммунист, наверно, весьма часто обнаруживал бы, что совесть его не соглашается с тем,

что предписывает, скажем, моральный кодекс строителя коммунизма или с тем, что говорили Маркс, Энгельс и прочие о классовой борьбе. Не нужно путать совесть и стыд. В Православном Христианстве описанного противоречия нет. Конечно, надо было бы долго об этом говорить и, может быть, доказывать (я, наверное, к тому не готов), но для нас, православных христиан, это уже как аксиома, мы без сомнений принимаем это, верим в это. Добродетель естественно присуща нашей душе, совесть также является естественным проявлением душевной жизни. Евангельские заповеди оживляют совесть, их исполнение воскрешает ту добродетель, которая была дарована нам Богом при сотворении и которая возобновлена Святым Крещением. Нужно помнить, что без Святых Таинств исполнить заповеди невозможно, у нас просто нет для этого сил. Собственных сил у нас нет, но, будучи крещеными и участвуя в прочих Таинствах Православной Церкви, мы получаем некоторую возможность, дарованную нам Богом, возможность благодатную, богодарованную. Если же мы Церковные Таинства не приняли, то как бы мы ни изучали Добротолубие, как бы ни были искусны и рассудительны, как нам кажется, в духовной жизни, но без помощи Божией - а в таком случае ее у нас нет - мы не сможем, так сказать, прыгнуть выше головы, не сможем сами себя за волосы вытянуть из болота. В то же самое время очень важен момент, о котором говорит преподобный Антоний Великий: добродетель естественно присуща душе (конечно же, речь идет о душе христианина, о душе, просвещенной Таинствами). Это чтобы мы не думали, что добродетель является для нас чем-то совершенно посторонним, чуждым и потому невозможным.

По учению святых отцов, страсть - это отсутствие добродетели, она не есть нечто существующее само по себе. Нельзя сказать о тьме, что она является какой-то самостоятельной субстанцией или сущностью, потому что тьма - это всего лишь отсутствие света. Так же и страсть - отсутствие добродетели, естественно присущей душе. Можно говорить о добродетели в единственном числе, как рассуждает Антоний Великий, то есть вести речь о естественной силе души творить что-либо, а когда душа творит что-либо правильно, то это одновременно есть уже, само собой разумеется, и добродетель. Можно рассуждать о добродетелях в связи с теми или иными душевными проявлениями, тогда это уже будут разные добродетели. Можно рассуждать о добродетелях как о заповедях. Если же мы будем рассматривать учение о добре как внешнее предписание, то добродетелями будут сами заповеди. Можно рассматривать страсти как нарушение заповедей, а можно - как отсутствие или искажение добродетелей в душе человека. Все это я хочу вам сейчас объяснить для того, чтобы вы поняли соотношение понятий "исполнение заповедей" и "добродетель", "нарушение заповедей" и "страсть" или "борьба со страстями". Поэтому, борясь со страстями, препятствуя той или иной страсти свободно действовать, мы одновременно совершаем добродетель. Может быть, некоторые из вас замечали, что после того как во время приступа гнева, скажем, человек при помощи молитвы или как-то иначе воспрепятствует страсти, в его душе сразу же возникает некоторая кротость. И наоборот: если поддается страсти, то добродетель, противоположная этой страсти, умаляется. Поэтому когда мы говорим о стяжании благодати Духа Святого, о исполнении добродетелей или о борьбе со страстями, то, в сущности, говорим об одном и том же. Это лишь разные стороны одной и той же духовной проблемы, если можно так выразиться.

Наверное, нужно начать со страсти самой низкой, так сказать, простой и очень трудно

различимой. Я имею в виду чревоугодие. Страсть эту, как одну из самых, может быть, примитивных, часто не замечают и ею пренебрегают. Многие люди, оправдывая себя, говорят, будто бы важно внутреннее и безразлично, много я ем или мало, употребляю пищу вкусную или простую, а важно то, как я отношусь к ближнему. Мол, главное - это любовь к ближнему, а пища никакого значения не имеет. Несомненно, главное - любовь к ближнему, но неразумное употребление пищи, совершенно неожиданно для нас самих, может привести к нарушению этой заповеди. Самый простой пример - когда некоторые люди от обильного употребления пищи впадают даже в гнев, скажем. Если человек воздерживается, то он угашает телесную крепость, несколько, так сказать, приглушает ее, и гневливость в нем может ослабеть. Конечно, пост неразумный, то есть чересчур строгий и не соединенный с молитвой, подчас вызывает еще больший гнев. Но это уже другая крайность. Нужно держаться "золотой середины", причем у каждого человека она своя. Все обуславливается в основном телесной крепостью. Но не только. В зависимости от духовного преуспевания человек имеет право придерживаться более или менее строгого поста. Человек физически очень крепкий, но не имеющий благодати иногда не в состоянии выдержать самое простое воздержание в пище. Ему непосильно даже полдня ничего не есть, а человек немощный по природе, но обилующий благодатью способен много и строго воздерживаться: благодать Божия будет его укреплять. Об этом сказано в Священном Писании. Когда апостол Павел перечисляет плоды духовные, среди них он называет и воздержание, то есть воздержание есть плод духовный. Однако же это не значит, что мы не должны ограничивать себя в пище. Представим себе человека, чрезвычайно внимательно молящегося, необыкновенно ревностного к молитве и пламенно желающего чистоты (конечно, не телесной, не вымыться в бане, некоторые же считают, что возможна единственно телесная чистота). И если таковой, желающий нравственной чистоты, может быть и при пламенной молитве, (не знаю, бывает ли это в жизни, наверное нет, но все же предположим) будет одновременно обильно употреблять пищу, то он не в силах будет победить свою плоть. Как сказал Иоанн Лествичник, человек, борющийся с блудной страстью и угождающий чреву, подобен тому, кто угашает огонь маслом. Преподобный Исаак Сирин, если я не ошибаюсь, говорит, что даже преуспевшие подвижники, когда нарушают правила поста, терпят некоторые повреждения в бесстрастии. Что уж о нас говорить? Поэтому даже самые немощные должны, разумно, конечно, сообразно своей немощи воздерживаться в пище. Едва ли есть такие больные, которые не нуждаются в воздержании, - может быть, исключение составляют только умирающие. Пусть воздержание это будет очень слабое, но оно все равно необходимо. И здесь, разумеется, нужна рассудительность, чтоб не "перегнуть палку".

Пост должен ослаблять телесные силы до такой степени, чтобы человек был способен с некоторым понуждением овладеть своим умом. Пост не может все сделать, все исправить, но он необходим. В наше время чревоугодие часто оправдывают болезнями. Наши врачи таковы, что они считают, будто есть лишь два лекарства, для того чтобы быть здоровым, - это жениться и есть мясо. Больше никаких лекарств нет. Однажды я пошел к врачу, так как меня беспокоил кишечник. И она мне кое-что посоветовала (быть может, она и хороший специалист), а потом тихо одному пациенту (она не думала, наверное, что он передаст мне ее слова) сказала: "Ничего у него не получится, не выздоровеет он, потому что мясо не ест". То есть если бы я ел мясо, то, значит, выздоровел бы, а раз я его не ем, то уже все бесполезно.

Можно иногда и гораздо более отвратительные вещи услышать. В наше время считается, что, для того чтобы быть здоровым, надо побольше есть. Чем больше ешь - тем здоровее будешь. Мало ешь - естественно, будешь болеть. Возможно, сейчас я приведу пример примитивный, но бывает так, что люди приходят на исповедь и говорят, что они не в состоянии поститься даже перед Причастием или, по крайней мере, соблюдать большие посты по причине болезни. "А чем болеешь?" - "У меня аллергия". Я спрашиваю: "Ну и что, что у тебя аллергия?" - "А пока молока не попью, сил никаких нет". Или: "У меня повышенное давление" - "Ну, хорошо, повышенное давление, и что с того?" - "Если молока не попью, так совсем не могу". Люди с пониженным давлением тоже молоком лечатся. Молоко у них является лекарством от всех болезней: от повышенного или пониженного давления, от аллергии, остеохондроза... Вот что, оказывается, нужно делать. Иногда они с удовольствием едят даже такую пищу, которая на самом деле просто вредна им для здоровья, но считают, что без нее они будут болеть. Конечно, еще раз повторяю, это примитивный пример, и тем не менее мы должны быть весьма и весьма к себе внимательны. Необходимо хорошо понимать, что воздержание в пище необходимо даже больным людям, и не оправдывать себя телесной немощью. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что он видел людей, которые находились в тяжелой болезни и даже на смертном одре, но были люто боримы блудной страстью. Кто же тогда не нуждается в воздержании?

Еще раз говорю: от чревоугодия бывает не только блудная страсть, но и гнев, и иногда уныние, выражающееся, правда, лишь в определенном отношении. Это очень весело, конечно, когда ты хорошо и вкусно поел, и уныние здесь проявляется не в такой примитивной форме, что тебе грустно. Может быть, ты уныния этого и не замечаешь, тебе кажется, что ты весел, но стоит только взяться за Священное Писание, или за четки, или вообще начать как-то молиться, как ты сразу же чувствуешь, что для тебя это совершенно невозможно, мучительно. Таким образом, становится явным то, что чревоугодие приводит к унынию в отношении духовных занятий. Я думаю, это также многие испытывали. Потому-то святые отцы советуют после обеда заниматься наиболее легким духовным занятием, то есть чтением святоотеческих писаний. Разумеется, в послеобеденное время гораздо легче читать, чем исполнять молитвенное правило.

В принципе, каждый, учитывая состояние здоровья, должен стремиться к тому, чтобы соблюдать все посты, чтобы плотно не есть на ночь, - за исключением тяжелобольных, очень немощных людей, которые нуждаются в постоянном подкреплении пищей. Вообще, желательно не переедать, но всегда чуть-чуть недоедать и не очень увлекаться лакомствами, по крайней мере в обычное время. В некоторые праздники можно дать послабление, сделать себе утешение в пище, так сказать, но в основном надо придерживаться простой пищи, той, которая на самом деле нужна и которая действительно укрепляет человека. Миряне, конечно, пусть едят и мясо, никто им не может запретить. Но, как сказал апостол Павел в сегодняшнем апостольском чтении, все мне дозволено, но не все полезно; все мне дозволено, но ничто не должно мною обладать (см. 1Кор.6:12). Если это можно, хотя мне не и полезно, то не следует отсюда делать вывод, что я все же должен это употреблять. Разрешение есть мясо - это не приказание. Как-то я советовал одному человеку воздерживаться от мясной пищи, по той причине, что он был неженатым и ему нужно было хранить хотя некоторое воздержание в еде, есть мясо ему было совершенно ни к чему. Он

возразил: "Церковь же разрешает!" Как же, мол, я запрещаю то, что Церковь дозволяет? Я как бы иду против Церкви: она разрешает есть мясо, а я запрещаю. Вот какой я еретик. Но он совсем не думал, пойдет ли ему на пользу вкушение мясной пищи или нет. Нужно помнить вот что: если человек занят тяжелым физическим трудом или очень болен, то ему нужно вообще много есть, в том числе и мяса, то есть как-то особенно себя подкреплять. Во всех остальных случаях надо быть очень разборчивым, очень осторожным, чтобы не превратить разрешение в приказание. А у нас получается, что когда дело доходит до поста, то нам можно его не соблюдать, поскольку мы немощны, когда же пост заканчивается и начинается мясоед, то нам нужно есть мясо, потому что "Церковь так учит". "Церковь учит есть мясо". Получается, что мы лукаво выбираем то, что нам выгодней. Без воздержания в пище невозможно преуспеть в молитве. Как сказал Исаак Сирийский, даже совершенные - и те от нарушения правил поста терпят некоторое повреждение в бесстрастии. Человек, предающийся чревоугодию, не может заниматься умным деланием. Желающим в нем преуспеть я бы посоветовал питаться попроще, но, конечно, с рассуждения, с благословения духовника. Неважно, что есть на столе. Можно взять благословение воздерживаться от каких-то видов пищи. Совсем необязательно съедать все, что предлагается, допустим, на монастырской трапезе, ты можешь и не съесть что-нибудь особенно вкусное - никто и не заметит. Это незаметное, скромное воздержание, возможно, принесет тебе большую пользу. В то же самое время еще раз хочу предостеречь от крайностей, сейчас все-таки много людей немощных, больных, и поэтому особо строго подвизаться, наверное, едва ли кто способен, за редким исключением.

Поскольку о борьбе со страстями я хочу сказать бегло, то перейду к следующей страсти. Второй плотской страстью (мы смотрим, так сказать, по восходящей, т.е. восходим от плотских страстей к духовным) считается страсть гнева. Святыми отцами она действительно расценивается как плотская, телесная. Ведь вы и сами замечали: у человека, поддавшегося гневу, появляется такое чувство, будто бы возле сердца закипает кровь, и вообще он ощущает очень сильный прилив крови, часто лицо краснеет и так далее. То есть страсть гнева, несомненно, зависит от физического состояния человека. Есть, конечно, люди более склонные к гневу, есть менее склонные. На самом же деле в каждом из нас присутствуют все страсти, но в ком-то одни страсти действуют сильнее, другие - слабее, а в ком-то - иначе. При страсти гнева очень полезна бывает молитва за тех людей, которые вызывают в нас гнев и раздражение. Пусть даже они нам незнакомы, пусть это люди, может быть, и откровенно плохие, лишь бы в нашем сердце прошла неприязнь по отношению к ним. Но иногда гнев бывает столь силен, что одно упоминание имени и вообще воспоминание в молитве того человека приводит к более сильному гневу. Ты вроде бы хочешь молиться за него, но, поскольку в молитве вспоминаешь о нем, вспыхивает еще больший гнев. В таких случаях нужно молиться просто против помысла гнева, раздражения, не вспоминая о том человеке, пока такое чувство не утихнет. Гнев проявляется и в виде злопамятства, когда мы, обидевшись по какой-то причине на человека, а иногда, может, и обидев его, долго это зло, действительное или мнимое, помним и при всяком воспоминании об этом вновь и вновь в нашей душе восстает гнев. Что тогда необходимо делать? Прежде всего - не видеть, так сказать, очевидного (наверное, ранее я говорил об этом, но повторюсь, "повторение - мать учения"), то есть даже не вспоминать ту ситуацию, которая как будто бы естественным

образом приводит к гневу и является поводом для того, чтобы разгневаться, и иначе как будто бы поступить нельзя. Если нам так кажется, то лучше и саму ситуацию никак не вспоминать, изгонять ее из своего ума, потому что отделить эти обстоятельства от своей страсти мы не можем. Сейчас объясню, что значит отделить обстоятельства от страсти. Человек кроткий в подобной ситуации отнюдь бы не рассердился, а гневливый нашел повод для гнева. Причина - в гневливом, а не в обстоятельствах, но поскольку понять этого он не может и не может вспомнить их так, чтобы страсть не начала вновь действовать, то лучше мысленно к ним не возвращаться. Это, между прочим, относится и к другим страстям. Любой случай, любые обстоятельства, воскрешающие в нас страсть, желательно не приводить себе на память, если мы не в состоянии отделить эти соблазнительные события от собственной страсти, также не следует вспоминать и какое-то конкретное событие. Потому что здесь кроется некоторая дьявольская хитрость. Увидев что-то соблазнительное в отношении, например, блудной страсти, или гнева, или чревоугодия - чего угодно, мы думаем: "Ну как же этим не соблазниться? Ведь эта же вещь вкусная. Как же ее не съесть, как же мне не испытывать влечения к пище?" Или: "Как мне не соблазниться этим мужчиной (или женщиной), если он красив?" Или: "Как мне не разгневаться, когда он сказал мне то-то, то-то и то-то? Кто тут не разгневается?" Этой мнимой справедливостью дьявол нас искушает и соблазняет. Поэтому нам нужно стараться ее не видеть, сделать для себя эту самоочевидную вещь отнюдь не очевидной. Раз мы не можем разоблачить эту, так сказать, дьявольскую хитрость, значит, и вовсе отвергнем все это. Не видеть и самой вещи! Вы скажете: "Как можно не видеть самой вещи, если мы на нее взираем, если она - перед нашими глазами?" Но можно так молиться, что глаза будут видеть, также и другие чувства будут воспринимать, а сердце, ум отвратятся от происходящего перед нами. Конечно, это трудно, но это единственный способ удержаться от соблазна. Не думайте, что если мы скроемся от людей и вокруг нас вообще никого не будет, то мы не будем соблазняться, допустим, гневом. Мы уйдем в пустыню, но гнев останется с нами, и дьявол найдет случай, чтобы вновь нас прельстить и попать этой отвратительной страстью. Гнев будет с нами. Поэтому нужно научиться не видеть очевидного, не верить как будто бы совершенно справедливому.

По каким причинам разрешается гневаться? Есть две причины: это грех (то есть позволителен гнев против греха) и ересь, заблуждение. Перестанем гневаться в отношении этих двух вещей, значит, подчинимся греху, иногда действующему внутри нас самих, а иногда - через какого-нибудь соблазняющего нас человека. Если не будем гневаться против ереси, то под предлогом кротости поддадимся заблуждению и отойдем от Православия, то есть от единственной спасительной Церкви. Часто люди ведут себя безразлично по отношению к ересям, заблуждениям отнюдь не потому, что они кроткие, а по той причине, что им это совершенно безразлично. Правда ли, неправда ли, истина ли или заблуждение - им все равно, для них это не является чем-то значимым. Потому что они охотно уступают, поддакивают даже в тех случаях, когда какой-нибудь сектант, или еретик, или безбожник говорит им явное кощунство. Приведу такой пример. Один ученик Паисия Великого, если не ошибаюсь, совершал небольшое путешествие. Попутчиком его был иудей. И этот иудей стал говорить ему против Христа, а тот, как будто бы сохраняя кротость и спокойствие, не желая вступать в спор, сказал: "Может быть, ты и прав". Когда же он пришел к своему учителю Паисию

Великому, тот его к себе не впустил. Ученик спрашивает: "Почему ты меня не пускаешь?" Он ему отвечает: "Я не вижу на тебе благодати Святого Духа. Что ты сделал?" Тот стал вспоминать и рассказал о том случае, едва его вспомнив. Он даже не придал этому значения, а благодать Божия от ученика того отошла. Потому в подобных ситуациях отнюдь не нужно проявлять кротость, но, наоборот, твердость, и ни в коем случае никому не уступать. Может быть, лучше нам до некоторой степени поддаться даже и греховному гневу, а то бывает и греховная кротость, что гораздо хуже. Также если какой-нибудь человек будет соблазнять нас на грех (неважно, на какой) и мы смиримся перед ним, уступим ему, то это отнюдь не будет кротостью, это будет хуже любого гнева. Допустим, нас уговорят украсть или украдут на наших глазах, а мы, имея возможность воспрепятствовать, явимся соучастниками, ради того чтобы остаться спокойными. Эту оговорку я делаю потому, что сталкивался с такими случаями, когда люди под предлогом кротости отрекались от своих убеждений или по крайней мере вели себя очень и очень, так сказать, мягко. В конечном счете в жизни они совершали тяжкие нравственные преступления, потому что на самом деле были отнюдь не кроткими, а просто совершенно безразличными к вере, к христианской нравственности и вообще к Церкви. В этом отношении они были спокойны. Если бы захотели отнять у них какое-то имущество или оскорбили бы их, то здесь они повели бы себя твердо, рьяно. Но когда дело касается Церкви, то, поскольку для них это ничего не значит, они бывают безразличны.

Следующая страсть - сребролюбие. Страсть сребролюбия, любостяжания, по выражению Нила Сорского, противоестественна человеку, но если он поддался ей и она в нем укоренилась, то бывает очень трудно от нее избавиться. Конечно же, она все-таки есть во всех нас, - может быть, мы не такие уж корыстолюбивые, но до некоторой степени она во всех нас присутствует, потому что часто, когда нам приходится выбирать между своим благополучием и благополучием окружающих нас людей, нам бывает трудно в ущерб себе поддержать нашего ближнего, это нужно иметь в виду. Здесь подразумевается не только милостыня. Случается, что какой-то человек наносит нам ущерб, и тогда нам приходится претерпевать его поневоле. Если мы от этого испытываем скорбь, то, значит, в нас есть страсть сребролюбия. Чем полезно бороться против нее кроме молитвы? Наперекор своей страсти совершать добрые дела. Почувствовал, что в тебе действует сребролюбие, - возьми и не только дай ту милостыню, какую хотел дать, но дай еще больше. Кто-то нанес тебе ущерб - постарайся, если возможно, стерпеть это, простить. Бывают, конечно, в жизни такие случаи, когда сделать это невозможно, потому что от нас зависят и другие люди. У семейных - это их семья, у монашествующих - братство или сестричество. Иногда и угодники Божии судились за имущество. Например, святитель Игнатий Брянчанинов вступил в суд с окрестными крестьянами за то, что они захватили монастырские земли. Сделал он это потому, что земли были отобраны у его братства. Естественно, братству они были нужны: их можно было обрабатывать, они приносили некоторый доход и пропитание для насельников обители. Святитель Игнатий, думая прежде всего о братьях, пресек, можно сказать, корыстолюбие крестьян. Так что вещь эта тонкая, невозможно вести себя чересчур просто. Конечно, есть люди очень ревностные, сильные духом, которые готовы на все, способны все раздать. Но потом такой человек сам будет нуждаться в чьей-то помощи, и, значит, ему даст кто-то другой. Были и такие нравственные герои, как святитель Иоанн Милостивый,

который все раздавал. Один благодетель, видя, что святитель даже не имеет чем укрыться (а он являлся Патриархом Александрийским, это была одна из самых величайших патриарших кафедр в древности), поскольку все раздает нищим, купил ему одеяло. Тот поблагодарил благодетеля, а потом пошел и продал одеяло, деньги же вновь раздал нищим. Благодетель случайно увидел, что одеяло опять продается. Он снова купил его и принес Патриарху. Эта борьба продолжалась до тех пор, пока все-таки Иоанн Милостивый не победил. Благодетель понял, что все его усилия бесполезны. Но таких людей, как Иоанн Милостивый, немного, и брать на себя подвиги выше своей меры не нужно. Мы все раздадим, отдадим свое одеяло, а потом нам станет холодно. Мы начнем переживать, ругать себя: "Зачем я это сделал, как же мне теперь быть, я поступил глупо". Начнем предпринимать что-то, для того чтобы как-то возместить лишение. В конечном счете мы ничего не выиграем, а только обнаружим свою немощь и еще больше согрешим - будем роптать. Надо делать все по силе, тем более если от нас зависят другие люди. Предположим, я возьму и все раздам, а что будет с братством в монастыре? А если так же поступит человек семейный, то что будет с семьей? Разные есть подходы. Один подвижник, правда не причисленный к лику святых, но, несомненно, святой жизни, - иеросхимонах Арсений (русский подвижник, живший на Афоне) имел необыкновенное нестяжание, и он все-все раздавал. Во время русско-турецкой войны, когда ничего нельзя было продать, он и еще один брат, вместе с которым он жил, - монах Николай изготавливали какие-то поделия, кажется ложки или что-то подобное. Но продать их было некому, потому что всем было не до того. Когда война закончилась, они думали, что продадут ложки, купят все необходимые вещи и, так сказать, спокойно заживут. Их потребности были минимальными: лишь бы имелся хлеб. Питались они сухарями и стручковым перцем - и все, больше почти ничего не ели. Еще им необходимы были елей для лампад, вино и просфоры для литургии, также они нуждались в одежде. Больше их ничего не интересовало. Итак, они думали, что сейчас купят все необходимое. Тем временем к ним случайно забрел какой-то бедный монах, лишившийся кельи, не имевший никакого имущества, и Арсений взял и отдал ему все ложки. Николай стал роптать: "Как же так, что же мы теперь будем делать?" А тот просто молчал. "Ничего, как раньше терпели, так и дальше будем терпеть". Арсений, так сказать, заставил Николая поневоле терпеть нужду, но он вытерпел. Прошло время, тот подвижник - Николай отошел ко Господу, должен был отойти и Арсений, но ему было видение, что ради некоторых учеников он проживет еще несколько лет, и Господь продлил ему жизнь. К нему собрались немногие ученики, человек восемь (но все-таки для афонского отшельника это много, обычно отшельники имеют одного-двух учеников, а у Арсения было восемь человек). Им также жить с ним было очень тяжело (жили они вместе). Арсений все раздавал, и часто они терпели лишения. Ученики роптали на него и говорили: "Кто может понести твое нестяжание?" А он молчал. Конечно, можно и так поступать, но если даже афонские подвижники, отшельники, едва выдерживали такое нестяжание и нищету, от него происходящую, то как мы можем требовать от наших близких, семейных, чтобы они такое терпели? Значит, мы должны заботиться об их? благосостоянии, но одновременно стараться не впадать в корыстолюбие и совершать одну из важнейших христианских добродетелей - милостыню. И монастырь, разумеется, должен заботиться о братстве, но в то же самое время нельзя думать только о себе, нужно стараться по возможности помогать ближним.

В отношении борьбы с другими страстями, например: с гневом, чревоугодием и всеми прочими - можно сказать, что также необходимо стараться делать нечто противоположное своей страсти. Но все должно быть разумно и умеренно. Надо знать свои и телесные, и, самое главное, духовные возможности и не брать на себя подвиг выше меры. То есть не пытаться приобрести такое нестяжание, которое станет для тебя невыносимым, не силиться так подвизаться в посте, чтобы изнурить себя и потом быть вынужденным оставить всякий пост. Все должно быть разумно. Не уклоняться ни в ту, ни в другую сторону, знать свою меру.

Далее идет страсть блудная. Это одна из самых ужасных, самых страшных страстей. Говорят, что брань с нею бывает у человека на протяжении всей жизни. Редко кто достигает того, чтобы совершенно, полностью от нее избавиться. Блудная брань самая тяжелая и самая продолжительная (кроме того, тяжелой борьбой для христиан является хульная брань). Если мы воздерживаемся в пище, то это уже несколько ограничивает блудную страсть. Если мы молимся, понуждаем свой ум сохранять чистоту, то, значит, довершаем дело. Но без воздержания в пище невозможно овладеть блудной страстью хотя бы несколько (я уж не говорю о том, чтобы совсем ее победить), связать ей, так сказать руки, чтобы она не действовала свободно. Преподобный Иоанн Лествичник про эту страшную страсть говорит так: "Не верь своему телу, пока оно не ляжет в гроб". Бывали случаи, когда некоторые старцы, понадеявшись на свои подвиги и даже на свою старость, впадали в этот страшный, отвратительный грех. Необходимо постоянно остерегаться, всегда быть начеку, сторониться близкого общения с противоположным полом, чуждаться каких-то двусмысленностей и, конечно же, избегать разнообразных соблазнов, не только откровенных, но и того, что отвратительными впечатлениями возмущает в душе блудную страсть. Самое же главное, что необходимо в борьбе с этой страстью, - это твердая решимость. Может быть, она важна и в отношении других страстей, но здесь важна особенно, поскольку блудная страсть почти для всех является одной из самых опасных. Человек должен выдвинуть для себя такое положение: "совершить грех блуда невозможно". Уже одно это очень облегчает борьбу. Если мы любим себя, свою плоть, до такой степени, что считаем лучшим как-то блудную страсть утолить, чем мучить себя, то мы не сможем выдержать. Я уж не говорю о помыслах, это очень тяжело - бороться с помыслами, и тем не менее необходимо, но мы даже на деле совершим грех, если не будем иметь твердой решимости, не сочтем блуд невозможным для себя. И когда я такую решимость уже имею, тогда я, конечно же, буду искать средства, для того чтобы исполнить свое доброе намерение, оградить себя от этой омерзительной страсти. А если у меня нет такой твердой решимости, то мне ничто не мешает преступить границу, - собственно, и границы-то для меня нет. Когда у человека бывает борьба с блудной страстью, он начинает прибегать ко всем средствам, какие для него возможны. Неопытные прежде всего вспоминают о посте. Для большинства людей он имеет значение, но не принципиальное, не самое главное. Однако есть люди настолько крепкие телом, что если они не будут ограничивать себя в пище, то никакая самая пламенная молитва им не поможет. Таких, правда, сейчас мало, потому что в основном все мы немощные, но есть. К сожалению, бывает так, что человек во всех отношениях больной и немощный испытывает очень сильную страсть (не знаю, почему: то ли от дурной склонности, то ли оттого, что порок этот развился). И он не в состоянии воспользоваться таким легким и как будто бы простым, доступным средством, как пост. Пост ему необходим, но кардинального

облегчения он ему принести не может. Здесь в первую очередь нужна усиленная молитва, в особенности молитва Иисусова, а также обладание своим умом. Приобрел это обладание, научился справляться, значит, ты страсть эту уже несколько обуздал. И еще надо сказать... Может быть, нескромно об этом говорить, и тем не менее, поскольку почти всем приходится с этим сталкиваться, и потому я вынужден об этом сказать, - чем проявлять ложную скромность, а потом совершать нескромные поступки, лучше в словах проявить нескромность, а на деле вести себя целомудренно. Во время борьбы с блудной страстью особенно важно хранить самообладание. Самообладание не в том смысле, что тебя одолевают помыслы, ты им поддаешься, уже увлекаешься ими и одновременно пребываешь совершенно спокойным. Это не самообладание, это цинизм. А самообладание состоит в том, чтобы бороться и в то же самое время хранить твердость духа, не смущаться ни сильными, отвратительными, чрезвычайно соблазнительными помыслами (потому что не всегда это происходит от нашей природы, часто эту нечистоту приносит в нашу душу дьявол), ни ощущениями и отвращать ум свой от возбуждаемых в нас помыслов и ощущений. Конечно, отвращать его не значит просто, так сказать, переводить на какой-то посторонний нейтральный предмет, скажем начинать любоваться природой, - это не поможет. Нужно отвращать ум от греховных ощущений, помыслов и усиленно внимать молитве, прежде всего Иисусовой молитве. Когда у нас бывает сильная брань - любая: блудная ли, гнева ли или другая - очень полезны краткие молитвы, в особенности молитва Иисусова. Если мы будем бесконечно повторять самые длинные, самые трогательные молитвы, даже такие, какие по видимости направлены именно против блудной брани - есть такие особые молитвы, или станем непрестанно молиться каким-нибудь угодникам Божиим, то пользы не получим. (Вообще-то, делать все это можно, но лишь иногда). В первую очередь подразумевается блудная брань, но и во время брани против других страстей, с чрезвычайной силой возмущающих нашу душу, длинные молитвы не помогают, так как наш ум уже становится союзником дьявола, во время этой бури он начинает услаждаться грехом. И потому здесь краткая молитва - гораздо более удобное и могущественное орудие, чем молитва длинная. Читая длинную молитву, мы так отвлекаемся, что устами или в уме произносим ее, а на самом деле совершенно углубляемся в рассматривание греховных помыслов. Краткая же молитва помогает нам опомниться. Я, кажется, уже говорил, что при сильной брани лучше читать молитву вслух, за исключением тех, кто особенно преуспел в этом отношении, преуспел до такой степени, что уже молится, скажем, умом в сердце, - такому, конечно, лучше вникнуть во внимательную сердечную молитву, чем молиться устами. А кто этого не имеет, у кого молитва, так сказать, колеблется между молитвой умной (умственной) и устной и кто во время бури греховных помыслов какого бы то ни было характера - блудных ли, или гневных, или еще каких-нибудь - увлекается ими и ум его возмущается, тому лучше говорить молитву вслух. Молитва, произносимая вслух, заставит его опомниться. Если же такой возможности нет, то надо говорить молитву хотя бы одними устами, чтобы как-то напоминать себе, даже телесным образом, о том, что ты молишься, - потому что иногда так увлекаешься грехом, что забываешь об этом. Также полезно в это время взирать на иконы Спасителя, Божией Матери, чтобы и глаза, и слух, и уста - все заставляло тебя опомниться. Дьявол наводит на нас забвение - мы же должны всеми средствами возбуждать в себе именно память Божию, каковой является молитва Иисусова, поскольку другое ее название -

память Божия.

Не правы и те, которые, борясь с блудной страстью, надеются только на пост и другие телесные подвиги, и те, которые, занимаясь Иисусовой молитвой, умным деланием, думают совершенно обойтись без воздержания в пище и без поста. К сожалению, в жизни мне приходилось сталкиваться с обеими этими крайностями. Бывает печально падение, случившееся оттого, что человек надеется только на пост и притом ничего не может сделать со своей душой, никак не может обуздать ее страстные порывы. Мне приходилось встречать и другое: человек как будто бы ревнует о молитве Иисусовой, но совершенно нерадив в отношении воздержания в пище, поклонов и прочего подобного, хотя по его телесному состоянию ему это необходимо. Из-за этого нерадения он подвергается сильнейшим искушениям, а иногда и падениям. Итак, сейчас мы сказали о блудной страсти.

Далее идет страсть печали, скорби. Кроме молитвы Иисусовой одним из самых могущественных средств против этой страсти является сознание того, что скорби мы терпим по причине наших грехов. Скорби - это естественное наказание, следующее за нашей греховностью, естественное ее последствие. И когда мы это осознаем, терпеть нам бывает гораздо легче. Не всегда вид скорби совпадает с характером греха так очевидно: каков грех - такова и скорбь, бывает, что явную связь проследить нельзя. И тем не менее в любом случае скорбь - последствие греха, и осознание этого, покаяние в своих грехах, в особенности в тех, которые мы можем вспомнить, и даже вообще в своей греховности облегчает терпение скорбей, делает их какими-то удобоносимыми. Кроме того, нужно сознавать, что жизнь - это есть, как она названа в Священном Писании, "юдоль скорбей" и совершенно от них избавиться невозможно. Какими бы мудрыми, рассудительными и пусть даже добродетельными мы ни были, все равно от скорбей не уйти. И если мы будем роптать, возмущаться, то к внешней скорби, огорчению от каких-то неприятностей добавим еще и внутреннюю горечь - ропот, и тогда уже действительно будет невыносимо. С Божией помощью можно терпеть все. Вспомним хотя бы тех новомучеников российских, которые десятками лет пребывали в лагерях. Иные в общей сложности проводили в них лет двадцать, многие погибали от невыносимых условий содержания, и тем не менее они терпели, духовно преуспевали, исполнялись благодати, соблюдали заповеди, когда, казалось бы, ради того чтобы только выжить, можно было, так сказать, извинить себе все. Также юродивые Христа ради добровольно брали на себя невыносимые скорби подвижнической жизни и совмещали в своей жизни все вообще подвиги христианские: столпничество, пост и все что угодно. Значит, мы не в состоянии иногда что-то терпеть не потому, что это невозможно вытерпеть, а потому, что считаем себя достойными лучшей участи. Если бы мы, подобно разбойнику, воскликнули: "Достойное по делам моим приемлю, помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!" - то терпеть нам было бы гораздо легче. Вы видите: два разбойника страдали возле Господа, один роптал, говорил: "Если ты Христос, спаси Себя и нас", другой сказал: "Достойное по делам нашим принимаем" (см. Лк.23:39-42). Разбойник, сказавший, что он принимает достойное по делам своим, от одного этого безропотного смирения приобрел необыкновенную веру в тот момент, когда даже ученики ее потеряли, и произнес: "Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое!" Вот что бывает от безропотного терпения скорбей.

Скажу вам, что сегодняшней наш разговор - это лишь беглый обзор страстей, по ходу

которого я даю некоторые второстепенные советы. Самый главный совет был уже дан мною в предыдущей беседе: необходимо молиться Иисусовой молитвой. Без молитвы, без понуждения себя к молитве Иисусовой ничто не поможет, ничто не принесет ни малейшей пользы и все эти советы окажутся просто пустословием. Даже если бы мы не знали всего того, что я говорил в беседе, но истово молились, то мы вполне могли бы бороться со страстями. А если мы будем это знать, но не будем молиться, то никакие советы нам не помогут. Мы не сможем вытерпеть никакой скорби, если не будем иметь помощи Божией, приобретаемой прежде всего через непрестанную молитву Иисусову.

Следующая страсть - уныние. Это, вообще, очень отвратительная, мучительная страсть, но в особенности она страшна для тех, кто ведет монашеский образ жизни. Мирянин почти не имеет возможности унывать, потому что он занят мирской суетой и она его отвлекает; он вынужден заботиться о своих близких и потому не может, так сказать, свой внутренний взор сосредоточить на самом себе, у него нет времени унывать. А для монашествующего - и не только для отшельника, но и для человека, живущего в общежительном монастыре, - эта страсть особенно вредна, губительна, потому что, поддавшись ей, он обезоруживается и уже становится не способным ни к какому духовному подвигу, ни к какому духовному занятию. У него опускаются руки, и он считает себя окончательно погибшим - иногда при таких обстоятельствах, когда все прекрасно и, можно сказать, отлично. Однако страсть уныния, как и прочие страсти, совершенно ослепляет человека, и ему кажется, что действительно нет никакого выхода, тогда как на самом деле, может быть, и скорби-то совсем нет и выхода ниоткуда искать не нужно. Но под действием страсти человеку представляется, что он уже погиб, что все пропало, все бесполезно и никто и ничто помочь ему не в силах. Почему? Потому что человек принял этот помысел и согласился с ним. Конечно, бороться с унынием можно по-разному. Некоторым по временам помогает даже то, чтобы вкусно поесть, и не нужно думать, что делать этого нельзя. (Разумеется, если бороться только этим способом и больше никаких не применять, то уныния, вероятно, не будет, зато будет все остальное). Иоанн Лествичник советует употреблять иногда эту, так сказать, хитрость в борьбе с гневом. Он говорит: "Когда тебя борет гнев, можешь дать некое малое утешение чреву". Но хорошо, если оно малое, а то порой человек так утешится - до самозабвения, до тошноты, возможно и такое. Конечно, это неразумно. Речь идет об исключении, о своего рода хитрости, и не следует делать отсюда вывод, что только так можно бороться со страстью уныния или гнева - при помощи такой вот некоторой уступки чревоугодию. Позволительно употребить и другую хитрость: как-то пошутить. Опытный наставник может вовремя пошутить и какой-то невинной шуткой привести человека в веселое расположение духа. Пусть это будет радость не духовная, но она все-таки лучше, чем уныние. Но это, опять же, хитрость - маленькая, не решающая вопроса кардинально. Кроме молитвы Иисусовой против уныния очень помогает память смерти. Кажется странным: человек вспоминает о смерти - и у него проходит уныние. Наоборот, надо было бы унывать. Однако это не так. Именно воспоминание о смерти, о будущей жизни отрезвляет человека и заставляет его все эти, так сказать, глупости отбросить в сторону. Такой глупостью, чем-то суетным, ничтожным может показаться не только мнимая скорбь при беззаботной и бесскорбной на самом деле жизни в монастыре, но и какая-нибудь тяжкая брань с тем или иным видом греха (от этого часто возникает уныние), и какая-то по-настоящему невыносимая скорбь, даже тяжелая болезнь - своя ли

или близких. Благодаря памяти смертной все предстает в другом свете, а именно в истинном свете. Человек отрезвляется и понимает, что в действительности все приводящее его в состояние уныния, обезоруживающее его - мираж и что не нужно всему этому придавать значения.

Уныние не всегда выражается, как я говорил, в том, что человек просто приходит в грустное состояние. Иногда уныние имеет совершенно противоположный вид: человек веселый, радостный, ко всему относится с какой-то живостью - ко всему, кроме духовных занятий. Такой вид уныния еще страшнее. Мы видим вокруг себя людей, находящихся не только в унынии, но в глубочайшем отчаянии. Весь мир погружен в отчаяние. Один знаменитый подвижник нашего времени - схиархимандрит Софроний Сахаров говорил, что современное неверие - это следствие отчаяния, все человечество впало в отчаяние. То есть люди чувствуют такую безысходность, так они отчаялись в своем спасении, что уже отрицают даже Бога, бытие Божие, для того чтобы можно было жить спокойно. Любое заблуждение на самом деле есть следствие той или иной страсти. И безбожие, по очень остроумному мнению Софрония Сахарова (остроумному не в смысле шутки, а в смысле остроты ума), которое мне кажется правильным, по крайней мере достойным внимания, - это следствие отчаяния. Люди, поддавшиеся глубочайшему, совершенно безысходному отчаянию, веселятся необыкновенным образом. Их веселье - "пир во время чумы", как сказал Пушкин. Они пьют, едят, придумывают всевозможные развлечения, чтобы не поддаваться этому мраку, чтобы не оставалось ни одной свободной минутки для того, чтобы обратить взор на себя, вспомнить о себе. Все их развлечения и безудержное веселье - признак именно глубочайшего отчаяния, а отчаяние - это крайнее проявление уныния. Такой вид уныния, когда человек и самого уныния не видит, так сказать, когда он уже погрузился в него с головой и как бы утонул в нем, гораздо страшнее. Вспоминая о смерти - конечно же, не собственно о факте смерти, потому что мы относимся к нему не так, как, скажем, безбожники, буддисты и прочие, но у нас есть определенный взгляд на смерть, я сейчас не буду говорить об этом подробно, лишь напомню, что это, скорее, память о вечности, а не о смерти - итак, вспоминая о смерти, мы начинаем ко всему относиться иначе, снимаем с себя пелену уныния, как откровенно проявляющуюся - в виде грусти, лени, так и прикрывающуюся видом веселья, но уводящую при помощи всевозможных развлечений от воспоминания о Боге.

Страсть тщеславия имеет, если можно так выразиться, две стороны. С одной стороны, мы ищем славы от людей, ищем одобрения в их глазах, что бы эти люди из себя ни представляли, иногда это могут быть люди, имеющие по сравнению с нами совсем другие убеждения. С другой стороны, мы боимся бесславия, причем также среди тех людей, к которым относимся совершенно безразлично и даже презрительно. Конечно, как я говорил, память смертная приносит пользу всегда, но здесь, мне кажется, вспомнить о смерти особенно полезно - именно в борьбе с тщеславием. Кто думает о том, что все в глазах человеческих что-то собой представляющее на самом деле пройдет, окончится тлением, тот подобен внезапно протрезвавшему человеку, которого окатили холодной водой, отчего он вдруг увидел, что в действительности вокруг него происходит и где он находится. Нужно стараться быть независимым от человеческого мнения и в малом, и в большом. И в смысле внешнего вида, и в смысле того, что считать добродетелью, а что пороком, и в смысле

убеждений, и в смысле поведения. Не надо делать все наперекор, но и не подстраиваться под всех. Стараться не выделяться, но не ради того, чтобы всем понравиться, а чтобы не казаться себе лучше других, то есть необходимо вести себя скромно. Не стремиться выглядеть, скажем, умнее или лучше, но в то же самое время не угождать людям, принимая к сведению то, что они считают добром. Например, сейчас очень модно рассуждать о животных. Некоторые люди, иногда даже знаменитые, создают приюты для собак. Порой слушаешь обо всем этом и размышляешь: "Какие могут быть приюты для собак, людей-то порой приютить негде. Люди опускаются до уровня собак, и о них никто не думает". Конечно, это не значит, что нужно быть жестоким по отношению к животным, но надо в то же самое время и здравый смысл сохранять. И если кто-то из нас скажет, что ему безразлична участь какой-нибудь бродячей собаки, то его укорят: "Где ж твоя христианская любовь?" И для того чтобы понравиться этим людям, мы должны будем говорить, что очень любим собак, что мы будем давать деньги, чтобы бездомных собак привечали, кормили и так далее. Однако попробуйте высказаться, что нам это безразлично, - нас обвинят в жестокости. Или если мы скажем, что современные научные открытия для нас ничего не значат, что мы сомневаемся в них и что, вообще, все это нас не интересует, то нас назовут невеждами, и мы будем стараться подтасовывать свои религиозные убеждения, для того чтобы в глазах этих мнимых мудрецов, чуждых Церкви, казаться людьми умными. Это - самое обычное человекоугодие, проявляющееся в нас повседневно, и мы в значительной степени находимся под его властью. В каких-то второстепенных вещах, может быть, это и уместно, например во внешнем виде: одеваться так, как сейчас принято, придерживаясь в то же время основных принципов внешнего вида христианина, то есть скромности, приличия, целомудрия. Но когда мы стараемся выглядеть модно, "из кожи вон лезем", чтобы нас в этом отношении одобрили, то, значит, мы опять поддаемся обычному, очень распространенному тщеславию. Нужно научиться смотреть на все независимо, самостоятельно. Самостоятельно не так, чтобы каждый имел свою, особую точку зрения, а чтобы мы оценивали все с позиции Православной Церкви, с позиции Евангелия. Необходима не абсолютная самостоятельность, так чтобы у каждого из нас была личная точка зрения, а самостоятельность именно православная.

Хочу повторить, что я не даю исчерпывающей характеристики (да, наверное, и не способен ее дать) борьбы с каждой страстью, а говорю лишь о некоторых, особенно примечательных моментах, притом, может быть, что-то и опускаю. Думаю, что благодаря вашим вопросам я дополню сказанное.

Следующая страсть - гордость. Очень опасный вид гордости - и незамечаемый многими, и губительный для многих - это самонадеянность. Когда-то я спросил у своего духовника, что такое смирение. Тогда меня постоянно интересовали вопросы глобальные, и я думал, что если это выясню, то потом у меня уже все пойдет, так сказать, само собой, без всякого труда. Оказалось, конечно, что все не так. Духовник мне сказал, что смирение - это когда не надеешься на себя. Я думаю: "Что он такое говорит, как одно с другим соотносится?" И не принял его слова. Я даже помню: у него на лице отразилось какое-то неудовольствие. То есть он внутренне почувствовал, что я не принял сказанное им. Но прошли годы, и я убедился в необыкновенной точности его слов, хотя на вид они, может быть, кажутся странными. Потом я прочитал у святителя Игнатия, что Иисусова молитва

приучает человека к высшему виду смирения - ненадеянию на себя. Таким образом, ненадеяние на себя, по мнению святителя Игнатия, это высший вид смирения. Высший!

Преподобный авва Дорофей говорит о такой разновидности гордости, как надежда на свой разум. Это тоже очень опасный и страшный вид гордости. Также авва Дорофей совершенно справедливо говорит: "Я не знаю другого падения монаху, как если он понадеялся на свой разум". В сущности, можно назвать два рода самонадеянности: когда человек надеется на свои силы и когда он надеется на свой разум. Если я надеюсь на свой разум, то есть думаю, что я сам во всем разберусь, то я непременно запутаюсь. Если я рассчитываю на свои силы, то я обязательно не выдержу того или иного испытания или искушения и упаду. Нужно стараться победить прежде всего этот вид гордости, следует обращать на него особенное внимание. А постепенно, постепенно к нам придет и неподдельное смирение. Оно появляется не от каких-то человеческих ухищрений, но от действия благодати Божией. Иоанн Лествичник, если не ошибаюсь, говорит, что смирение невозможно как-то определить и описать, потому что оно есть свойство Христово. И не нужно думать, как я когда-то думал по своей неопытности и по юношеской, можно сказать, глупости, что если я приобрету смирение, то все страсти "автоматически", естественно пропадут. Смирение - это та добродетель, которая приобретается не иначе, как в борьбе со страстями, а не так, что сначала смирение, а потом - легкая борьба со страстями. Нет, человек смиряется именно в самой тяжелой, мучительной борьбе с грехом. Смиряется и от своих бесконечных мысленных падений, и оттого, в особенности, что в борьбе с грехом, при сопротивлении греху он понимает недостаточность своих сил, опытно чувствует свою немощь и искренно прибегает в молитве к Богу, прося Его о помощи. Во время этого чрезвычайного напряжения сил сознание своей совершенной беспомощности, недостаточности к тому, чтобы победить тот или иной грех, и искренняя просьба о помощи - это и есть самое настоящее смирение, только еще не благодатное, но человеческое, опытное. А смирение благодатное - вещь неизъяснимая, как говорит Иоанн Лествичник (я повторяю). Итак, подлинное смирение, как я сказал, приобретается именно в борьбе со страстями, а также от бесконечных своих преткновений и опытного познания своей немощи. Но невозможно, чтобы я каким-то образом где-то нашел смирение, а уже потом, вооружившись этой великой добродетелью, с легкостью победил все страсти. Нет, это не так, смирение приобретается именно в борьбе со страстями и постепенно. По мере его приобретения борьба со страстями все более и более облегчается и становится более успешной. Преткновений, мысленных падений становится все меньше, твердость христианина все более усиливается, и он находит некоторый покой и некоторое, так сказать, отдохновение от бесконечных своих поражений. Иного пути нет. Кто захочет найти другой путь, тот, в лучшем случае, через какое-то время (менее благоразумный - через годы, более благоразумный - через месяцы, совсем упрямый - через десятки лет) придет к тому же. В худшем же случае человек впадет в нерадение и скажет, что победить себя, исполнять заповеди невозможно, поэтому брошу я это дело, - может быть, Господь как-нибудь помилует.

Опасен еще и такой вид гордости, когда человек начинает думать, что он в каком-либо отношении что-то собой представляет. Пусть даже ты гордишься тем, что хорошо варишь суп. Не думай, что этот помысел ничего не значит, это также гордость. Гордость может быть

и оттого, что ты хорошо молишься, и оттого, что ты хорошо что-то делаешь, и оттого, что у тебя красивая внешность, и оттого, что ты умный, и оттого, что ты образованный или богатый. Иногда бывает гордость даже оттого, что человек может много водки выпить. Иной гордится тем, что он убийца и что уже много людей убил. Вор гордится умением украсть так, что никто и не заметит. Есть самые разнообразные виды гордости, правильнее же сказать - самые разнообразные поводы для возникновения гордости, и нужно быть очень к себе внимательным, чтобы не загордиться по любому поводу. По любому! Постоянно следить за собой: не поддался ли ты по какой-то, может быть и пустяковой, причине самомнению, не поддался ли ты, как говорят святые отцы, дмению. Потому что если ты этой страсти поддался, то, значит, она, лишив тебя благодати, делает тебя подверженным бесовским нападениям и, по выражению святых отцов, удобопадательным, то есть легко впадающим в те или иные грехи, иногда даже тяжкие. Я прошу прощения за то, что дал очень краткий, беглый обзор страстей и, быть может, высказал лишь отдельные, более или менее интересные замечания. Еще хочу сказать о том, что необходимо в борьбе со всеми страстями, без чего вообще невозможно совершать христианский путь и чем многие, как это ни странно, пренебрегают. Приступая к христианскому подвигу самим делом, мы вдруг задумываемся: почему же раньше, читая ежедневно Евангелие, мы его не понимали и не исполняли? Хотя в нем ясно говорится о необходимости понуждать себя. Спаситель сказал, что Царство Небесное нудится и нуждницы то есть понуждающие себя> восхищают приобретают> его (см. Мф.11:12). Понуждающие себя! Если мы в борьбе со страстями либо в исполнении тех или иных добродетелей или заповедей не будем себя понуждать, то у нас ничего не получится. Понуждение же необходимо там, где нет желания. Не думайте, что понуждение состоит в том, чтобы делать только то, что я хочу. Допустим, передо мной стоит, так сказать, выбор: принять блудный помысел или отвергнуть его. У меня есть желание, с одной стороны, иметь чистый, целомудренный ум, а с другой стороны - усладиться нечистым помыслом (конечно, неприятно в этом сознаваться, но желание такое есть). Что я должен сделать для того, чтобы это желание победить, чтобы восторжествовало желание доброе? Я должен себя заставить, понудить. Я не хочу, но заставляю себя. Одно дело - лицемерить, притворяться, обычно это делается для людей; другое дело - заставлять себя, это делается для самого себя. Я делаю это перед своей совестью. Не перед людьми, не перед глазами человеческими, а перед самим собой. В борьбе с грехом указанный момент очень важен, - может быть, он является одним из самых важных. Необходимо себя понуждать. Кто делает все без понуждения, добродетели исполняет охотно, с любовью, естественно, тот достиг совершенства и имеет уже великую благодать. Но мы не можем прийти в такое состояние сразу. Не нужно считать, что если оно лучше, то, следовательно, надо стремиться немедленно его приобрести. Это большая ошибка, и не только в отношении сказанного, но и вообще. Если мы видим, что любовь к Богу и к ближнему лучше, чем, скажем, страх Божий, то это не значит, что мы можем сразу, минуя страх, приобрести добродетель любви. Если мы осознаем, что хорошо исполнять заповеди охотно, с желанием, то это не значит, что мы способны сразу, минуя самопонуждение, прийти в такое состояние. Так же и во всем остальном. Есть состояния и весьма возвышенные, и прекрасные, но в настоящий момент для нас недоступные. И конечно же, все мы должны начинать именно с самопонуждения, и чем менее мы духовны, чем менее нравственны, тем более необходимо нам понуждение.

Иногда такое жестокое и страшное, такое невыносимо тяжелое, что Спаситель сравнивает его с отсечением собственных членов, говоря: "Если рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя. Если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя. Лучше тебе с одной ногой войти..." Хотя с точки зрения человеческого рассудка это кажется странным, даже такой образ; возникает вопрос: "Как это, с одной ногой лучше войти?" - но так говорит Господь. "Лучше тебе с одной ногой войти в Царство Небесное, чем с двумя быть ввержену в геену огненную". (См. Мк.9:43,45). Значит, в борьбе с соблазном необходимо такое понуждение, нужно быть к себе таким жестоким, как будто ты отсекаешь собственный член. Кто из нас сделает это? Правда, были такие мужественные люди, которые проводили себе ампутации, например раненые, понимавшие, что другого выхода нет. Но это люди исключительные - те, которые в самой опасной и страшной ситуации не потеряли рассудка, не впали в панику. Спаситель же, говоря об отсечении собственных членов, дает нам образ той жестокости, которую необходимо иметь по отношению к себе в борьбе с грехом. Если мы не захотим принять этого, не будем понуждать себя до такой степени, то ничего у нас не получится. Сколько мы преуспеем в понуждении, столько преуспеем в любой добродетели.

Понуждение же себя, еще раз говорю, и, вообще, любая другая добродетель не может быть правильно совершена без молитвы. Без нее мы не в силах даже понудить себя. Поэтому делаем следующий вывод: необходимо понуждать себя именно к молитве.

Совершенно справедливо и очень премудро молитва называется матерью всех добродетелей. Когда я пытался спросить что-то о молитве у своего духовника (это был человек очень простой, даже малограмотный, но настоящий подвижник, опытно, а не только по книгам знавший евангельскую жизнь), он мне говорил: "Меньше слов и больше дела. Молись и все". Это тоже казалось мне странным, я думал: "Что же он мне не объясняет?" Но прошли годы, и я понял, что если я не буду молиться, не буду прежде всего заставлять себя много и внимательно молиться, то никакие советы ничем мне не помогут и что этот простой совет мудрее многих и многих рассуждений - самых, быть может, тонких и хитрых (хитрых не в смысле лукавства, а в смысле сложности). Поэтому в конечном счете мы возвращаемся к тому же: если у нас не будет понуждения к непрестанной внимательной Иисусовой молитве, то мы не получим пользы ни от каких прочих советов - не только от моих убогих, но и от преподанных в самых глубокомысленных и мудрых святоотеческих книгах.

Вопрос. Не хочется принимать мысль о постепенности приобретения смирения, потому что, как мне кажется, в настоящее время меня это будет оправдывать, когда я впаду в гордость, обидчивость, дерзость, гневливость и так далее.

Ответ. Иоанн Лествичник говорит такие слова: "Кто хочет приобрести добродетель прежде времени, тот не приобретет ее и в свое время". Если я буду мечтать о какой-то возвышенной добродетели, скажем о смирении, и вместе с тем пренебрегать мелкими повседневными случаями, которые дают мне поводы к тому, чтобы смиряться (пренебрегать по той причине, что они кажутся мне чем-то ничтожным и пустяковым по сравнению с тем великим, что я хочу иметь), то смирения я не приобрету никогда. И если у тебя есть такие проявления гордости, как обидчивость, дерзость, гневливость, то все эти мелкие случаи, мелкие, так сказать, события, происходящие в твоей жизни, как раз и нужно использовать для того, чтобы смиряться. А пока ты не примиришься с той мыслью, что смирение

приобретается не сразу, значит, будешь искать чего-то великого и будешь бесконечно падать, падать и падать. Так никогда ничего не исполнишь: и великого не приобретешь, и в малом не смиришься.

Вопрос. Может ли страсть накладывать отпечаток на лицо, так что люди, подверженные одинаковой страсти, будут похожи друг на друга, или это суеверие?

Ответ. Я думаю, что такое, разумеется, может быть, но лучше не всматриваться, а то будешь людям говорить: "П., ты гордый, и ты, отец В., гордый, и ты, А., гордый: у вас у всех на лицах одинаковые отпечатки". Конечно же, эти наблюдения ни к чему. Мы не занимаемся физиогномикой или гаданием по лицу. Мы должны стараться в каждом человеке, даже в самом опустившемся, видеть образ Божий. Истинное Христианство состоит в том, чтобы как раз не замечать в ближнем ничего плохого. Святитель Игнатий говорил, что он сподобился видеть лица своих врагов как лица Ангелов Божиих. Он смотрел на своего врага, клеветника, и тот казался ему Ангелом с сияющим лицом. Отчего это? Потому ли, что тот человек был таким на самом деле? Нет, но потому, что благодать Божия ослепляет христианина в том смысле, что лишает его видения чужих грехов. Исключение, может быть, составляют те, которые несут послушания, связанные с руководством других людей. Речь идет о духовниках, им поневоле приходится во всем разбираться, и некоторые в этом отношении имеют даже цинизм, так сказать, потому что иначе невозможно помочь человеку разобраться в себе. Опять же, они делают это не ради осуждения, а ради помощи ближним. Здесь духовник уподобляется хирургу, который вынужден совершать страшные вещи: разрезать, скажем, человеческое тело и перебирать его внутренности, но он делает это не оттого, что он садист, не ради своего удовольствия, а ради того, чтобы помочь человеку избавиться от какой-нибудь неизлечимой болезни. Вообще, всем христианам надо, наоборот, стремиться ничего в человеке не видеть, не рассматривать, какая страсть изображается у него на лице: гордость или гнев и так далее. Нужно думать, что все хорошие, кроткие, что все Ангелы Божий, что все вокруг меня святые, один я грешник. Конечно, если мы сами себе будем это повторять, то у нас такого отношения ко всем людям не появится. Лишь действие благодати может сделать человека способным так относиться к ближним, а собственными только усилиями достигнуть этого невозможно.

Вопрос. Из-за мысли о последующем покаянии и милости Божией часто мучают блудные помыслы.

Ответ. Это, конечно, просто лукавство бесовское: Господь милостив - можно и блуд сотворить. Но Господь не единственно милостив, Он еще есть и Праведный Судья, и Он может наказать не только в будущей, но и в этой жизни. И наказать так жестоко, что если это не пойдет на пользу тебе самому, то по крайней мере тем, кто тебя окружает. Отнюдь не нужно видеть в Боге одну лишь любовь, в Нем нужно видеть и справедливость, причем справедливость неумолимую. Поэтому такое лицемерное, лукавое отношение к милосердию Божию может окончиться весьма и весьма печально. И еще, если Бог так милосерд, что Он все грехи прощает, то кто тогда будет в аду? Все кто угодно, но только не я? Именно мне Бог все простит, а П. - нет. А почему? - А так, не простит и все... потому что у него на лице явный отпечаток гордости, а мне простит. Почему Он мне простит? - Потому что это я, я ведь себя люблю и все себе извиняю, значит, и Бог должен отпустить мне все грехи. А почему я обязан П. все прощать? Раз я ему не прощаю, то и Бог тоже не должен прощать. Вот

какая у нас получается логика: Бог должен нас помиловать по той причине, что мы сами себя милуем. Иначе говоря, выходит, что "Бог - это я, Бог должен судить так, как я хочу".

Вопрос. Можно ли считать постом установленный в монастыре режим питания, а также исключение из рациона определенных видов пищи?

Ответ. У каждого имеется свое благословение. Одним благословлено есть десять раз в день, и им кажется, что этого мало, им нужно говорить: "Ты одиннадцать раз в день не кушай - это будет уже чрезмерно". Другой питается один раз в день, и ему этого много, ему надо и в этот один раз есть поменьше, потому что он так наестся, что лучше бы он кушал десять раз в день. Вот А. сейчас рассказал о следующем "разумном" подходе: есть так, как будто делаешь это последний раз в жизни. Установленный порядок питания, конечно, является общепринятым, но нельзя всех "стричь под одну гребенку". Один по немощи, по болезни нуждается в ослаблении установленного порядка, другому, наоборот, требуется воздержание более строгое. Иначе все это было бы слишком просто. Один - богатырь и тому, вероятно, надо есть раз в день или через день, а другому по немощи необходимо поддерживать свои силы несколько раз в день. Поэтому нельзя всех уравнивать.

Вопрос. Совсем недавно я заметил, что менее смешлив, чем другие. Даже удивляюсь иногда, что люди смеются над какими-то вещами, хотя это не смешно. И в то же время я очень склонен к унынию. Может ли быть между двумя этими явлениями взаимосвязь?

Ответ. Я думаю, что не нужно в борьбе с унынием стремиться к смешливости. Если ты серьезный человек, у тебя есть некоторая серьезность, то это прекрасно, храни, удерживай это. Но с унынием нужно бороться в основном не при помощи смеха, смех - это, так сказать, маленькая хитрость, можно обойтись без него. И даже святитель Игнатий считал, что вовсе нельзя его допускать, но другие подвижники относились к этому более снисходительно, скажем Амвросий Оптинский, который и сам любил пошутить, даже писал шутливые стихи в народном стиле - двустистишия или четверостишия. Однако лучше, конечно, быть серьезным. С унынием нужно бороться не при помощи шуток, а в основном, как я говорил, молитвой и памятью смертной, воспоминанием смерти.

А есть ли между этими явлениями взаимосвязь, сказать трудно. Скорее всего, никакой взаимосвязи здесь нет.

Вопрос. В одной телепередаче деревенский человек рассказывал, что он сделал себе гроб и время от времени в него ложился, а когда закрывал над собой крышку - такие мир и тишина нисходили на его душу, что "вам и представить невозможно", как он сказал. Может ли такое быть, правда ли это?

Ответ. Я не знаю, в каком состоянии находился тот человек. Возможно, он был прельщенный или ни во что не верил, только в гроб один. Мало ли встречается странных людей? Если же это действительно был человек высокодуховной жизни, имевший настоящее смирение, то могло быть и такое. В этом ничего плохого нет. У меня есть одна знакомая - благочестивая пожилая женщина, ей восемьдесят или восемьдесят один год, мирянка. Она уже много лет (я знаком с ней, наверно, лет двадцать), по крайней мере с того времени, как я ее знаю, держит у себя на чердаке (живет она в частном доме) доски для гроба, уже выстоявшиеся, хорошие, но, правда, гроб еще не сделан. Она держит их просто для того, чтобы было какое-то воспоминание. Вероятно, она эти доски месяцами не видит, но она знает, что у нее на чердаке лежат доски для гроба и что у нее уже что-то готово к

погребению. И я думаю, это полезно для души. Другое дело, что нельзя превращать это в игру. Можно и крышкой гроба укрываться, и в склепе жить и так далее, но притом быть просто пьяницей. Многие опустившиеся люди живут на кладбищах, однако это не значит, что они подвижники, и если у них такие страшные лица, то не от подвига, а от совсем противоположного. Так что соприкосновение с предметами, напоминающими о смерти, само по себе не принесет пользы, если при этом нет ничего другого. Справедливо то, что состояние, описанное тем деревенским человеком, может быть и у мирянина, но при наличии у него определенных качеств, даже если речь идет о семьянине. Я такой возможности не исключаю. Как знать, у кого какая добродетель. Если тот человек - православный христианин, если он ведет очень благочестивый, очень ревностный образ жизни, то, вероятно, действительно на него находит покой. Потому что от памяти смертной отходят в сторону все суетные, греховные помыслы. И вполне может быть, что у простого человека, когда он накроется крышкой гроба - еще раз подчеркиваю: при наличии всего остального, - в душе наступает тишина. Не оттого, что он не слышит никаких звуков, а оттого, что это очень живо приводит ему на память смерть.

Когда-то показывали фильм "Веселые ребята" (приведу пример противоположный). Если помните, его герои - джазмены ехали в катафалке, кто-то лег в гроб и так далее, все это превратили в смех. И все смеются, и мы смотрим - смеемся, и сцена эта была разыграна для смеха. Поэтому гроб сам по себе, даже когда мы ляжем в него и крышкой накроемся, отнюдь не даст нам покоя.

Вопрос. Как Вы относитесь к книге Никодима Святогорца "Невидимая брань"?

Ответ. Я отношусь к ней сдержанно. По какой причине? Из-за ее происхождения. Книга эта переведена Никодимом Святогорцем с латинского языка, если не ошибаюсь, и переделана на православный лад. Сначала ее переделывал Никодим Святогорец, а потом еще немного - святитель Феофан Затворник, когда он уже переводил ее с греческого языка на русский. (Никодим Святогорец сделал перевод этой книги с латинского на новогреческий, то есть современный греческий язык, а святитель Феофан - с греческого на русский). Но в то же самое время в ней есть много полезных советов. Правда, я предпочитаю, из русских духовных писателей, святителя Игнатия, но думаю, что и "Невидимую брань" можно почитать. Лично я посоветовал бы за основу взять сочинения святителя Игнатия и, прочитав их внимательно, причем не один раз, то есть не просто прочитав, а изучив, приступить к чтению других русских писателей. В первую очередь прочесть, допустим, письма Амвросия Оптинского, Георгия Задонского, сочинения Иоанна Кронштадтского и святителя Тихона Задонского и др. Ознакомившись с творениями русских духовных писателей, писавших на нравственные и аскетические темы, можно обратиться и к древним: авве Дорофею, Иоанну Лествичнику, Иоанну Кассиану Римлянину, Варсонофию и Иоанну. Потом уже можно будет взять Добротолюбие, когда хорошо познакомишься с этими книгами, потому что в Добротолюбии говорится о некоторых тонких духовных вещах, которые требуют, так сказать, предварительного изучения других книг. Но в любом случае я бы посоветовал начать именно со святителя Игнатия, а потом уже читать и "Невидимую брань" Никодима Святогорца, и творения других писателей. И то, что совпадает с мнением святителя Игнатия, без всякого опасения можно принимать (если ты, конечно, вообще способен хоть о чем-то здраво рассудить, ведь извратить можно все что угодно), а что не совпадает - к тому относиться с

осторожностью.

Вопрос. Я очень хочу слушаться свою наставницу, исправляться и каждый раз на исповеди помыслов обещаю ей это, но не могу удержаться от греха и исполнить свои обещания. Батюшка, я постоянно вижу, что, как я ни стараюсь, нет во мне послушания, нет сил удержаться от падения. Снова и снова, приходя к наставнице, прошу прощения и обещаю исправиться, прошу молиться за себя. После этого совсем ненадолго исправляюсь, а потом опять начинаю грешить. Мне уже стыдно просить прощения, теперь появился страх перед наставницей. Страшно подумать, что надо вновь идти просить прощения из-за тех же самых грехов. Батюшка, мне уже жаль и наставницу, и себя, а изменений все нет. Я ведь ее уже столько раз просила: "Еще и еще потерпите и еще раз простите". Страшно уже каждый раз приходить с такими словами. Правильный ли это страх перед наставником?

Ответ. То, что ты боишься приходить к своей старице, - это, конечно, страх неправильный. Должно бояться, но не так, чтобы вовсе уклоняться от нее. Несмотря ни на что, нужно всегда быть готовым прийти, рассказать все без остатка и выслушать, может быть, даже самый строгий приговор или самое строгое обличение. Тогда будет польза. А если мы будем избегать наставника, ожидая той поры, когда исправимся, то мы все больше и больше будем грешить. Кроме того, раз ты чувствуешь, что не получается исправиться, значит, мало молишься, мало уповаешь на Бога, но надеешься на свои силы. Стало быть, нужно больше, усерднее, внимательнее, истовее молиться, и тогда будут происходить изменения. А поскольку ты надеешься только на себя, то немножко постарайся, а потом, когда случится какое-нибудь искушение, вновь падаешь. Это относится ко всем, не только к монашествующим. Духовника не нужно бояться. Хорошо было бы выбрать себе такого духовника, которому можно доверять, который имеет хоть сколько-то здравого смысла, хоть сколько-то рассуждения, и открывать ему все, что бы ни было, в том числе и самое постыдное, самое страшное, то, что, быть может, и вспомнить боишься, но знаешь, что от духовника утаить нельзя. Тогда самый страх перед необходимостью исповедывать эти грехи удержит тебя от их совершения. А если и совершишь грех, то по крайней мере будешь знать, что все равно придется тебе пойти и все рассказать, и потому есть надежда на исправление. Страх, отвращающий от исповеди, - это страх нехороший, возможно, даже бесовский, то есть внушаемый бесами.

Вопрос. Как бороться с гордостью и самохвальством, возникающими, когда замечаешь свои грехи и немощи?

Ответ. Я не понимаю, как это может быть: "гордость и самохвальство, возникающие, когда замечаешь свои грехи и немощи"? Если только в том смысле, что ты помышляешь: "Вот какая я внимательная, вижу свои грехи". Здесь, мне кажется, нужно обращать внимание не на то, что ты их видишь, а на то, что ты видишь. Видение грехов, которое у тебя есть, - это ведь не такое уж великое достоинство, - вероятно, другие видят еще больше. Я думаю, надо просто молиться и отвергать эти горделивые помыслы, как и все прочие, заботиться о своем исправлении, может быть, вспоминать о смерти, для того чтобы ничем временным, в том числе и никакими временными успехами в духовной жизни, не гордиться.

Вопрос. Вы говорите, что самопонуждение невозможно без молитвы и наоборот: молитва невозможна без самопонуждения. Как быть в таком случае, с чего начинать?

Ответ. Если говорить отвлеченно, абстрактно, все начинается с человеческого

расположения, то есть с того, к чему расположена человеческая душа. Это смутное расположение часто осеняется благодатью Божией, и тогда человеку что-то открывается, допустим то, что Православие - истинная религия. Потом, если в нем есть стремление к исправлению, ему вновь что-то открывается. От нас зависит нечто очень малое, а именно: душевное расположение и какое-то конкретное его воплощение, проявление в нашей реальной жизни. Расположение не может быть без конкретного проявления. А что касается самопонуждения и молитвы, то сначала все-таки дается благодать, иначе мы вообще не знали бы, что нужно молиться и кому нужно молиться. Самопонуждение также имеет в себе некоторый, так сказать, элемент помощи Божией. В противном случае мы бы и понятия не имели, что необходимо себя понуждать, и у нас не было бы ревности к этому понуждению. Но, конечно же, наибольшие усилия нужно прикладывать именно к молитве, потому что в ней более всего проявляется смирение. Если при совершении прочих добродетелей мы чувствуем, что потрудились, то здесь мы чувствуем только, что это дал нам Бог. Мы лишь попросили Его, а Он нам это дал. Потому молитва является самой высшей добродетелью, в наибольшей степени располагающей к смирению. Я думаю, что начинать надо все-таки с самопонуждения, потому что оно - в нас, а молитва - это уже нечто приобретаемое. Мы понуждаем себя к молитве, Господь дает нам благодать, и мы, имея ее, уже можем понудить себя к чему-то несколько большему, например к более внимательной, или к более усердной, или к более продолжительной молитве. Все это будет являться следствием действия благодати. Понудив себя к чему-то большему и получив благодать, мы обретаем благодатные силы - силы уже не наши, а благодатные - и некоторый свой навык, чтобы стремиться к чему-то большему. Вот так происходит духовное развитие. Если же не вдаваться в отвлеченные рассуждения, то, я полагаю, на практике нужно начинать, конечно, с самопонуждения, хотя бы и "со скрипом" шла молитва и тебе чуть ли не противно бы было произносить ее слова - бывает иногда и такое. Все же нужно себя заставлять, иначе никаких изменений не будет.

Вопрос. Для чего в Великую пятницу мы несем зажженные свечи в свои дома и изображаем копотью от них кресты? Разве не достаточно распятия, висящего на двери, кропления святой водой и каждения дома? Откуда этот обычай?

Ответ. Откуда этот обычай, я не знаю, но в России он очень распространен. Между прочим, в народе эти свечи называют громовиками, по той причине, что раньше их зажигали во время грозы и она прекращалась, конечно по вере тех, кто зажигал. Ради того, что свечи эти возжигаются во время столь благодатного богослужения, как утренняя Великого пятка, когда вспоминаются страдания Спасителя (правда, в приходских храмах она часто совершается в четверг вечером - переносится ради немощи), они приобретают некоторую благодать. Каким образом это происходит? Так же, как освящаются благодатью Божией различные предметы, находящиеся в храме. Я думаю, что даже коврик, который лежит в храме, - и тот уже освящен действием благодати. И все, что находится в храме: и пол, который мы как будто бы топчем, и скамьи, и рамы, и стекла - все освящается действием благодати. Тем более свечи, которые мы специально возжигаем во время чтения Евангелия.

Я думаю, что этот обычай происходит - но это моя собственная догадка, может быть и неправильная, - от обряда благодатного огня. Когда благодатный огонь сходит на Гроб Господень, эту святыню разносят по домам, оттого, возможно, и у нас в России возникло

нечто подобное. А копотью от огня этих свеч изображают кресты, поскольку считается, что она также имеет благодатную силу. Лично я не вижу в этом никакого суеверия, охотно это принимаю. Есть разные способы освящения. Вы сами, спрашивая, не достаточно ли распятия, висящего на двери, тут же прибавляете: "или окропления святой водой, или каждения дома". Значит, вы сами эти способы перечисляете: крест, сюда же можно добавить иконы, потом - окропление святой водой, каждение, есть чин освящения жилища. Есть еще, например, такой прекрасный благочестивый обычай: на ночь накладывать крестное знамение на четыре стены дома и осенять крестом кровать. Все это различные способы освящения себя и своего жилища, и ни один другого не исключает, напротив, они могут соседствовать и друг друга дополнять.

Вопрос. Как быть, когда ослепляет страсть саможаления и ропота? Никакие увещания не помогают.

Ответ. Во-первых, я думаю, нужно заставлять себя молиться, а во-вторых, можно вспомнить примеры тех подвижников благочестия, которые, наоборот, проявили самоотвержение и терпение. Позволительно даже вспомнить, хотя это, быть может, несколько дерзновенно, евангельское повествование о страданиях Спасителя и таким образом себя пристыдить. Но, еще раз говорю, без благодатной помощи, подаваемой через молитву, едва ли какие-либо искусственные наши ухищрения нам помогут.

Вопрос. Что такое хульные помыслы и в чем различие между хульными и блудными мыслями?

Ответ. Под хульными помыслами в основном понимаются помыслы против Бога. Иногда бывает откровенное кощунство против Божией Матери, против святых икон, веры - это один вид хульных помыслов. Иногда возникает просто ругань, хула, даже какая-то отвратительная матерщина, как бы сама в уме произносящаяся и приводящая душу в мучительное состояние. В некоторых случаях хульные помыслы принимают вид блудных. То есть по видимости это помыслы как будто блудные: представляются какие-то омерзительные блудные картины, но по результату можно видеть, что на самом деле это помыслы хульные. Каково свойство хульных помыслов, каков их главный признак? - Они вызывают в душе отвращение, смущение, уныние и отчаяние. Если блудные помыслы вызывают, конечно же, сладострастие, вожделение, похоть и так далее (все это может проявляться в разной степени, но признаки все равно должны быть), то хульные помыслы для того приносятся в нашу душу врагом, чтобы привести нас в уныние и отчаяние. Поэтому борьба против хульных помыслов совершенно иная, в сравнении с борьбой против помыслов, скажем, блудных. С последними нужно бороться и отвергать их, а на первые оружие такое: не обращать на них ни малейшего внимания, презирать их и не придавать им никакого значения. Дьявол иногда представляет хульные помыслы в виде блудных для того, чтобы нас запутать. Например, одна женщина рассказывала, что она, глядя на иконы, видит какие-то отвратительные блудные картины, и оттого она и ужасалась, и унывала до такой степени, что боялась на иконы глаза поднять. На самом же деле это были, конечно, помыслы не блудные, а хульные. Отличить можно по результату. Результат хульных помыслов, в смысле воздействия их на нашу душу, - смущение, уныние, отчаяние. Дьявол хочет привести нас в отчаяние. Поэтому мы не придаем хульным помыслам никакого значения, они не наши, мы им не верим и перед Богом за них не отвечаем. Вот так и нужно отличать.

Вопрос. Что делать, если совершенно отсутствует память, или страх, смерти? Иисусова молитва не производит изменения.

Ответ. Придет время и произведет изменение, не все сразу. Я думаю, иногда человеку только кажется, что он молится много лет, а на самом деле много лет - это всего лишь три года. У всех духовное развитие происходит по-разному: к кому-то одна добродетель приходит раньше, а другая как будто бы отстает, а к кому-то - наоборот. Конечно, существует какой-то общий порядок, но общие законы тоже весьма условны. Жизнь есть жизнь, и не может в ней все у всех происходить совершенно одинаково.

Вопрос. Если человек подвержен страсти гнева, то, значит, в нем отсутствует противоположная добродетель - кротость, наверное. Или же, хотя он в какие-то моменты и помрачается страстью, добродетель в нем все же существует? Или пока мы полностью не победили страсть, в нас нет противоположной добродетели?

Ответ. Я думаю, не может быть так, чтобы в человеке не было вообще никакой кротости. Если бы в нем совсем ее не было, а был бы только один гнев, значит, это уже был бы не человек, а демон, который постоянно пылает ненавистью и больше никаких чувств не испытывает. Раз человек иногда успокаивается, в отношении некоторых предметов бывает спокойным, следовательно, какая-то кротость в нем есть, но гнев, допустим, преобладает. И в какой-то момент страсть затмевает, побеждает ту добродетель, которая в нем имеется, и даже может быть, что происходит это очень часто, чаще, чем добродетель, скажем кротость, побеждает страсть гнева. Поэтому правильно было замечено, что когда человек помрачен страстью, добродетели в нем все-таки имеются. Не стоит стремиться побеждать страсть таким вот образом: сначала в тебе присутствует только один гнев, а потом ты вдруг побеждаешь его и в тебе - одна кротость. Ведь так не бывает, по крайней мере чрезвычайно редко, в виде исключения. Изменение совершается в тебе постепенно: усиливается кротость и, естественно, ослабевает гнев. Вот как происходит, а не так: пока мы полностью не победим страсть, в нас не будет противоположной добродетели. Еще раз говорю, что если бы в нас были только страсти и совершенно отсутствовали противоположные им добродетели, то, значит, мы были бы демонами. В них присутствует одно лишь зло, а в нас зло перемешано с добром.

Вопрос. Как узнать, что страсть в душе полностью побеждена?

Ответ. Этого я как раз и не знаю. Как действуют страсти, как грешить - это я могу объяснить, а вот как узнать, что они побеждены... Я думаю так: когда при виде соблазна в твоей душе не возникает никакого движения, тогда можно заключить, что страсть побеждена. Однако испытывать себя я не советую, а то начнешь себя испытывать и окажется, что страсть на самом деле в тебе еще есть, отнюдь не побеждена.

Вопрос. После прочтения творений преподобного Иоанна Дамаскина часто думаю о прочитанном, в частности о Триипостасности Божества, о том, что каждая Ипостась проникает в другую, не сливаясь и не смешиваясь, а также о том, что каждая Ипостась вездесуща, и так далее. Начинаю этим восхищаться, прихожу в благоговейный страх. Думаю об этом и во время богослужения. Стоит ли часто размышлять над этим или лучше внимать богослужению и непрестанно молиться?

Ответ. На мой взгляд, специально размышлять об этом не нужно. Хорошо, я считаю, если во время молитвы вспоминается иногда что-то, прочитанное в Священном Писании и у

святых отцов, и способствует более внимательной, благоговейной молитве. От внимательной молитвы такие вещи, если они действительно от Бога, должны усиливаться. Чтение Иоанна Дамаскина, конечно же, чтение отнюдь не плохое. Иоанн Дамаскин в своей книге "Точное изложение Православной веры" кратко, но в то же самое время глубоко излагает нам предание Православной Церкви. И страх от таких мыслей возникает по той причине, что в душе, так сказать, воскресают, являются те или иные моменты Священного Предания. Никто не может сказать, что это плохо. Другое дело - если мы увлечемся, начнем размышлять над Божественными предметами самостоятельно, тогда возникнет опасность того, что мы или запутаемся, или поддадимся гордости, - вот две опасности. Поэтому когда размышление возникает само по себе и не противоречит молитве, то это хорошо. Я думаю, что от этого и молиться легче. Например, прочитав толкование Иоанна Дамаскина на молитву "Трисвятое", мы, конечно же, лучше будем понимать, что она обозначает. В таком чтении мы нуждаемся. Иначе нам не нужны были бы ни толкования на Евангелие, ни толкования на Псалтирь и прочее. Однако в них изъясняется Священное Писание и Священное Предание, и, безусловно, чтение их приносит пользу.

Я думаю, что был приведен прекрасный пример той пользы, которую приносит чтение догматической литературы.

Вопрос. Святые отцы говорят, что какое начало монашеской жизни положишь, так она и пройдет до конца. У меня начало жизни в монастыре очень нерадивое, соответственно, и мысли совсем не оптимистические.

Ответ. Не нужно самого себя делать обреченным и, прочитав какое-то изречение, цепляться за него, для того чтобы оправдать свое уныние. Если ты вначале упал в воду, то что же тебе делать дальше? На дно идти? Или все-таки ты будешь стараться выплыть? Не так ли? Представим себе матроса, которому в начале службы случилось выпасть за борт. Что же с ним делать? Разве топить?

Вопрос. Я прочла в книге "Письма к Олимпиаде" Иоанна Златоуста о том, что праведный Авраам вонзил нож в гортань сына. Так ли это? До сих пор не слышала об этом, думала, что он лишь занес руку над Исааком.

Ответ. Я думаю, что это было образное выражение, риторическое преувеличение. Нигде ни в Священном Писании, ни у святых отцов нет намека на то, чтобы праведный Авраам вонзил нож в гортань Исаака. Видимо, настолько велика была в нем готовность совершить такой подвиг, что он как будто бы уже сделал это.

Вопрос. Меня люди хвалят, и я тщеславлюсь и горжусь даже по пустякам. У меня есть такой помысел: начать юродствовать, чтобы люди меня не хвалили. Как мне быть?

Ответ. По крайней мере, не юродствовать. Юродство - это особый, очень тяжелый подвиг, требующий необычайного мужества и смирения, необыкновенной ревности и терпения, и берет его на себя по особенному благословению Божию. А кто принимает его самовольно, тот становится юродивым на самом деле, то есть лишается рассудка.

Вопрос. Скажите: если я стала читать акафист с целью попросить святого конкретно в чем-то помочь мне, то при молитве я должна углубляться в слова акафиста или иметь в уме единственный помысел - смиренное, соответствующее моим силам прошение?

Ответ. Я считаю, что не следует иметь в уме помысел о том, что тебе нужно. И Бог, и угодник Божий знают, в чем ты нуждаешься. Внимательное чтение гораздо дороже. Не

думай, что если ты не будешь иметь в уме конкретное прошение, то святой, которому ты молишься, не услышит тебя. Ему все известно, открыто Духом Святым, хотя бы ты никому о своей нужде и не говорила. Не известно людям, а угодники Божии, находящиеся в общении с Богом, через таинственное Божественное воздействие знают, о чем мы их просим. Иначе как на Небесах великомученик Пантелеимон, скажем, услышал бы то, что мы на земле здесь перед его иконой говорим. Конечно же, Дух Святой является, так сказать, проводником этих наших слов и мыслей на Небеса.

Вопрос. Плохо ли, если часто возникает желание принять постриг? Я стремлюсь к нему не только потому, что меня в нем привлекает внешнее: сам чин, одежда, - но и потому, что желаю, получив благодать, которая дается при постриге, уже навсегда отречься от мира, не оглядываться назад и еще более усердно заняться делом своего спасения. Как правильно к этому относиться?

Ответ. Думаю, что в описанном здесь отношении к постригу перемешано и хорошее, и плохое. Одежда не должна привлекать, она ничего не значит и ничего не дает. Дает - решимость отречься от своей прошлой жизни. А изменение внешнего вида, конечно, на нас, немощных, как-то действует и, возможно, приносит нам какую-то пользу, но действует именно как на немощных. И может статься, что мы поддадимся тщеславию: наденем клобук, рясу и будем считать себя какими-то особенными, как фарисеи из Евангелия, которые удлинляли свои одежды, увеличивали воскрилия риз своих и так далее. Поэтому лучше такого отношения к монашеской одежде остерегаться. Конечно, хорошо, что ты стремишься к постригу, но лучше было бы стремиться собственно к отречению от мира, а не к обряду. Господь же, когда будет нужно, когда Он увидит, что ты действительно имеешь соответствующую решимость, устроит и постриг. Не постриг дает отречение от мира, а отречение, так сказать, внешне выражается постригом.

Вопрос. Правильное ли это отношение к наставнице, если чувствуешь любовь к ней, если хочешь быть похожей на нее, подражать ей, чем-то услужить; если скорбишь при ее болезни? Духовное ли это чувство?

Ответ. На мой взгляд, это вполне нормальное, здоровое духовное чувство. Где нет любви, там невозможно и доверие. Бывает, конечно, нездоровое пристрастие, - правда, оно чаще возникает в тех случаях, когда человек имеет наставника противоположного пола. Любовь может быть разной. Разумеется, нужно бояться того, чтобы примешивались нечистые чувства, а если они появляются, то пресекать их. Когда же ты испытываешь доверие, любовь и какое-то сочувствие к наставнице, то это естественно, без этого нельзя. Мы люди, а не какие-нибудь литературные персонажи или роботы, и у нас, без сомнения, должно быть чувствующее сердце.

Вопрос. Если у меня брань или уныние, то стараюсь это скрыть и не показать чем-либо ближним. Например, если хочется плакать, то стараюсь пошутить. Иногда шутка помогает преодолеть даже свое уныние или искушение. Правильно ли это?

Ответ. Это можно допускать иногда, понимая, что шутка не главное средство. А вообще, у меня создалось такое впечатление, что девушкам всегда хочется плакать. Говорят иногда про какого-нибудь человека, что покажешь ему палец - он будет смеяться, а что касается девушек (я имею в виду послушниц), то, мне кажется, им палец покажи - начнут плакать. Скажешь: "Вон птичка полетела" - заплакали. "Птичка прилетела" - опять плачут. "Иди на

послушание" - в слезы. "Уходи с послушания" - снова слезы. И так без конца плачут. Раньше я очень переживал, брал платок, вытирал слезы, думал: "Зачем же я это сказал? Она заплакала". Теперь же она часами проливает слезы - а в сердце моем не возникает сочувствия. Думаю: "Ладно, пусть поплачет". Иногда, когда времени мало, я говорю: "Знаешь, хватит плакать, там меня люди ждут. Приступим к делу". Женская природа нежная, и потому женщинам плакать очень легко. Это не те слезы, которые являются настоящими покаянными, их очень трудно выжать и у женщины, и у мужчины. Более того, чувствительные женские слезы противоположны слезам покаяния. Слезы покаяния прекращают этот плач, и этот плач прекращает покаяние. Таковы-то все эти, так сказать, девичьи переживания. Поэтому я советую презирать этот плач, относиться к нему как к мозоли на ноге.

Вопрос. От мысли о своей смерти появляется чувство страха, даже теряется душевное спокойствие. Можно ли отнести это к памяти смертной?

Ответ. Конечно, спокойствие будет теряться. Какое же может быть спокойствие от страха? Другое дело, что при помощи памяти смертной и страха Божия мы изгоняем мирскую суетность, разнообразные мирские, греховные, суетные помыслы и в этом смысле успокаиваемся. Но мы вызываем в себе другую тревогу - о своей будущей участи и этой тревогой изгоняем из себя беспокойство о различных земных заботах и скорбях. Поэтому мы в каком-то отношении успокаиваемся, а в каком-то, наоборот, приходим в еще большую тревогу. И это хорошо. Лучше беспокоиться о своем уделе в вечности, чем о земных вещах. Совершенные же христиане приходят в такое состояние, что уже не испытывают страха. Антоний Великий говорил о себе, что совершенная любовь вон изгоняет страх. Но нам, конечно, до этого весьма и весьма далеко, и, вообще, такого высочайшего духовного состояния достигают очень немногие. И если оно существует, то это не значит, что обязательно, так сказать, существует для нас.

Вопрос. Даже при внимательной молитве нет к ней сердечного сочувствия, ощущаю сухость. Отчего так происходит и как это состояние преодолеть?

Ответ. Здесь может быть много разных причин: какой-нибудь грех, отогнавший от тебя благодать, возможно осуждение, иногда просто даже усталость или физическая немощь и др. Я думаю, что самый лучший, самый здоровый подход - не обращать на это внимания и стараться, несмотря ни на что, изо всех сил молиться. Правда, некоторые, имея чрезмерную ревность, понуждают себя к молитве тогда, когда надо было бы просто отдохнуть. Конечно, здесь надо сделать оговорку: я не знаю конкретной ситуации, нужно советоваться. Порой бывает так, что человек хотя и очень устал, но все-таки имеет ревность помолиться. Пусть это будет физическая усталость, иногда умственная, если послушание связано с какой-то умственной деятельностью. Тогда имеет место некое насилие в молитве, так называемая сухость. Быть может, нужно просто отдохнуть: немножко поспать или отвлечься. На что отвлечься? На чтение, например, или на какое-нибудь занятие, дающее отдых, прежде всего душевный. После такого отдыха сердечного сочувствия в молитве становится больше, она бывает более искренней. Но еще раз сделаю оговорку, что надо посоветоваться со своим духовником или со своей старицей.

Вопрос. Иногда, подарив сестре какую-либо вещь, я начинаю потом жалеть об этом, хотя, когда дарила, такого сожаления не было. Это проявление сребролюбия или

дьявольский прилог, чтобы смутить?

Ответ. Это ведь одно и то же. Некоторые из отцов говорят, что страсти - это суть демоны. Поэтому все равно: скажем ли, что это сребролюбие, или скажем, что это дьявольский прилог. Правильнее же назвать это дьявольским прилогом сребролюбия.

Вопрос. Я обращаю большее внимание на помыслы во время молитвы, чем на саму молитву, как бы охочусь за помыслами. Хочется рассказать их наставнику. Запомнить их все же не получается, и вместе с тем я наношу вред своей молитве. Как правильно поступать?

Ответ. Конечно, не нужно охотиться за помыслами. Надо рассказывать те помыслы, которые не удастся отогнать при помощи молитвы. А здесь выходит, что я отвлекаюсь от молитвы, чтобы вступить в собеседование с помыслом, чтобы разглядеть его. Зачем его разглядывать? Самое лучшее, высочайшее, можно сказать, духовное состояние, о котором говорит Иоанн Лествичник, когда помыслы приходят и мы не знаем, какие именно помыслы приходили и для чего они приходили, то есть мы даже не смогли их рассмотреть. Это наилучшее духовное состояние.

Вопрос. Если видишь на улице хулиганство или на твоих глазах пьяные совершают какие-то нарушения, то позволительно ли сдавать хулиганов, нарушителей в милицию? Это грех или нет?

Ответ (батюшка смеется). Я думаю, что можно сдать, если получится. Если есть возможность так сдать, чтобы они не нахулиганили в отношении тебя, то есть нужно подумать, опасно это или нет.

Вопрос. Если кто, хотя бы и из родных, в Бога не верит, я на тех злюсь и даже в душе появляется чувство, что они для меня посторонние, раз неверующие. Почему возникает такое чувство? - От зла, от ревности или Господь Бог дает его?

Ответ. Люди всегда ищут не только родственной близости, также им недостаточно иметь лишь соседей по улице, но они прежде всего ищут единодушия во всем. Допустим, оказался бы я в купе поезда с каким-нибудь убежденным коммунистом. О чем бы мы с ним стали говорить? Или бы мы с ним совсем разругались, или бы я залез на верхнюю полку от греха подальше и повернулся бы лицом к стене, чтобы коммуниста этого не видеть, не так ли? А если бы ехали в том купе два коммуниста, то они с удовольствием поговорили бы о победе коммунистического труда или о светлом будущем. Конечно, единодушие в чем бы то ни было, правильном или неправильном, облегчает общение. О чем мне, православному христианину, говорить с коммунистом или буддистом? Мы должны либо спорить, либо выбрать какую-нибудь нейтральную тему, а их на самом деле не так уж и много. Например, будем говорить: "Вот какая хорошая погода", а потом попадетс я какое-нибудь здание с изображением серпа и молота - тут же и спор разгорится. У Солженицына рассказывается такой случай. В камере сидели две бывшие революционерки, но не большевички. Одна была, кажется, эсеркой, а другая принадлежала к какой-то иной партии. (Ведь на самом деле революцию сделали не большевики, а эсеры, большевики просто быстро захватили власть, она, так сказать, упала к ним в руки). Комиссары революционерок этих пытали и вообще относились к ним с большой жестокостью, бесчеловечно - не так, как до революции полиция относилась к революционерам. Здесь женщины эти проявили солидарность. Но никаких революционных гимнов они петь не могли, потому что партии, к которым они принадлежали, имели разные гимны. И они стали петь какую-то народную песню, просто

потому, что у них не было другого способа, выразить свою солидарность в чем-то. Вот пример того, как люди разномыслящие не могут найти согласия. Отсюда никак нельзя сделать вывод, что их взаимное непонимание - от Бога, все это просто говорит о том, что у них разные убеждения. Если у меня, православного человека, общение с неверующими людьми вызывает гнев и дело доходит до драки, то это не значит, что эта ревность у меня от Бога, но значит, что я под предлогом усердия к Православной вере проявляю ложную ревность и на самом деле грешу. Тем самым компрометирую, между прочим, и свое Православие, свое Христианство.

Вопрос. На прошлой беседе Вы сказали, что при чистоте мыслей желание обнять, поцеловать своего наставника, духовного отца является естественным, но не пояснили, можно ли это делать.

Ответ. Не надо этого делать! А то вы все начнете меня обнимать. Нет, делать этого не надо. Я сказал, что это естественное желание потому, что мы так представляем любовь. Того, кого человек любит, ему хочется обнять и поцеловать. Но отсюда нельзя заключить, что мы должны это делать. Такое чувство бывает не только по отношению к духовнику. Иногда, в особенности после Причастия, вообще, после какой-то искренней молитвы, хочется всех обнять и поцеловать, потому что от действия благодати чувствуется любовь к ближним. Это не значит, что я должен сейчас пойти по церкви или, тем более, на улицу выйти и начать всех обнимать и целовать, не так ли? Одно дело - как я представляю себе чувство любви, другое дело - как нужно поступать. Совсем необязательно обнимать. Свою любовь, расположенность можно выразить и иначе: как-то помочь человеку, сказать доброе слово, в конце концов, улыбнуться, стерпеть какую-то обиду или колкость. Это будет разумно, и вовсе незачем всех обнимать, да еще и целовать.

Вопрос. Появилось желание слушать Псалтирь. Не всегда есть возможность пойти в храм, а дома слушать ее можно только с магнитофона. Нельзя ли, чтобы ваши чтецы записали чтение Псалтири на кассеты? Псалмы легче воспринимать на слух, кроме того, прослушивание записей поможет лучше запомнить и понять псалмы. Или это излишне?

Ответ. Делать так, конечно, можно, но не знаю, насколько это полезно. Если есть такое желание - слушать Псалтирь, то, наверно, лучше какие-то псалмы выучить наизусть и читать их во время работы - это традиционно, православно. Можно слушать их и с магнитофона, только у нас нет таких чтецов, чтобы читали красиво. Вообще, трудно дать определенный ответ, по крайней мере такое прослушивание не является традицией Православной Церкви. Быть может, оно и позволительно, но боюсь, как бы не возникло к этому такого вот отношения: это магнитофон, пожелаю - выключу, пожелаю - включу. Тогда получится такое богослужение, которое можно и выключить, прервав порой на половине псалма, и включить. Если есть желание слушать Псалтирь, если духовник советует делать это, считает, что это будет полезно, то, мне кажется, лучше было бы какие-то псалмы выучить наизусть. Начать, быть может, с тех, которые читаются во время богослужения и уже тебе знакомы, или с тех, которые производят на тебя какое-то впечатление. И во время работы вслух читать Псалтирь, как делали некоторые наши подвижники, например знаменитые просфорники Киево-Печерской лавры.

Вопрос. Как быть, если с самого детства в тебе преобладала блудная страсть и сейчас, причиняя боль, напоминает блудные грехи, совершенные в молодости, и до сих пор

донимает блудными ощущениями и блудными снами? От этого смущаешься, становится противно и очень хочется очистить свою душу от блудной страсти. Во время молитвы нападает, усиливается блудное ощущение. Как быть?

Ответ. Я думаю, что молиться нужно, а если нападает, усиливается блудное ощущение, то это не значит, что ты делаешь что-то неправильно. Полагаю, дьявол нападает еще больше, еще страшнее обыкновенного как раз потому, что ты усердно молишься и пытаешься очиститься. Что касается снов, то на них не надо обращать внимания; еще необходимо сказать, что часто они сняты совсем не от присутствия в человеке блудной страсти, а оттого, что он поддается осуждению и презрению ближних. Потому-то и оскверняется блудными сновидениями. Как ни странно, но именно это очень часто является причиной блудных снов. Также они бывают от объедения. Но если речь идет о человеке немощном, пожилom, то, скорее, у него это не проявление блудной страсти, а следствие осуждения. Кроме того, в записке говорится, что тебе от всего этого противно. Значит, причина не в блудной страсти. Когда действует блудная страсть, то бывает не противно, а приятно. Поэтому мне кажется (надо, конечно, разобраться), что это может быть и хульная брань, смущающая воспоминаниями о прошлых грехах, к которым на самом деле сердце твое уже остыло и которым оно не сочувствует. Зачастую эти воспоминания смущают и приводят к унынию. Надо проследить за тем, появляется ли при воспоминании о прошлых грехах уныние, смущение, отвращение, отчаяние. Если нечто подобное есть, то все это больше похоже на хульную брань. Сказанное относится отнюдь не ко всем, каждый пусть рассуждает о себе отдельно. В принципе, блудная страсть бывает у людей даже и в старости. Все возможно, разные встречаются люди. Но скорее всего, лишь в исключительных случаях человек немощный плотью испытывает такое сладострастие.